
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
Восход
Ганимеда

Annotation

Судьба земной колонии на спутнике Юпитера Ганимеде висит на волоске. Члены экипажа крейсера военно-космических сил США, тайно прибывшего к планете для поиска артефакта внеземной цивилизации, не выдержав длительного перелета, один за другим сходят с ума. Джон Кински, командир корабля уже готов нажать на ядерную кнопку и уничтожить Ганимед. Остановить катастрофу пытается девушка-киборг Лада, агент российской внешней разведки. Она не колеблясь идет в самое пекло, потому что жалеть и терять ей уже нечего. Все самое страшное, что может произойти с человеком, Лада уже пережила…

Андрей Ливадный Восход Ганимеда

Пролог

Космический корабль, парящий на фоне бледной, серо-голубоватой облачности, издали казался похожим на гигантское тусклое веретено, — но только издали.

При приближении восприятие веретенообразной формы начинало распадаться — слишком много деталей рукотворной конструкции бросалось в глаза, и все они представлялись внушительными, значимыми и немного непостижимыми.

Трудно было поверить, что это, сделали люди, а когда осознание данного факта все же приходило, то вместе с ним просыпалась гордость.

Представьте себе матово-черный цилиндр, с чуть серебрящейся, тусклой поверхностью, диаметр которого превышает километр, а совокупная длина, вместе с полусферическими выступами на торцах, равняется пяти тысячам метров, и вы получите представление о той *основе*, на которой монтировались множественные дополнительные секции транссистемного космического корабля «Альфа».

Этих дополнительных секций было ровно пятнадцать, и они опоясывали среднюю часть цилиндра, как туго набитый гильзами патронташ охотника.

Каждая такая «гильза» в миниатюре повторяла центральный стержень «Альфы».

Поверх монолитной конструкции из шестнадцати цилиндров и двух полусфер располагалось множество более мелких надстроек различных корабельных служб; в некоторых местах тонкой серебристой щетиной возвышался целый лес антенн, часть из которых была вынесена далеко в космос на специальных опорных штангах. И все это жило своей размеренной, загадочной жизнью. Помимо вращения всего корабля вокруг оси главного цилиндра, независимо от него вращались и все пятнадцать опоясывающих центральную часть «Альфы» грузопассажирских секций, на обшивке которых то и дело мерно вспыхивали голубые и красные прожектора, обозначая габариты конструкций, лениво поворачивались вогнутые плоскости параболических антенн систем навигации, иногда из неприметных диафрагменных отверстий в космос вырывались крохотные облачка пара, которые тут же замерзали, превращаясь в кристаллики льда, — казалось, что огромный корабль дышал, медленно и ровно, как чудовищных размеров животное, что прилегло отдохнуть возле серо-

голубоватого шарика планеты…

Как ни странно, но на борту столь внушительной конструкции находилось очень мало людей, которые занимались обслуживанием и пилотированием «Альфы».

Штатный экипаж бодрствующей смены составлял всего двадцать человек, и столько же находилось в резерве, погруженные в низкотемпературный сон.

Именно поэтому многокилометровые секции космического корабля во время долгого перелета между Землей и Юпитером практически пустовали, отданные во власть компьютеров и других автоматических систем управления.

Попав в глубокий космос, или, как еще по-другому называли удаленные просторы Солнечной системы, в Дальнее Внеземелье, люди впервые по-настоящему почувствовали, сколь ничтожны они сами по сравнению с бесконечностью необъятного мрака и сколь велики, раз все же сумели переступить порог планетных орбит и бросить дерзкий вызов этой БЕЗДНЕ…

И еще. Создав прецедент межпланетных перелетов, человечество осознало, что вторглось в область совершенно новых условий выживания и соответственно технологий.

Первый экипаж, достигший лун Юпитера и совершивший посадку на Ганимед, Ио и Европу, не выдержал обратного пути.

Тридцать пять из сорока — таков оказался счет, выставленный Дальним Внеземельем за вырванные у него тайны.

Тридцать пять членов экипажа не выдержали трехлетнего полета в пустоте — их психика навсегда осталась там, среди великого ледяного НИЧТО…

Люди внезапно поняли: компьютер и сама технология, связанная с этим термином, то есть идея автоматических управляющих и исполнительных систем, куда более значима для человечества, чем то предполагалось при земном использовании электронных машин и механизмов.

Дальний космос оказался по плечу только им.

Пока…

Люди не привыкли расписываться в собственном бессилии, и в истории Земли есть множество тому подтверждений, но в сложившейся к середине 30-х годов XXI века ситуации ставку пришлось сделать именно на машины.

Их «мозг» не уставал от постоянного бодрствования, они, как

правило, не ошибались в математических расчетах, тусклые линзы видеосенсоров не слепли и не терялись взглядом в бездонных глубинах пространства. Они не были подвержены ни клаустрофобии, ни агрофобии — двум видам психических расстройств, ставших буквально бичом первого пилотируемого транссистемного перелета, машины сколь угодно долго могли работать рядом друг с другом — для компьютеров критерием совместимости являлась лишь адекватность программного обеспечения, а никак не родство душ, которое, как выяснилось, в узких и тесных каморках космического корабля запросто может перерасти в неприятие и откровенную ненависть за смехотворно короткий срок…

Таким образом, не было ничего удивительного или же ненормального в том, что многокилометровые переходы космического транссистемного корабля «Альфа», совершавшего очередной регулярный рейс между Землей и Ганимедом, оказались в этот час пусты и безлюдны.

Корабль только что закончил суборбитальный маневр сближения с планетой и теперь повис как бы между двух пространств: с одной стороны простиралась еще достаточно разреженная, новорожденная атмосфера планетоида, которая только недавно начала набирать свою голубизну, а с другой — тускло светился отраженным светом огромный, подавляющий своими размерами бело-коричневый шар Юпитера.

За краем планетного диска Ганимеда разгоралась ослепительная серпообразная аура — это из-за планетоида медленно поднималось, двигаясь по орбите навстречу вращению луны, маленькое термоядерное солнце, обогревшее своими лучами этот дикий ледяной мир, чтобы сделать его пригодным для жизни людей.

В некоторых отсеках «Альфы» не горело даже дежурное освещение. Во мраке терялись очертания стен и принайтовленного[1] к ним и к полу оборудования, предназначенного для разгрузки на Ганимеде.

В одном из таких отсеков и произошло совершенно неординарное для космического корабля событие.

В полнейшем мраке, который окутывал помещение всю дорогу от Земли до Юпитера (а длился перелет без малого девять месяцев), все же присутствовал небольшой, едва заметный проблеск света. Он проникал наружу через небольшие дырочки, которые остались на месте отсутствующих крепежных элементов клепаного шва одного из контейнеров.

Внутри контейнера происходило нечто необычное. Мало того, что вопреки всем инструкциям внутрь массивного кубического ящика тянулись

от стены два толстых кабеля энергопитания, но плюс к этому на месте их соединения со стеной оказался установлен небольшой прибор с тускло светящейся индикационной шкалой. Окажись тут специалист-электронщик из ведомства контрразведки, он бы без колебаний заявил, что кто-то ворует энергию из бортовой сети «Альфы», вводя при этом в заблуждение все системы контроля.

Внутри контейнера присутствовал неяркий, приглушенный, зеленоватый свет. Его источником могло быть все, что угодно, но резкое шипение и неприятный запах медицинских препаратов, который ощущался в затхлом, давно не вентилированном воздухе трюма номер 123, говорили в пользу того, что там работает какая-то система жизнеобеспечения…

Сверившись с декларацией бортового груза «Альфы», можно было легко получить подтверждение данной догадке — в контейнерах трюма перевозилось аварийное оборудование для строящегося в колонии убежища, а именно: в кубических ящиках, что располагались в два яруса по всей площади трюма 123, транспортировались криогенные камеры для низкотемпературного сна. По спецификациям, хранящимся в долгосрочной памяти бортового компьютера «Альфы», они все были отключены и законсервированы.

Однако свет, шипение, острый запах медикаментозных препаратов и наличие силовых кабелей свидетельствовали об обратном.

Внутри кубического контейнера раздался характерный щелчок, будто там отскочил какой-то фиксатор, и тут же свет, пробивающийся в дырочки, оставленные на месте отсутствующих заклепок, сменил свой спектр, превратившись из зеленоватого в бледно-желтый. Одновременно из щелей нарушенного уплотнения транспортного контейнера начал просачиваться неприятно пахнущий молочно-белый газ.

После данного инцидента на некоторое время все стихло.

Прошло без малого несколько часов, в течение которых газ успел полностью улетучиться, оставив после себя лишь слабый, раздражающий обоняние запах, прежде чем в отсеке произошли очередные события.

Внутри контейнера ясно прозвучал какой-то скрип, затем тихий стон, и наконец раздались невнятные звуки возни, будто там шевелилось что-то мягкое.

Боковая стенка ящика, на которой по всему периметру отсутствовали заклепки, вдруг вздрогнула от приложенного изнутри усилия и отделилась, плашмя упав в проход между контейнерами.

Свет мгновенно стал ярким, неприятным…

Внутри открывшегося кубического пространства действительно

оказался заключен медицинский саркофаг, предназначенный для низкотемпературного сна.

Прозрачный колпак камеры был поднят, а рядом, на полу, сидела, скорчившись в болезненной позе, молодая женщина.

Ее тело сотрясала крупная непроизвольная дрожь, кожа была бледной, если не сказать — пепельно-серой.

Лицо женщины в данный момент больше походило на тотемную маску смерти, чем на нормальную человеческую физиономию.

По обнаженному телу медленно скатывались крупные капли неприятной на вид, чуть желтоватой, маслянистой жидкости.

Несколько минут женщина просидела не шевелясь, видимо, не в силах двинуться. Потом сотрясавшая ее рефлекторная дрожь вдруг прошла, совершенно внезапно и беспричинно, — температура в отсеке едва ли отличалась от ноля градусов по Цельсию, и по стенам тут и там ползли замысловатые узоры изморози от замерзшего конденсата. Прошло еще некоторое время, и женщина разогнулась, затем поднялась на ноги одним плавным, тягучим движением, будто в ее теле отсутствовали все кости.

Красивое лицо с правильно прорисованными чертами еще сохраняло болезненное выражение, но ее стройное, прекратившее дрожать тело, казалось, не имело ничего общего с лицом, — оно жило по своим правилам, и никакая дисфункция больше не присутствовала в движениях, а землисто-серый цвет лица загадочной женщины, резко диссонировавший с порозовевшей кожей тела, лишь усиливал ощущение того, что они не являются частями единого организма.

Очевидно, и ее внутренние органы не очень-то ладили с внешней оболочкой, — сделав несколько движений, она вдруг вскинула руки, зажав ими рот…

Наконец, простояв согнувшись некоторое время, она нашла в себе силы подавить дурноту и протянула руку к криогенной камере, на ощупь выудив оттуда одноразовое полотенце, в которое оказался заботливо завернут какой-то пакет.

Из него на свет был извлечен комплект нижнего белья и тонкая серая униформа, без каких-либо знаков различия. В нагрудном кармане одежды нашлись заранее приготовленные пилюли, которые она проглотила с жадностью, а потом опять застыла на некоторое время, зажав обеими руками рот…

Постепенно кожа ее лица тоже начала приобретать нормальный цвет.

В отсеке стоял жуткий холод, и если бы не маслянистость той жидкости, что капельками покрывала тело, то женщина бы уже наверняка

окоченела.

Однако она не обращала на это ни малейшего внимания, — казалось, что тело не только не заботит ее, но и не причиняет никаких физических неудобств. Гораздо критичнее она отнеслась к собственной голове, — первое, что она сделала, немного придя в себя, — это вытерла лицо и волосы. И только потом торопливыми, но достаточно тщательными движениями вытерлась вся.

За весь период этого загадочного действа в стылой тишине отсека не раздалось ни звука, за исключением сдавленного, бесконтрольного стона в самом начале процесса, — женщина, видимо, обладала огромной волей, и сейчас, несмотря на холод и явные неудобства, в гробовой тиши был слышен лишь звук прерывистого дыхания, вместе с которым из ее рта вырывался пар…

Одевшись, она подошла к контейнеру, вытащила из его глубин объемистый кофр, раскрыла и извлекла оттуда белоснежный скафандр с характерным для ранцевого реактивного двигателя вздутием на спине.

В этот момент ее губы вдруг тронула совершенно неожиданная легкая улыбка.

«Господи, неужели получилось?..» — говорили ее разгладившиеся, сбросившие напряжение черты.

До полной свободы, до исполнения самой сокровенной мечты оставался всего один шаг…

Порывисто расправив скафандр, она отложила в сторону гермошлем с дымчатым поляризованным забралом и начала торопливо экипироваться для выхода в открытый космос.

Она не знала и не могла знать, как много изменилось на Ганимеде за те восемь с небольшим месяцев, что космический корабль «Альфа» провел в глубоком космосе.

* * *

К этому моменту на борту «Альфы», помимо штатных членов экипажа и той загадочной женщины, что скрывалась в грузовых трюмах, бодрствовал еще один человек.

Он только что вышел из реабилитационной камеры, где получал массаж и душ после длительного сна. Растершись грубым, шероховатым полотенцем, которое приятно согрело кожу, полковник Военно-космических сил России Виктор Сергеевич Наумов натянул комплект униформы и покинул медицинский модуль.

Его уже ждали.

— Сюда, пожалуйста, — пригласил офицер корабля, обменявшись с Наумовым рукопожатием.

— Что-то случилось? — сдержанно поинтересовался Виктор Сергеевич, вслед за офицером входя в тесный тамбур, по стенам которого ровно светились пластины сканеров.

— Сейчас капитан сам все объяснит, — ответил его провожатый, ожидая, пока их личные карточки, его и полковника, выскочат из узкой прорези сканирующего устройства.

— Все в порядке, можем идти, — произнес он, возвращая Наумову унифицированное удостоверение личности.

Собственно, помещение, куда они попали, не являлось постом управления, — пять или шесть лениво перемигивающихся огнями терминалов, пустые кресла за ними да внушительный обзорный экран, демонстрирующий истыканную точками звезд черноту, в которой величественно застыл грязно-коричневый шар Юпитера, — вот все, что заметил Наумов. Секунду спустя он понял, что ошибся, — за средним терминалом кто-то сидел.

Услышав, что кто-то вошел, командир корабля повернулся вместе с креслом.

— Полковник Наумов? — поинтересовался он, встав навстречу вошедшим. Его русский оставлял желать лучшего, но Виктор Сергеевич не обратил внимания на акцент — сам он изъяснялся по-английски много хуже.

— К вашим услугам, сэр. — Наумов произнес эту фразу сознательно и обдуманно. «Не в вашем распоряжении», а к вашим услугам. И, несмотря на выдержку, вновь покосился в сторону огромного экрана обзора.

К горлу вдруг подкатила тошнота, а внутри, там, где обычно находится желудок, стало пусто и холодно.

Огромный коричневато-желто-белый шар планеты Юпитер оказал на разум Наумова мгновенное шокирующее и болезненное воздействие, словно те самые окружающие корабль миллиарды километров пустоты промелькнули перед ним, вытянувшись одной черной бесконечной лентой…

Впрочем, шок длился ровно столько, сколько Наумов смотрел на экран, — одно мгновение.

— Сядем, полковник, — сухо произнес капитан «Альфы», указывая на два расположенных друг возле друга кресла.

Патрика Гормана, его напарника Андрея Столетова, как, впрочем, и капитанов второго транссистемного космического корабля «Бета», знал

весь земной шар. Сменные капитаны «Альфы» пилотировали ее по очереди. У каждого был свой экипаж. Смена на борту происходила один раз в два месяца. Остальное время «отдыхающая вахта» проводила в камерах низкотемпературного сна.

— У нас большие неприятности, господин полковник, — глухо и немного раздраженно сообщил Горман терпеливо ожидавшему объяснений Наумову. — Я не разбудил смену, хотя должен был это сделать. Вместо этого я разбудил вас.

Наумов только слегка приподнял бровь, внимательно слушая капитана корабля.

Он понимал — случилось нечто выходящее из ряда вон. К неосознанному пока чувству тревоги примешивались и другие ощущения, ни одно из которых нельзя было назвать приятным. Сама обстановка космического корабля действовала на нервы — Наумову, как и большинству людей, никогда не покидавших свою планету, был абсолютно чужд этот мир, а та бездна, что расплескалась на экранах внешнего обзора, вызывала ощущение сродни животному страху.

Человечество еще слишком недолго осваивало космическое пространство своей системы, чтобы люди перестали бояться космоса и успели свыкнуться с ним.

— Я нахожусь на действительной военной службе, — сдержанно напомнил он Горману, давая понять, что в любой ситуации он связан прежде всего воинским долгом перед своей страной.

— Я знаю. Но мне необходимо ваше содействие. Речь идет о чрезвычайной, нештатной ситуации… — Командир «Альфы» говорил, глядя в пол куда-то между своих ног. — Нас не пускают на Ганимед, — наконец медленно, тяжело произнес он.

Несколько секунд Наумов не мог ничего ответить — для этого попросту не нашлось слов. Сказать, что он был потрясен, означало очень мягко обрисовать то внезапно вернувшееся ощущение пустоты, что на мгновение просто затопило его разум… И только волевое усилие дисциплинированного сознания смогло вернуть способность рассуждать здраво, но глаза полковника остались прежними — не просто встревоженными, а даже немного растерянными.

— Не пускают? По какой причине7 — подавив в себе эмоции, спросил он. Только появившаяся на лице бледность да резко обозначившиеся скулы выдали смятение чувств русского полковника.

То, что сообщил ему Патрик Горман, казалось абсолютно невозможным. Слишком много значил Ганимед для всех живущих на Земле

людей. И чтобы корабль, который преодолел бездну пространства и нес на своем борту столь необходимое колонии оборудование и новых поселенцев, вдруг отказались пускать на планетоид… Это был какой-то бред, нонсенс!.. Наумов мог предполагать все, что угодно, но только не это…

— Я не знаю… — откровенно признался Горман, отвечая на заданный вопрос. — Поначалу они плели какую-то чушь о профилактических работах на космодромах. Но это абсурд — начинать такие работы именно в тот момент, когда должно произойти очередное прибытие «Альфы»! А потом колония замолчала вовсе и не выходит на связь, сколько мы ни пытались! — внезапно взорвался он, дав понять Наумову, что ситуация длится уже не один час…

— А что говорит Земля?

— Ничего… — несколько тише произнес капитан. — С ней у нас тоже нет связи… Радиограмма на ваше имя — это последняя весточка, что мы получили оттуда. — Он повернулся, нашел глазами офицера, что привел полковника в этот зал, и произнес, чуть повысив голос: — Сэм, мне нужна шифровка на имя полковника Наумова.

Офицер кивнул, исчезая в двери по ту сторону поста управления.

— Вот она, сэр, — минуту спустя доложил он, протягивая Наумову сложенный вчетверо листок.

Виктор Сергеевич кивнул офицеру, развернул сообщение и быстро пробежал глазами короткий шифрованный текст.

— Это имеет какое-то отношение к возникшей ситуации? — напряженно поинтересовался Горман.

— Нет, — не колеблясь, покачал головой Наумов. — Здесь идет речь об одном из членов моей группы. У него возникли проблемы семейного плана, — сдержанно сообщил он, видя, как проблеск надежды в усталых глазах Гормана сменяется разочарованием.

— Жаль… — негромко произнес капитан. — Я думал, вы сможете прояснить хоть что-то в этом змеином клубке. Выходит, что я зря приказал вывести вас из гиперсна…

Наумов посмотрел на Гормана. Его серые, неживые щеки, блеклые, будто выцветшие глаза, подернутые мутной красноватой поволокой недосыпания, говорили о состоянии капитана гораздо больше, чем он сам хотел бы. Полковник частенько испытывал на себе последствия стрессовых перегрузок, и для Наумова не составляло труда понять, что он видит перед собой человека не просто уставшего — капитан находился под диким прессингом непреодолимых обстоятельств и пребывал на волоске от срыва. Это Наумов мог утверждать точно.

— Подождите, Горман, может быть, я сумею что-то сделать? Расскажите, что случилось? Почему отсутствует связь? Как долго это все длится?

— Связи нет трое суток. Сейчас между нами и Землей находится Солнце. Вполне нормальное явление, которое будет продолжаться еще несколько дней, но я не могу столько ждать! А Ганимед в одностороннем порядке прекратил всякие сношения с бортом «Альфы»… — удрученно повторил он.

— Почему?! — настаивал Наумов. Он привык мыслить логически, а в такой сфере, как Дальний космос, по его понятию, были задействованы люди без исключения умные и последовательные. Поэтому полковнику казалось, что капитан «Альфы» попросту что-то недоговаривает.

— Я не знаю… — вновь повторил Горман, и в его голосе проскользнули нотки отчаяния и обреченности. Затем, посмотрев на Наумова, капитан, еще секунду назад давший понять, что разговор окончен, вдруг откинулся на подголовник кресла. Видимо, он изменил свое мнение. Наумов не был лично знаком ни с ним, ни со Столетовым, но знал, что оба являются профессионалами очень высокого класса и кадровыми офицерами. В период своей службы на «Альфе» они подчинялись исключительно ООН и не раз подчеркивали в своих интервью, что находятся вне политики и вне интересов каких-либо государств.

— Мы в крайне затруднительном положении, господин Наумов… — после протяженной паузы наконец произнес Горман. — Если экипаж «Альфы» не начнет пробуждение колонистов и их транспортировку на поверхность Ганимеда в ближайшие трое суток, то наше возвращение к Земле окажется под большим вопросом.

— Почему? — задал вполне закономерный вопрос полковник. Он не являлся экспертом ни в космической навигации, ни в теории небесной механики.

Патрик Горман тяжело вздохнул.

— В межпланетной навигации задействованы не только двигатели нашего корабля, но и множество других составляющих, — терпеливо пояснил он. — «Альфа» не может нести на своем борту безграничный запас топлива — поэтому все этапы полета строго рассчитаны во времени и в пространстве. Для набора скорости и торможения производятся очень сложные вычисления, и траектория, по которой мы летим, позволяет использовать силы тяготения планет для торможения или разгона… это понятно?

— Да, — утвердительно кивнул Наумов.

— Тогда я скажу следующее — существуют временные рамки, в которых взаимное расположение небесных тел позволяет нам совершить расчетные действия. Если мы нарушим этот регламент, то «Альфа» никогда не достигнет Земли, — в той точке, куда мы стремимся, ее уже не будет — она уйдет дальше по своей орбите вокруг Солнца А смещение других планет, в частности Марса, исключит возможность экономии топлива. Космос достаточно жесток, полковник, и законы небесной механики не учитывают проволочек или несостыковок…

— По вашему мнению, на Ганимеде произошло что-то серьезное? — уточнил Наумов.

— По первым сеансам связи у меня создалось впечатление, что там настоящая паника… — устало пожал плечами Горман. — Судя по наблюдениям с орбиты, российский сектор освоения, в котором расположены космодромы, оборудованные для приема колонистов, полностью покинут. Но хуже всего не это… — Голос капитана внезапно стал жестким и сухим, как шуршащий по асфальту скрученный осенний лист. — Наши приборы зафиксировали необычайную активность в американском секторе. Мы провели подробное сканирование и обнаружили на низких орбитах Ганимеда… — Он вдруг запнулся, словно пребывая в нерешительности, имеет ли он право сообщать эту информацию русскому полковнику и каковы будут последствия ее передачи… — Мы обнаружили там «Гарри Трумэна»… — решившись, произнес он.

На этот раз лицо Наумова побледнело настолько, что никакое усилие воли не могло скрыть испытанного им потрясения.

После китайского кризиса этот корабль Военно-космических сил США знали все — даже те, кто никогда не слышал про Хиросиму и Нагасаки…

— Разве Ганимед не «зона безопасности»? — наконец спросил он.

— Выходит, что нет… — вздохнул Горман. — Вы-то летите именно туда, полковник. По приказу своего правительства.

— Но я — это всего лишь один человек! — резонно возразил Наумов. — Все в рамках соглашения ООН. Смена состава, так сказать. А по тому же соглашению военным кораблям запрещено пересекать орбиту Марса.

— Я знаю это не хуже вашего, полковник. Сейчас вопрос не в том, кто и как нарушил постановления ООН. У нас на борту две тысячи человек. Ресурсов «Альфы» попросту не хватит, чтобы доставить их назад, на Землю. По крайней мере всех… — понизив голос, добавил он.

— А почему вы сами не начнете разгрузку? Почему не пошлете на

планету «шатл»?

— У нас нет челноков, — сокрушенно покачал головой капитан. — Слишком дорогое удовольствие — возить через всю Солнечную систему транспортные «шаттлы». Разгрузку «Альфы» производят «Бураны». Они базируются на космодромах российского сектора освоения. На борту «Альфы» имеется лишь два десятка аварийных спасательных капсул, по количеству членов экипажа, включая спящую смену. Но я не могу рисковать своими людьми. Что бы ни творилось на Ганимеде, потеря любого члена экипажа окажется невосполнимой для «Альфы» и еще более снизит наши шансы на возвращение.

Наумову не составило особого труда понять, куда клонит Горман. Капитан космического корабля мог попросить у него только один вид помощи…

Поначалу ему стало немного не по себе — одно дело прыгать с парашютом с борта самолета, а другое — кувыркнуться с орбиты в утлой, по его мнению, спасательной капсуле. Но, собственно говоря, был ли у него выбор?

— Нужно спуститься вниз?

Горман пристально посмотрел на Наумова и медленно кивнул.

— Я смогу положиться на вас, полковник?

— В чем? — в свою очередь, прищурился Наумов. Он еще не вполне оправился от дурмана низкотемпературного сна, но внезапная шокирующая информация быстро приводила его в чувство.

Горман вдруг покачал головой.

— Вы должны понять, что тут не Земля, — устало произнес он. — Некоторые основополагающие понятия и моральные ценности тут становятся зыбкими… Я уже давно стал космополитом, — при этих словах он почему-то усмехнулся. — Возможно, тем, кто находится сейчас внизу, кажется, что у них проблемы. Возможно… — повторил он. — Но настоящие проблемы у «Альфы», вернее, у тех ничего не подозревающих пассажиров, что лежат сейчас в криогенных модулях!

— А «Гарри Трумэн»? Почему он находится здесь? Вы не пытались установить связь с ним?

— Они не отвечают. Как и весь Ганимед. Черт побери, полковник, я понимаю, что прошу от вас достаточно много, но поймите и меня! Капитану «Альфы» нет дела ни до «Гарри Трумэна», ни до тех событий, что происходят внизу! Это ДАЛЬНИЙ КОСМОС, ВНЕЗЕМЕЛЬЕ, если вы еще не осознали смысла данных терминов… Здесь нет права на ошибку, неточность, проволочки, межгосударственные прения… Я же не идиот и

понимаю: будь у них там внизу НАСТОЯЩИЕ проблемы, передатчики «Альфы» верещали бы без умолку! Нет, они молчат! Значит, внизу можно жить, и, поверьте, для меня этого достаточно, чтобы не найти оправдания их действиям!

— Хорошо. — Наумов согласился с командиром «Альфы» так просто, что тот недоверчиво покосился на русского полковника.

— Вы спуститесь вниз?

— Да, капитан.

* * *

Переговорив с Наумовым, Патрик Горман прошел в главный пост управления «Альфы».

Капитана тяготила неопределенность их положения — больше того, он был взбешен и озадачен происходящими вокруг событиями. За то время, что он руководил сменным экипажем «Альфы», Патрик действительно успел стать космополитом — он жил, начисто отрицая такие понятия, как «расовая принадлежность» или «государственная граница».

Если бы колония Ганимеда внезапно и необъяснимо умолкла, он бы первым ринулся туда выяснять, в чем дело, потому что знал, что такое КОСМОС и как беспощаден он бывает. Но нет. С ним НЕ ХОТЕЛИ разговаривать. Словно он прилетел сюда по собственной инициативе, незваным, нежданным гостем…

Внезапно в тяжелые мысли капитана вплелся резкий и неприятный сигнал тревоги.

Горман вздрогнул, привстав с кресла.

— Что еще стряслось, Джон?! — резко спросил он у дежурившего за главным пультом оператора.

— Старт с правого борта, сэр! — потрясенно воскликнул офицер. — Но это невозможно! Там никого нет! Пусковая шахта номер семь только что произвела выброс аварийно-спасательной капсулы!..

— Следите за ее траекторией! — приказал Патрик, мгновенно пересев в свое рабочее кресло и быстрыми движениями пальцев активируя расположенный перед ним терминал. — Мне нужны координаты ее входа в атмосферу!

Самопроизвольное срабатывание автоматики?

«Господи, если весь мир сошел с ума, убереги хотя бы бортовой компьютер…» — со страхом и смятением подумал он, глядя в засветившийся экран.

Горман вдруг осознал, что с того момента, как «Альфа» десять лет

назад впервые покинула орбиту Земли, он еще ни разу не испытывал столь унизительного, отравляющего душу страха.

Это был страх, рожденный осознанием собственной беспомощности и бессилия перед необъяснимой чередой загадочных событий и странным, неоправданным эгоизмом находящихся внизу людей.

Мучительно размышляя над создавшейся ситуацией, капитан «Альфы» следил за падением капсулы в атмосферу Ганимеда. Откуда он мог знать, что корни возникшей проблемы, молчание колонии, самопроизвольный, по его мнению, старт автоматической капсулы, присутствие внизу «Гарри Трумэна» и идиотское поведение администрации Ганимеда — все это имело под собой реальные корни. Однако связующих нитей было несколько, и тянулись они не только на Землю.

Здесь, на Ганимеде внезапно сплелись в тесный клубок совершенно разные судьбы и события…

Часть I. Судьбы земные

Глава 1

Колония Ганимеда. Российский сектор освоения. 25 августа 2029 года по летосчислению Земли…

Многоэтажное здание рушилось, тяжко оседая вниз, к тому месту, где у его основания несколько секунд назад блеснула ослепительная вспышка подрубившего несущие опоры взрыва.

Сверкающим водопадом брызнули закаленные тройные стекла верхних этажей. В тусклом, отраженном свете Юпитера падающие вниз осколки казались малиново-серебристым туманом, который медленно опускался в черное ущелье улицы. Потом здание содрогнулось, будто кто-то дал пинка стотысячетонной конструкции, и начало оседать, так же медленно, нереально, как это происходит при замедленной съемке. Стены задрожали и разломились, низвергая в теснину улицы громадные куски бетона, из которых торчали уродливые прутья обнажившейся арматуры. Здание покосилось, его контуры размыла взвихрившаяся в стылом ночном воздухе пыль, сопровождавшая замедленное падение бетонных обломков, устремившихся вслед за звонким хрустальным крошевом стекла, что уже покрывало собой тротуары и проезжую часть на всем обозримом пространстве улицы

Сила тяжести на Ганимеде в пять раз меньше, чем на Земле.

Именно поэтому здесь так просто удалось воплотить в жизнь многие технологии и конструктивные решения, которые до определенного времени ждали своего часа, томясь в черной глуби секретных сейфов или застыв недвижимыми и невостребованными байтами данных на жестких дисках компьютеров министерств обороны разных стран.

Ганимед — третий спутник Юпитера — стал средоточием всех помыслов, очередной надеждой на светлое будущее многих и многих народов изгаженной и перенаселенной Земли.

…Свет, внезапно пробившийся со стороны невысоких гор, сопровождался равномерным стрекотом и вибрирующим гулом вертолетных лопастей. Машина шла на небольшой высоте — вровень с плоскими крышами домов, и укрепленный на ее носу прожектор ворочался из стороны в сторону, облизывая стены зданий жадным, ищущим языком света. В красноватой юпитерианской ночи он походил на нездоровый, чуть желтоватый глаз циклопа…

— Морган, что это было, дьявол тебя раздери?! — пришел гневный вопрос на радиочастоте.

Пилот вертолета облизал пересохшие губы.

— Там что-то двигалось, сэр…

— Я не спрашиваю, что там двигалось, я спрашиваю, что за взрыв?

Глаза пилота были пустыми и блеклыми, словно в них сейчас вместо человеческого, живого блеска сконцентрировалась чернота бездонного космоса, чуть подкрашенная фантомным светом гигантского серпа Юпитера, что тяжкой дугой нависал над горизонтом.

— Ракета, сэр. «Томагавк-2000».

— Ты сошел с ума!

— Я здоров. Там что-то двигается. Я не могу больше, сэр… Они повсюду.

— Это сектор русских, идиот! Приказываю возвращаться к спускаемому модулю! Прекратить полет!

— Да, сэр… — Пустота продолжала заполнять глаза пилота. Казалось, что если приблизить взгляд к его молодому бледному лицу и пристально всмотреться, то можно будет заглянуть внутрь черепной коробки и увидеть там только ее пустоту…

Палец Ричарда Моргана, лейтенанта Военно-космических сил США, оторвался от мокрой пористой поверхности управляющего джойстика и заученным движением скинул скобку предохранителя с гашетки залповой установки «Смерч».

— Ты слышишь, Морган, ответь мне!

Капитан Джон Кински, который застыл с перекошенным лицом в обзорном отсеке транссистемного космического крейсера «Гарри Трумэн», старался зря. Лейтенант Морган был безумен. Его мозг сожрала та пустота космоса, что расплескалась вокруг на миллионы световых лет. Прессинг пляшущих вокруг сюрреалистических теней вкупе со знанием того, ЧТО явилось причиной этой пустоты и заброшенности зданий внизу, сделали свое дело.

Он больше не мог смотреть, как ползут от стены к стене, от здания к зданию эти неясно очерченные, изломанные сгустки серой субстанции.

Тупоносый армейский вертолет на секунду завис, чуть накренясь в сторону ущелья улицы, и внезапно его темный силуэт вспыхнул, взорвался остервенелым огнем, словно во тьме кто-то чиркнул пригоршней спичек, одновременно ударив в сотню тамтамов…

Шквал снарядов обрушился на стены близлежащих домов, огласив притихшие окрестности оглушительным, сливающимся в вой стаккато.

Морган непроизвольно подался вперед, насколько позволили ремни пилотского кресла.

Тени исчезли, растворились в оранжево-черных вспышках разрывов, их не стало, и лишь жалобный, переливчатый звон выбитых стекол осыпался на изуродованный тротуар…

«Ублюдки…» — мелькнула в его сознании злая, истеричная и неизвестно кому адресованная мысль.

Пилот нервно озирался, уже едва справляясь с управлением тяжелой машиной.

Язык света вновь потек по искалеченным стенам, выискивая… ЧТО?

На этот вопрос не мог ответить ни Ричард, ни Кински, ни президент США, ни сам господь бог…

А ведь там действительно что-то было…

Липкий пот прошиб молодого лейтенанта, когда в ослепительном конусе света мелькнула и исчезла сгорбленная человеческая фигура.

Его палец уже жил своей, самостоятельной жизнью.

Прожектор метнулся вслед за стремительным силуэтом, и шквальный огонь бортового вооружения хлестнул по фасаду жилого здания, внизу которого располагались магазин и несколько офисов. Ураган подметающих улицу снарядов вышиб дверь, разбив ее в уродливую пластиковую щепу, пробежал по стеклу витрины, оставляя в нем окруженные сетью трещинок дыры величиной с кулак, и замолотил по стене, поднимаясь к окнам второго этажа…

Пилот не заметил, как в одном из них появился серый силуэт в скафандре.

Человек, казалось, тоже не видел и не слышал сокрушительного огня вертолетных пушек.

Резким движением приподняв раму окна, он спокойно припал на одно колено, целясь в разорванный прожекторным огнем мрак из странного оружия, внешне похожего на гибрид снайперской винтовки и автомата Калашникова.

На лицевом щитке гермошлема злобно и тревожно вспыхнул квадратный огонек, обозначивший работу термальной оптики.

Палец человека несколько раз сжался, словно разминаясь, и только потом лег на спусковой крючок.

Два плавных движения слились почти в одно.

Выстрел, легкий поворот ствола, выстрел…

Прожектор погас, но пушки бесновались еще пару секунд, пока рука пилота не соскользнула с гашетки.

В выпуклом триплексе вертолетной кабины красовалась небольшая дыра, проделанная бронебойным зарядом.

Лейтенант Морган был мертв. Вертолет, лишившись управления, чуть покачнулся и вдруг начал падать, неловко заваливаясь на один борт. Его работающие лопасти чиркнули по стене здания, со скрежетом зацепили какой-то выступ, издав зубовный звук ломающегося металла, и многотонная машина рухнула на обезображенную мостовую.

Через несколько секунд там полыхнул еще один взрыв, и к свинцово-фиолетовому небу взметнулись языки пламени, жадно пожирающие внутренности подбитой машины.

Человек, который только что сбил вертолет точным снайперским огнем, присел на пластиковый подоконник, отстегнул забрало гермошлема и застыл, глядя вниз.

Пальцы, затянутые в жесткий, неподатливый гермопластик перчаток, мяли неприкуренную сигарету.

Из-под обода забрала выбился локон длинных волос. Лицо молодой женщины, освещаемое отблесками пожара, хранило сумрачное спокойствие.

* * *

— Ничего не трогайте, сэр, — предупредил техник, протянув руку к приборному щитку, что выступал из потолка посадочной капсулы прямо над головой Наумова.

Щелк… Щелк… Щелк… — проворные пальцы перекидывали тумблеры достаточно примитивной, но надежной панели управления в рабочий режим, а вокруг таинственно оживали какие-то огоньки, тускло вспыхнуло несколько крохотных, размером со спичечный коробок, экранов, по которым тут же побежали плавные синусоиды графиков, очевидно, отражавших работу каких-то систем посадочной капсулы.

— За вас все сделает бортовой компьютер, — дошел до сознания Виктора Сергеевича голос техника. — Вы знакомы с системами скафандра?

Наумов, который лежал в неудобной позе внутри толстого, многослойного, напичканного электроникой цилиндра капсулы, не имея возможности толком пошевелиться, просто скосил глаза, поймал взглядом лицо провожавшего его человека и кивнул, насколько то позволило свободное пространство внутри гермошлема.

«Вот это называется — влип…» — саркастически усмехнулся он.

Конечно, Наумов был знаком с системами индивидуального выживания в космосе. Теоретически. На практике попробовать не успел —

слишком скоропалительным оказалось его назначение сюда, на Ганимед…

Пальцы техника потянулись к его шлему, надвинули на лицо дыхательную маску и опустили забрало.

Сухой щелчок, чавкающий звук расправившегося под давлением уплотнителя, первая порция горьковатой воздушной смеси из плотно облегающей мышцы лица маски, и тишина… Глубокая, всеобъемлющая тишина, в которой медленно, как крышка гроба, опускается массивный овальный люк посадочной капсулы.

По телу Наумова пробежала невольная дрожь. Он лежал, туго схваченный ремнями, что пристегивали его к жесткому пластиковому каркасу, который имитировал собой некое подобие кресла. Свет внутри капсулы внезапно моргнул и сменился на красный.

Тишина раскололась.

— «ZERO-FIVE… ZERO-FOU… ZERO-THREE… ZERO-TWO… ZERO-ONE…»

Мягкий голос бортового компьютера, выговаривающий цифры обратного отсчета на безукоризненном английском языке, подействовал на Наумова шокирующе.

Он вдруг ясно понял, сколько миллионов километров отделяет его от Земли…

Его душа, которая, как ему казалось, очерствела в боях и разучилась испытывать иррациональный страх перед неизбежными событиями, на этот раз взбунтовалась. Полковник был и оставался отличным солдатом, прекрасным, закаленным и проверенным в боях командиром, но этого оказалось мало — он был хреновым космонавтом, а это сейчас вдруг стало главным.

Он привык управлять стропами парашюта, делать все своими руками и, случись что, пенять лишь на себя. Но, как выяснилось в эти секунды, он не верил ни компьютеру с мягким, явно женским голосом, ни любой другой системе посадочной капсулы.

В эти секунды Наумов ощутил себя уложенным в гроб, ящик с бронированными стенками, который спустя секунду кувыркнется с орбиты…

Цепь замкнулась.

Внезапное ускорение неприятно отозвалось во внутренностях ощущением их щекотливого зависания — это капсула, освободившись от магнитных захватов, начала свой разгон по стволу стартовой катапульты, будто пуля, — только что не вращалась по нарезам этого самого ствола…

Воздух, насильственно вдуваемый в его сжавшиеся легкие, имел

горьковатый привкус.

Полковник зажмурился.

Он знал, что уже не в силах что-либо изменить, — оставалось лежать, дыша часто и равномерно.

Что он и делал.

«Какого черта они послали сюда именно меня?»

Наумов впервые задал себе этот вопрос. Всю жизнь он подчинялся приказам, убеждая себя, что только так и нужно поступать настоящему офицеру… Но сейчас, падая в бездну космического пространства, отделенный от нее лишь утлой скорлупой брони, он вдруг осознал, что его назначение на Ганимед выглядело по меньшей мере абсурдным. Он не имел никакой специальной космической подготовки, не был ни полиглотом, ни космополитом, — при желании он мог бы назвать еще с десяток критериев, по которым его кандидатуру должны были неизбежно отвергнуть…

Единственное, что он умел, — это грамотно воевать на земной тверди.

Ощущение невесомости пришло подкатившей к горлу тошнотой. Затем он почувствовал, как в недрах капсулы что-то завибрировало, задрожало, и динамик внутренней связи вдруг выдал какой-то отчет о производимом действии. Мозг полковника не отреагировал на это сообщение. Словарного запаса его английского не хватило, чтобы осознать смысл доклада бортовой системы.

Зато он осознал нечто другое — его вызов в Москву и назначение на Ганимед выглядели так странно и скоропалительно, что не оставалось сомнений — он понадобился тут именно в силу своих военных навыков, и этот критерий перевешивал все остальные.

Полковник падал в бездну, не видя, но ясно *ощущая* ее. Чтобы не концентрироваться на этом пагубном чувстве свободного падения среди необъятной пустоты, он попытался вызвать в своем воображении какие-нибудь воспоминания, но добился лишь того, что перед мысленным взором встал тот самый злополучный день, когда его, вырвав из боя, отправили в Москву…

Глава 2

Ганимед. Российский сектор освоения. 25 августа 2029 года…

Рывок парашютной системы Наумов мог отличить от тысяч других внезапных динамических перегрузок.

После рева двигателей, выматывающей, тошнотворной невесомости и столь же изнурительной тяжести при коротких включениях тормозных сопел замедленное куполами падение показалось ему чуть ли не райским ощущением.

Однако в данный момент полковника продолжало заботить несколько другое.

Могло ли его командование на Земле предвидеть ту ситуацию, в которую сейчас попала «Альфа», еще девять месяцев назад, когда его внезапно откомандировали на борт?

Логика подсказывала ему: предвидеть могли, но только в том случае, если «Гарри Трумэн» покинул орбиту Земли чуть раньше, чем «Альфа», и направился к Ганимеду с вполне определенной целью…

Он не успел закончить свои логические выкладки — на выступающей приборной панели капсулы одна за другой начали загораться зеленые искорки индикаторов.

Очевидно, спуск подходил к концу.

Точно…

Удар о землю, вернее — о Ганимед, показался ему сопоставимым с падением в металлической бочке с высоты нескольких этажей. Каркас под полковником просел, принимая на себя часть удара, но и ему досталось изрядно — казалось, в теле перетряхнуло все кости.

На индикационной панели вспыхнуло еще несколько предупреждающих искр, что-то пробубнил динамик внутреннего оповещения, а затем раздался неприятный, протяжный скрежет, вслед за которым на скафандр Наумова посыпалась окалина.

Люк над его головой открывался.

Электромагнитные замки ремней щелкнули и отключились.

Он был на месте…

* * *

Двигаться в скафандре оказалось крайне неудобно. Наумов

провозился несколько минут, прежде чем сумел освободиться от захватов амортизирующего каркаса и вылезти из капсулы.

«Да, на бравого космодесантника не тяну…» — с внутренним раздражением подумал он, оглядевшись по сторонам.

Как показалось Наумову, скафандр не только стеснял движения, но и ухудшал видимость — дымчатое стекло гермошлема видоизменяло мир вокруг, сглаживало тени и пропорции, скрадывало расстояния. Возможно, он просто не привык к такой экипировке…

Вокруг было пусто и тихо. В прозрачном фиолетовом небе царил яркий серп Юпитера. Из немногих познаний в астрономии Виктор Сергеевич помнил, что Ганимед всегда повернут к планете-гиганту одной своей стороной, точно так же, как спутница Земли — Луна.

Впрочем, имело ли это сейчас какое-то значение?

«Скорее всего, что — нет…» — мысленно решил Наумов, продолжая изучать местность, одновременно стараясь свыкнуться с таинственным сумраком и мягкими, размытыми тенями, что отбрасывали хаотичные нагромождения каменных глыб, раскиданные повсюду, насколько хватало глаз.

Рельеф Ганимеда, сформированный вторжением сюда людей, имел весьма удручающий и крайне незамысловатый вид. Прежде этот спутник Юпитера был покрыт толстым панцирем ископаемого льда, а теперь, когда на его орбите зажглось маленькое термоядерное солнце, лед растаял, превратившись поначалу в разреженную и ядовитую атмосферу, а уж потом, после запуска процессоров переработки, — в пригодный для дыхания человека воздух. В результате таяния льдов каменные глыбы, которые на протяжении миллиардов лет были впаяны в толщу ледников Ганимеда, просто опустились до уровня твердой поверхности, образовав хаотичные непроходимые нагромождения.

Капсула Наумова совершила посадку меж таких каменных торосов и сейчас лежала на боку, полузарывшись в острый щебень, совсем не похожий на лунный реголит. Борта посадочного аппарата были обожжены до такой степени, что броня казалась изъеденной каким-то фантастическим грызуном, — местами она отслаивалась, опадая вниз черными хлопьями окалины.

Нельзя сказать, чтобы вид посадочного аппарата подействовал на Наумова ободряюще. Тем не менее, осмотрев местность, он вернулся к нему, заглянул внутрь, нашел прибор связи и попытался вызвать «Альфу».

К его удивлению, борт ответил практически сразу.

— Полковник, это вы? — спросил коммуникатор голосом Гормана. Не

было слышно ни позывных, ни установленных формулировок — создавалось ощущение, что его выхода в эфир ждали на всех мыслимых частотах.

— Да, Наумов на связи. Что нового, господин Горман?

— Зовите меня Патрик, хорошо? — неожиданно попросил командир «Альфы», и Наумов заметил, что напряжение в голосе капитана не убавилось.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Очередные проблемы, — скупо ответил капитан. — Я рад, что вам удалось сесть без приключений. Мы вели вашу капсулу с борта по каналам телеметрии, но я все равно волновался.

— Назовите мои координаты, — попросил Наумов. — И сообщите, что за новые проблемы.

— Да, конечно. У нас произошел сбой в системе автоматического выброса, и буквально перед вами к Ганимеду отправилась еще одна посадочная капсула. Мы не знаем, был ли кто-то на ее борту…

— Вы подразумеваете, что там мог кто-то быть? — не совсем тактично перебил его Наумов, сделав ударение на слове «мог».

— Нет. Практически это невероятно, — поспешил рассеять его опасения Горман. — Скорее всего самопроизвольное срабатывание автоматики. Такое, к сожалению, иногда происходит. Однако я бы хотел, чтобы вы обследовали ее, полковник. Капсула, по данным наблюдения, лежит в двух километрах к северу от места вашей посадки. Это направление совпадает с дорогой к ближайшему населенному пункту. Вы находитесь в семи километрах южнее границы русского и американского секторов освоения. Ближайший космодром в тридцати километрах севернее вас, двигаться нужно в глубь российской территории.

— Здесь есть магнитное поле и полюса? — осведомился Наумов, взглянув на циферблат вшитого в рукав скафандра компаса. Стрелка действительно придерживалась строго определенного направления.

— Да, хотя тут нет естественного геомагнитного поля, но зато присутствует искусственное. На полюсах Ганимеда смонтированы специальные генераторы, — объяснил Горман. — Без магнитного щита, отклоняющего часть излучения, жизнь на поверхности была бы затруднительна.

— Ясно. — Наумов сориентировался. — Мой передатчик в скафандре сможет вызывать вас?

— Пока что нет. Мы уже выбросили над российской зоной спутник-ретранслятор, но он еще не занял отведенную ему точку на

геостационарной орбите. Приблизительно через два часа он выйдет на позицию и тогда перекроет зоной своего действия весь российский сектор. Любой сигнал будет ретранслирован им на «Альфу».

— Хорошо. — Наумов еще раз взглянул на компас и начал искать подходящий проход между каменными глыбами. — Будем поддерживать связь по мере возможности.

— О’кей. Как заработает спутник, вызывайте немедленно.

— Вот еще что, Патрик, — произнес Наумов, прежде чем отойти от своей капсулы, — на всякий случай, хоть они и молчат, оповестите эфир о моем появлении. Не хочу, чтобы меня воспринимали как неожиданный сюрприз.

— Вы опасаетесь конфронтации, полковник? Но на Ганимеде, насколько мне известно, нет никакого вооружения, только несколько десятков человек полицейской службы колонии.

— Зато оно есть на «Гарри Трумэне», — мрачно напомнил Наумов.

— Да, конечно, вы правы. Я попытаюсь оповестить всех, по крайней мере, выпущу эту информацию в эфир.

— Тогда до связи, господин Горман. И не психуйте, я сделаю все, что в человеческих силах.

— Спасибо, полковник. Я… Мы все надеемся на вас.

* * *

Первые шаги по каменистой почве Ганимеда дались Наумову с трудом. Скафандр здорово стеснял движения, но он не решился снять его и оставить в капсуле. Фиолетовое небо над головой, унылый лунный ландшафт вокруг без каких-либо признаков человеческого присутствия — все это здорово давило на психику, постоянно напоминая о том, что он не на Земле.

Впервые в жизни.

Это утверждение имело для Наумова особый смысл. Человеку, который хоть раз менял климатическую природную зону, должно быть хорошо знакомо это ощущение — когда вокруг тебя вдруг оказывается непривычный мир. Не те звуки, другая растительность, животные, о повадках которых можно только догадываться, люди, чей язык, поведение и нравы — тайна для тебя, — все это в первый момент сильно действует на нервы… Здесь же, сделав несколько шагов, Наумов вдруг поразился ирреальности своих ощущений. Будто то самое, много раз испытанное им чувство морального одиночества вдруг усилилось в сотни раз…

Казалось бы, война на Кавказе сделала из него неплохого альпиниста,

так что валуны, раскиданные тут и там вокруг места посадки, для него не проблема. Тишина в эфире? Не страшно. Тем более он был предупрежден о ней заранее.

И тем не менее он чувствовал себя словно новобранец, заброшенный в глубокий тыл противника без соответствующей подготовки…

Найдя проход между валунов, он преодолел первое препятствие и увидел перед собой пространство огромного кратера, точно такого, какие во множестве присутствуют на Луне. Освещенная тусклым светом Юпитера, перед ним лежала равнина желтовато-коричневого цвета. Границы кратера терялись вдали, обозначая себя сумеречными, серыми линиями у самого горизонта.

Дикую красоту этого ландшафта нарушало несколько явных следов человеческой деятельности. Во-первых, широкая многополосная автомагистраль, черной ниткой перечеркивающая дно кратера, а во-вторых, далекие, призывные огни каких-то многоэтажных строений.

Сверившись с компасом, Наумов повернул на север. Это направление совпадало с ведущей к далеким строениям дорогой.

Над головой по-прежнему плыл исполинский серп Юпитера. Видимо, до рассвета было еще далеко. Расстояние до угадывающихся в сумраке ночи огней он определил как пять-шесть километров по прямой, но, учитывая разреженность атмосферы и непривычные глазу освещение и рельеф, он допускал, что мог ошибиться в своей оценке.

Давала знать о себе и иная сила тяжести. Шаг Наумова, несмотря на громоздкий скафандр, был размашистым, и идти не составляло особого труда.

Все эти ощущения сливались в нем, тревожили, вызывали чувство оторванности от всех и вся — какого-то совершенно необъяснимого, глобального одиночества.

Наумов хмурился, стараясь как можно чаще смотреть по сторонам, хотя был уверен — проявись в этой немой пустоте какое-то движение или звук, он бы заметил его сразу…

И тем не менее вид второй посадочной капсулы, чей контур внезапно появился из-за кучи придорожных валунов, заставил его вздрогнуть, а сердце — часто забиться, прежде чем Наумов совладал с не в меру напряженными нервами.

Продолговатый посадочный аппарат длиной около трех метров — эдакое обугленное ископаемое яйцо динозавра — торчал из небольшой конической воронки, образовавшейся при его падении. Рядом бессильными белыми языками протянулись опавшие парашютные купола системы

окончательного торможения.

Подойдя ближе, он понял, какая деталь встревожила его.

Люк посадочной капсулы был открыт.

Он подошел сбоку с таким расчетом, чтобы лежащий внутри аппарата человек не смог увидеть его приближения, и заглянул за край откинутого люка, откуда истекал мягкий, приглушенный свет.

Мышцы Наумова окаменели от напряжения — он был готов к любому обороту событий, однако спускаемый аппарат был пуст.

От борта посадочной капсулы к дороге, что тянулась к недалеким уже огням высотных зданий, уходили едва заметные, слабо отпечатавшиеся в мелком, остром гравии следы подошв.

«Значит, самопроизвольное срабатывание автоматики, господин Горман?..» — подумал он, потянувшись к прибору связи, который располагался на панели управления внутри капсулы, но в этот миг внешние микрофоны скафандра передали далекий, прозвучавший где-то на пределе слышимости звук, который заставил Наумова отдернуть руку и оглянуться.

Звук постепенно становился четче, явственнее.

Он был очень хорошо знаком полковнику Наумову. В разных ситуациях этот равномерный деловитый стрекот нес либо спасение, либо смерть…

Это был шум приближающегося вертолета.

* * *

В темноте покинутого здания резко, неприятно прозвучали шаги. Человек, что появился в дверном проеме брошенной жильцами квартиры, был экипирован точно так же, как и женщина-снайпер, только что поразившая вертолет Военно-космических сил США двумя точными, хладнокровными выстрелами.

Забрало его гермошлема оказалось поднято, и в сумеречном, пробивающемся через оконный проем свете от горящей на улице машины он казался немного старше своих сорока двух лет. Голографическая нашивка на грудной пластине скафандра выдавала его имя, звание и расовую принадлежность:

«Наумов Виктор Сергеевич. Полковник. ВКС России».

— Послушай, девочка, тебя как зовут? — спросил он, выглянув в окно.

Она не ответила. Помедлив несколько секунд, подняла руку, все же прикурив измятую сигарету. Выпустила дым и взглянула в глаза полковника.

Грохот на улице стих. Отзвенели последние осколки стекла, и в темно-фиолетовой ночи вдруг стали отчетливо слышны два звука: за окраиной города, на лысом каменном пригорке надсадно взвыл, набирая обороты, атмосферный процессор, автоматика которого уловила дым и теперь пыталась в экстренном порядке восстановить нарушенный взрывом химический состав воздуха. Вторя ему, на освещаемой пожаром, засыпанной обломками мостовой характерно и неприятно для человеческого слуха зазвучали сервоприводные моторы нескольких машин-уборщиков, которые выползли из вестибюлей неповрежденных зданий и теперь бестолково ползали по тротуару, натыкаясь на бетонные обломки разрушенного дома и горящий остов вертолета.

Женщина перевела взгляд с Наумова на улицу.

Машины, предназначенные для подметания улиц, не могли справиться с многотонными кусками мусора и жалобно выли сервоприводами, словно бы расписываясь этим заунывным звуком в собственном бессилии и недоумении.

«Вот так и будет, — вдруг с горечью подумала она, глядя вниз. — Мы исчезнем, оставив после себя руины зданий и бестолково ползающие машины…»

Прошлое…

Ее звали Лада…

Неудачное имя для колченогой девочки с заячьей губой.

Лада родилась в окрестностях Череповца, и соседство этого угрюмого, задымленного, насквозь пропитанного смогом города наложило жестокий отпечаток на гены новорожденного ребенка.

Впрочем, не только ядовитые выбросы в атмосферу от десятков промышленных предприятий города повлияли на обстоятельства ее появления на свет.

Так часто бывает в жизни: одних людей судьба при рождении одаривает сверх меры, а у других отнимает все, вплоть до надежды когда-либо выкарабкаться из бездонной ямы роковых обстоятельств.

Лада как раз оказалась причислена ко второй категории. Ее родители беспробудно пили, ютясь в старой, покосившейся хибаре на окраине города-гиганта.

Таким образом, дальнейшая судьба девочки казалась предрешенной в самый момент ее рождения, когда мать, растрепанная, без времени состарившаяся женщина с отекшим, изможденным лицом, корчась в родовых муках, наконец исторгла плод, лежа на полу подле старого дивана,

произведенного, наверное, еще в эпоху социализма.

Если бы Лада родилась в роддоме, то, возможно, средь окружающего ее появление в мир мрака еще мог сверкнуть лучик надежды, но, увы, этого не случилось, — мать родила ее дома…

Кое-как поднявшись с пола, она, скорее подчиняясь инстинктам, чем разуму, вытерла мокрое тельце новорожденного ребенка краем скомканной, давно не стиранной простыни, да так и оставила орущего младенца лежать в смятой, дурно пахнущей постели.

— Ладно! Не вопи! — грубым, совсем не женским голосом крикнула она, едва посмотрев в сторону новорожденной, и пошла, держась за стену, к плотно притворенной двери, из-за которой доносились пьяные, неразборчивые голоса.

Облик нестарой еще женщины, которую качало от пережитых мук и доводящего до безумия желания выпить, говорил о полной деградации, как физической, так и духовной. Казалось, что она напрочь забыла о ребенке, который кричал, беспомощно откинув головку, как и у большинства новорожденных, непропорционально большую для крохотного тельца… Стремления матери оказались противоположны инстинктам самого примитивного животного — она пыталась уйти прочь от рожденного несколько минут назад ребенка на кухню, к заветной для ее тусклого сознания бутылке, содержимым которой ее сожитель со своим товарищем уже вовсю отмечал появление на свет новой жизни.

Из-за двери вдруг высунулась его всклокоченная голова.

— Как ты говоришь? — дебильно ухмыльнулся он, растянув рот в пьяной ухмылке. — Лада? Девочка, что ль?

— А пошел ты!.. — грубо оборвала его женщина, которой казалось, что она сейчас сойдет с ума, если срочно не примет необходимой дозы спиртного. — Я сказала не «Лада», а «ладно», дурак, отойди с дороги, видишь, мне худо!

Ее сожитель посторонился, глядя в сторону маленького живого комочка, что копошился в смятых, заскорузлых простынях.

— Ты, дура, сиську-то дай, слышь — орет, жрать хочет!

— Ты сделал, ты и корми!.. — огрызнулась она, оттолкнув его с дороги.

Сожитель покачал головой, еще раз посмотрел в сторону кровати и, шаркая ногами, пошел назад, на кухню.

— Ну Лада так Лада, мне то что… — опять глупо ухмыльнулся он, грузно опускаясь на табурет. — Давай обмоем это дело, слышь, Серега! — пьяно обратился он к молодому, заросшему щетиной бомжу, который сидел

за столом, подперев голову обеими руками и что-то тихо выл себе под нос — не то от какого-то ведомого только ему удовольствия, не то от белой горячки…

За окном в знойном удушливом мареве плавилось асфальтовыми миражами жаркое лето две тысячи пятого года.

Ганимед. Российский сектор освоения. Настоящее…

— …Зовут Лада, — хмуро отозвалась она на пристальный взгляд Наумова. Окурок, прочертив огненную дугу, шлепнулся о мостовую, взметнув фонтанчик тускло-красных искр.

— Ты с «Альфы»? Это ты угнала спасательную капсулу? — спросил полковник.

— Да, — в ее лаконичном ответе прозвучала внезапная обреченность.

— Почему ты не в криогенной камере? — поинтересовался Наумов, опуская раму окна.

— Мне там нечего делать, — спокойно отозвалась она.

Ее ледяной тон задел полковника, но он сдержался, подавив в себе желание одернуть ее.

— Послушай… — ровным, может быть, чуть-чуть подрагивающим голосом произнес он. — Это ведь ненормально, согласись, — тут не Земля, а глубокий космос. Колония, понимаешь? Ты не на трамвае катаешься, чтобы вот так запросто спрыгнуть с подножки и идти по своим делам… Я уже не говорю о правомочности твоих действий против вооруженных сил США…

Она выслушала его слова, сжав губы в ровную жесткую линию. Отсветы пламени от горящего вертолета плясали по правильным, безукоризненным чертам ее лица, делая матовую кожу еще более бархатистой и привлекательной.

Наумов невольно отметил то нечеловеческое спокойствие, с которым держалась эта странная женщина. Казалось, что она полностью отдает себе отчет во всем, вплоть до мельчайших деталей…

— Скажите, полковник, а вот это, — ее взгляд красноречиво метнулся к окну, где еще клубилась пыль от рухнувшего дома и продолжал полыхать остов вертолета, — это нормально?

— Ты о чем? — прищурившись, уточнил он.

— О пустых зданиях, военных вертолетах, бездумной стрельбе по теням, — перечислила она, глядя в окно. — Или что, хотели как лучше, а получилось как всегда? — вдруг резко уточнила она, обернувшись к Наумову. — Мало наигрались в войну на Земле? Ведь это же была МЕЧТА,

понимаешь? — с внезапной горечью произнесла Лада, сжав в пальцах пластиковый приклад крупнокалиберной снайперской винтовки явно российского производства. — Мечта… — спустя секунду едва слышно повторила она, словно впервые задумавшись над тайным смыслом этого слова…

Прошлое…

Первые пять лет жизни совершенно не сохранились в сознании девочки.

Она развивалась намного медленнее, чем обычный, окруженный заботой и вниманием родителей ребенок, и ее память поэтому не задержала в себе ничего, кроме, может быть, нескольких смутных, размазанных теней-образов.

Первое яркое, запомнившееся на всю оставшуюся жизнь впечатление оказалось связано с седой косматой женщиной, чья заскорузлая рука цепко держала ее за плечо, в то время, как огрубевший от пьянства голос бормотал где-то над головой с монотонностью, которая доводила сжавшуюся в комок девочку до сонного отупения:

— Подайте, люди добрые, Христа ради… — невнятно твердил над головой этот самый голос… — Мы беженцы… Дочка голодная… Христа ради…

Только много позже, спустя годы, Лада, анализируя свои полуосознанные детские воспоминания, поняла, что голос этот принадлежал ее матери. Тогда же он воспринимался лишь краем ее сознания. Главным для девочки были лица — тысячи лиц, что текли мимо в узкой горловине подземного перехода метро.

Ей было скучно, неуютно и тяжело стоять, удерживая на своем хрупком детском плече вес навалившейся сзади женщины, которая, протягивая руку за подаянием, другой опиралась на девочку, оставляя под одеждой болезненные отпечатки своих скрюченных пальцев…

Лада смотрела на плывущие мимо лица, и тогда она еще не могла понять их реакции на хриплый, совсем не женский голос матери, протянутую руку с грязными, дрожащими от хронического алкоголизма пальцами. Разум девочки оказался в ту пору слишком слаб и неопытен. Казалось, работала только память, впитывая, вбирая в себя эти лица…

А людей было много. Нескончаемый их поток то увеличивался, разливаясь от стены до стены, то ненадолго уменьшался…

Одни просто шли мимо, никак не реагируя на голос, другие вдруг ни с того ни с сего ускоряли шаг, спеша миновать это место, при этом их лица

напрягались, на них появлялось какое-то ненатуральное, кукольное выражение, третьи же, наоборот, поворачивали головы, обжигая две сгорбленные у стены тоннеля фигуры откровенно враждебными взглядами…

Для Лады эта мимика текущей мимо толпы была своего рода игрой, развлечением, постоянно меняющимся фоном, как в калейдоскопе, которого она, увы, никогда не держала в руках, — узор лиц ежесекундно обновлялся, но было в нем нечто запрограммированное, повторяющееся…

Выделялись среди спешащих мимо людей две относительно малочисленные группы, которые обращали внимание на уродливую девочку и ее мать. Одни не доставляли им неприятностей, наоборот, эти люди вдруг останавливались, рылись в карманах и бросали в протянутую ладонь звенящие монетки, стараясь не коснуться ее пальцами. Иногда они что-то говорили при этом, но такое случалось редко…

Другой сорт прохожих вызывал у Лады неосознанную неприязнь. Они не останавливались, но замедляли шаг, разглядывая девочку с непонятным ей, жадным, патологическим любопытством.

Ей это было противно.

Лада редко видела свое отражение — дома у них не осталось ничего, кроме кучи тряпья и голых, ободранных стен с давно отслоившимися обоями. О зеркалах, конечно, речи не могло быть. О своем врожденном уродстве она в ту пору даже не догадывалась, но все равно эти взгляды, которые словно горячий, слюнявый язык бродячей собаки облизывали ее с головы до ног, были девочке неприятны.

Со временем она научилась заранее определять в потоке лиц таких людей и даже приноровилась отваживать их, намеренно скаля зубы и показывая язык из-под вздернутой кверху губы.

Люди в большинстве своем вздрагивали и спешили отвернуться, ускоряя шаг.

Девочку это вполне устраивало.

Когда она начала ненавидеть эти лица, что изо дня в день текли мимо?

Вряд ли она была способна отыскать точку отсчета этому чувству в своей душе. Туманные образы памяти ничего не говорили ей о дне, когда она впервые почувствовала сладкое, дрожащее и неодолимое желание догнать кого-нибудь из них и впиться зубами в руку, так, чтобы брызнула кровь… Однако Лада помнила четко: она начала ненавидеть эту серую реку человеческого равнодушия, брезгливости и любопытства задолго до того, когда научилась выговаривать такие длинные слова, как «ненависть».

* * *

…Каким образом мать Лады вместе с малолетней девочкой оказалась в Москве и как ей удалось осесть в многомиллионном городе, осталось загадкой, ответ на которую ее память не удосужилась сохранить в своих зыбких, туманных глубинах, но, так или иначе, они уже больше не возвратились в маленькую, убогую однокомнатную квартиру на окраине Череповца.

Московский метрополитен и был тем самым местом, где протекала река человеческих лиц. Сам же город запомнился ей мало — он казался девочке, измученной многочасовым стоянием в метро, неприветливым, серым и угрюмым. Память Лады страдала явной избирательностью. Детство, а особенно ранний его период остались в ней как вереница порой никак не связанных друг с другом образов и впечатлений. За грохотом поездов метро, гомоном текущей мимо человеческой толпы следовало черное ночное небо, колючий, холодный снег, что острыми крупинками сек незащищенное лицо, круг света от фонаря, замызганные столики летнего кафе, покрытые шапками сугробов, хлопающая дверь приземистого, одноэтажного павильона и острый запах закисшего пива…

Этим местом обычно заканчивался их день.

Собранных в метро денег хватало матери на несколько кружек пива, куда она, страшно матерясь, пшикала из принесенного с собой баллона, и на кусок черствого хлеба для Лады, который ей неизменно совала дородная тетенька, что подавала кружки с отвратительно пахнущим пивом через маленькое квадратное окошко.

Потом они шли куда-то вдоль освещенной бесконечными цепочками фонарей улицы, что, изгибаясь, утекала в сознании девочки в черную, запорошенную колючими снежинками темноту…

Скрипящая железная дверь меж высоких бетонных опор, запах прелого, влажного тепла, липкая темнота, в которой нужно ступать осторожно, — вот то место, где к Ладе ненадолго приходили забвение и покой.

Трубы теплотрасс, изгибаясь, уходили в бетонный потолок. Ближе к неплотно прикрытой двери с них свисали искрящиеся в неверном свете дымного костерка сталагмиты сосулек, дальше, у стен, влажно капала вода и туманился пар над незамерзающими лужами воды. Едкий дым от костра, на котором мать иногда готовила подобие похлебки из различных объедков, извлеченных из ближайшего мусоросборника, уходил к потолку и оседал на нем черным налетом сажи.

Кроме них, в коллекторе на берегу Москвы-реки обитало еще человек пять-шесть. Лада почти не помнила их лиц, — добравшись до «дома», она без сил опускалась на кучу влажного тряпья, что служила ей постелью, и мгновенно засыпала. Ее худенькое тельце вздрагивало, инстинктивно зарываясь глубже в прелую ветошь, впитывая в себя ее нездоровое тепло…

Так текла жизнь до той поры, пока не умерла та седая косматая женщина, чей образ много позже был определен сознанием повзрослевшей Лады страшным и горьким в ее памяти словом — мать.

* * *

Проснувшись рано утром, озябшая, голодная, она по привычке не шевелилась, ни одним мускулом не выдавая своего пробуждения.

Просыпаться слишком рано было опасно. Демид, тощий, нескладный бомж с грязной, спутанной бородой, — как она подозревала, — молодой еще парень, выглядевший, как и все «лица без определенного места жительства», много старше своих лет именно из-за грязи и опущенности, — так вот, Демид не спал, шумно копошась неподалеку, возле потухшего за ночь костерка.

Таких терминов, как «бомж», Лада нахваталась совсем недавно, побывав вместе с матерью в РУОП Бирюлева, где усталый и злой мент коротко и выразительно растолковал ей значение данной аббревиатуры, сопроводив урок юриспруденции порцией электрошоковой терапии…

Лада лежала с закрытыми глазами, вдыхая флюиды гниющих во влажной атмосфере коллектора тряпок и ощущая, как в спину больно упирается что-то твердое и холодное.

Она боялась просыпаться, потому что знала — стоит ей пошевелиться, и вечно «озабоченный» Демид тут же потянет ее в укромный закуток, чтобы задрать подол, скрутить худую девочку-подростка и удовлетворить свою похоть…

Нельзя сказать, чтобы Ладе эта процедура внушала ужас — девочка, выросшая среди обитателей коллектора, относилась к насилию скорее равнодушно, как к повинности Но стыло в ее душе что-то мерзкое, будто она подсознательно ощущала, сколь нечистоплотно и отвратительно происходящее с ней, хотя ее не могли ни удивить, ни озадачить исходящие от плоти Демида запахи или его прерывистое, хриплое, зловонное дыхание у нее за спиной.

А еще ей не нравилось начинать каждое утро с одного и того же.

Твердое, острое и холодное давление в спину не слабело, будто рядом с ней, упираясь между лопаток, лежала груда битых кирпичей или

железного лома…

Не выдержав, Лада пошевелилась и рывком села, сбросив с себя укрывавшее ее тряпье.

В тусклом свете занимающегося весеннего утра, что пробивалось косыми бледными лучами сквозь отверстия вытяжной вентиляции в крыше бетонной коробки коллектора, ее худое лицо с острыми чертами выглядело землисто-серым.

Демид, услышав движение, повернулся всем корпусом При виде Лады, что сидела, глядя расширенными глазами в кучу окружающего ее тряпья, он издал судорожный, сипящий вздох.

Вздернутая верхняя губа девочки вдруг задрожала.

Почуяв неладное, Демид встал и подошел к ней.

Лада сидела не шелохнувшись, глядя в одну точку, на мать, которая застыла подле, странно разведя в стороны окоченевшие уже руки, словно бы пыталась в этом последнем жесте обнять все — и закопченный потолок коллектора, и невидимое за ним утреннее небо, и плывущие по нему облака…

Ее остекленевшие глаза были широко открыты, рот с посиневшими губами плотно сжат. Она лежала на влажном полу, едва прикрытая полуистлевшим тряпьем, словно брошенный на свалке манекен, давным-давно отслуживший свое и валяющийся тут, обезображенный временем…

Впервые Лада видела смерть так близко, что называется в упор.

— Сдохла старая сука… — беззлобно произнес Демид, опускаясь на корточки около оцепеневшей Лады. — Кто ж тебя теперь кормить будет? — похотливо покосившись на нее, спросил он.

Рука Демида потянулась к ней, с уверенным проворством проскользнула под ветхую одежду, больно сжала только начавшую формироваться грудь.

Лада молча вырвалась.

В дальнем углу коллектора пришла в движение еще одна куча грязного тряпья, и оттуда появилась совершенно лысая, трясущаяся голова старика.

— Што там, Демид? Што шумишь, козел? — шамкая беззубым ртом, поинтересовалась голова.

Глаза Демида вдруг подернулись кровавой поволокой.

Лада знала, что последует за этим. Он возьмет ее силой, зверел Демид в считанные секунды, и среди бессильного населения коллектора не было у молодого бомжа достойного противника.

В другой день она бы смирилась, но сейчас, инстинктивно

отодвигаясь в сторону, она смотрела на воздевший к грязному потолку иссохшие руки труп матери, ее остекленевшие глаза, и в душе Лады, возможно, впервые за всю ее жизнь, вдруг шевельнулось неосознанное чувство собственного достоинства, — спроси ее, и Лада бы не ответила, что за бес вселился в нее в тот момент, когда Демид, грубо толкнув ее на кучу тряпья подле трупа, сопя, начал расстегивать штаны…

Извернувшись, она ударила его в пах…

Налитые кровью и похотью глаза некоронованного короля коллектора вдруг потускнели, вылиняли, став на секунду точно такими, как у умершей женщины, — ноги Демида подкосились, и он с невнятным стоном рухнул на колени, опершись одной рукой о грязный бетонный пол.

Лада вскочила, будто ее ошпарили.

Сейчас она походила на маленького уродливого зверька.

Из легких Демида с шумом вышел воздух.

— Сука… — прохрипел он, протягивая в сторону девочки вторую руку с растопыренными пальцами. — Что ты сделала, гадина… — слова выходили из его перекошенного рта натужно, хрипло… — Загнешься теперь… Убью…

Лада знала, он не врет.

Развернувшись, она беспомощно посмотрела по сторонам, а потом вдруг, не произнеся ни слова, бросилась к приоткрытой ржавой двери…

Больше Лада никогда не возвращалась сюда.

* * *

Она еще не знала, да и не могла знать о том, что судьба ее уже предрешена целой цепью, казалось бы, не связанных между собой событий.

…С космодрома на мысе Канаверал, во Флориде, стартовал последний транспортный челнок, доставивший на околоземную орбиту завершающий модуль для сборки первого американского космического крейсера.

…В Японии на заводе компании «Сангус» в узком кругу состоялась презентация первой модели искусственного человека. Тонко завывая приводами, манекен с лицом витринной куклы прошел перед собравшимися под их бурные аплодисменты.

…В России, на одной из тихих московских улочек, свалили три ствола огромного тополя, которые росли из одного корня. На этом месте остался уродливый тройной пень, окруженный потрескавшимся от мертвых теперь корней асфальтом.

Глава 3

Земля. Подмосковье. Декабрь 2024 года

Зимой темнеет рано. В этот звездный, безлунный вечер в поселке Гагачьем редко горели фонари, бросая желтые пятна нездорового электрического света на голубой, пушистый, искрящийся снег, что лежал сугробами вдоль кирпичных заборов, распиханный недавно прошедшим грейдером по обе стороны единственной улицы…

Сразу за крайним домом, за полосатыми столбиками, что скупо обозначили мост через ручей, мрачной громадой возвышался лес. Там было еще темнее, чем в поле, за опушкой, и серые коробки невысоких, давно покинутых зданий таинственными пятнами маячили меж стволов.

Если пойти к ним нетронутой целиной, где теперь снега намело по пояс, то в такой тьме можно внезапно налететь на обрывки ржавого проволочного заграждения или притаившийся меж сосен давно вылинявший и потерявший свои краски плакат:

«СОЛДАТ, БУДЬ БДИТЕЛЕН НА ПОСТУ».

Раньше, еще в начале девяностых годов двадцатого века, попасть в поселок, не имея на это специальных полномочий, было весьма и весьма проблематично. Здесь находился секретный объект номер двадцать четыре.

Сейчас же в Гагачьем оставалась лишь рота внутренних войск, которая несла караульную службу на ветшающих останках былого величия и мощи Советских вооруженных сил. Кроме ее казарм и складов, по окрестностям было разбросано несколько дач, до сих пор принадлежащих Министерству обороны. Раньше в этих кирпичных двухэтажных домах жили научные сотрудники двадцать четвертого объекта, а теперь сюда изредка наезжали большие армейские чины, чтобы поохотиться в лесу на расплодившихся зайцев.

Как сказал бы философ: «Все течет, все меняется…»

Пухлые, свисающие с остроконечных жестяных грибков сугробы теперь могли вызвать у какого-нибудь сотрудника иностранной разведки разве что приступ острой ностальгии… Никого больше не интересовали спрятанные в заснеженном лесу подземные бункера и некогда строго секретные коммуникации.

А зря…

Кривые, выведенные от руки надписи типа «ДМБ-2015», выбитые окна выступающих над землей одноэтажных бетонных коробок, полинявшие плакаты — все это никак не отражало истинной сути вещей.

Среди унылого запустения зимнего леса трудно было вообразить себе, что глубоко под землей все осталось на своих местах.

За мощными дверями толщиной в полметра тянулись темные коридоры бункеров, скупо подсвеченные на перекрестках и разветвлениях тусклыми, горящими в полнакала лампочками дежурного освещения. Воздух в коридорах оставался чист — тихо, едва слышно в мрачных глубинах шелестели чудовищных размеров вентиляторы, поднимая тонны воздуха по тесным стволам вентиляционных шахт. В скупом свете поблескивали кафель и хром. Тьма гнездилась по углам помещений, концентрируясь в матовых глубинах погашенных мониторов.

«Гаг-24» спал, покрытый вуалью забвения, и она хранила секретный объект намного надежнее, чем многометровые заграждения, контрольно-следовые полосы и пулеметные точки на покосившихся вышках разрушенного периметра.

* * *

В этот тихий морозный вечер на единственной дороге, что, пройдя через поселок, оканчивалась тупиком, перед крашеными железными воротами военной части показались яркие пятна света от фар.

По заснеженному шоссе уверенно скользила «Волга» серого, почти не отличимого от дороги цвета. Если смотреть сбоку, то «ГАЗ-31020» — последняя, только поставленная в серию модель — походил на достаточно приблизительную копию «Мерседеса», причем эта самая «приблизительность» отнюдь не играла в пользу «Волги» при более внимательном рассмотрении.

Машина промчалась через мост и, не снижая скорости, въехала в поселок, оставляя за собой вихрящуюся хмарь потревоженного снега, который в свете фонарей оседал мелкими серебристыми блестками.

В сонном сумеречном покое ярко вспыхнули стоп-сигналы, когда машина притормозила у одного из двухэтажных коттеджей.

В доме на втором этаже зажегся свет, на фоне закрывавших окно жалюзи промелькнула чья-то тень. Очевидно, гостей не ждали, — прошло пять или шесть минут, прежде чем хлопнула входная дверь и по дорожке к воротам проскрипели неспешные шаги.

— Кто там? — осведомился уверенный, явно привыкший отдавать

приказы зычный голос.

Чмокнув примерзшим уплотнителем, открылась задняя дверь машины.

— Антон Петрович? Не ждешь, значит, гостей? Вопрос был риторическим.

— Я спрашиваю: кто? — не меняя тембра, вновь осведомился голос.

— Да свои, свои!.. Старых друзей не узнаешь, Антон, совсем одичал в своей глуши?!

— Николай, ты, что ль?! — чуть более радушно, но все еще недоверчиво воскликнул хозяин коттеджа, и замерзший засов протяжно скрипнул, двигаясь в пазу. — Вот уж кого не ждал… — пробормотал он, распахнув калитку.

У дома, под скатом крыши загорелся фонарь, осветив протоптанную в снегу дорожку и хозяина — сухого, жилистого старика, которому как раз и принадлежал уверенный, зычный бас.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор! — не то шутя, не то серьезно произнес посетитель, вскинув руку к неуставной меховой шапке. Был он тоже в годах, но еще в силе: широкие плечи, крупное волевое лицо.

— Ну, не ждал, не ждал… — опять повторил старик, неловко обняв приезжего. — Пошли, чего стоим, — вдруг спохватился он.

— Зарайский, давай коробки! — приказал гость, вслед за стариком направляясь к освещенному крыльцу.

Водитель и двое охранников тут же вышли и, достав из багажника машины увесистые пластиковые кофры, гуськом потянулись к дому.

— Да ты, Антон Петрович, тут устроился, прямо как медведь в берлоге! — с добродушной усмешкой произнес поздний гость, снимая шубу, из-под которой вдруг сверкнули золотым шитьем генеральские погоны. — Забыл, значит, своего замполита и Афган забыл, да? И Абхазию не помнишь?

— Не зубоскаль, все я помню… — Старик только начал приходить в себя от неожиданного визита. Очевидно, что он жил один уже давно и отвык от гостей. — Время сам знаешь какое. Теперь добрые люди по ночам не шастают.

— Ага… А кто сказал, что я добрый человек? — Николай повесил шубу прямо на вбитый в деревянную панель гвоздь и, хитро прищурившись, вдруг протянул руку, резким движением отдернув занавеску в углу прихожей. В тусклом свете бра холодно сверкнул вороненый автоматный ствол прислоненного к стене «АКСУ» с примкнутым магазином. — Вижу, есть тебе чем встретить поздних

гостей… — с укором в голосе произнес он. — Хорош. Неужели так тебя люди обидели?

Вопреки ожиданию, старик не смутился.

— Холостые, не видишь, что ли… — ответил он, кивнув на навинченную вместо компенсатора насадку для автоматической стрельбы холостыми патронами. — Пугач. Хватит уже кровушки, полили ее достаточно. А что до дураков, так им и того достаточно, приезжали тут раз, ломились. А ты, я смотрю, сменил ведомство? — в свою очередь, осведомился он, кивнув на выставленные напоказ нашивки. — ФСБ теперь, значит?

— Все меняется, Антон, и мы тоже…

На пороге прихожей появились водитель и охранник. Старик жестом указал в сторону комнаты — проходите, мол, а сам поправил занавеску, спрятав за ней «Калашников».

Два генерала — один в отставке, другой ныне действующий — прошли в комнату, где уже распаковывались привезенные с собой кофры. На журнальном столике появилась нарезанная колбаса в вакуумных упаковках, мясо, фрукты — все импортное, аппетитное, затянутое в толстый полиэтилен. Единственным русским продуктом, перекочевавшим на стол, оказалась водка.

Быстро и профессионально сервировав стол на двоих, водитель и охранник пошли к выходу.

— Погоди, Николай, — спохватился хозяин, — что ребятам в машине мерзнуть, пусть остаются, дом большой.

— Не волнуйся, Антон, они заночуют в роте «ВВ». Слышишь, Зарайский, прямо по улице и упрешься в ворота части. Я звонил дежурному офицеру, он в курсе. И поставь машину в бокс, чтоб на улице не ночевала, понял?

— Так точно, господин генерал!

— Разговор у нас с тобой долгий, и лишние уши при нем не нужны, — объяснил свое поведение Барташов, когда хлопнула входная дверь коттеджа.

Антон Петрович вскинул на него взгляд своих не по годам живых, проницательных глаз, но возражать не стал — ехал человек в такую даль, отчего ж не поговорить…

— Видак есть? — тем временем осведомился генерал ФСБ, грузно опускаясь в кресло.

Старик кивнул в сторону старомодной «стенки», где в нише около телевизора тускло поблескивал тонированным цифровым дисплеем

«SONY».

— Добро… Ты разливай пока.

Антон Петрович сел, взял уже успевшую запотеть бутылку «Столичной», со щелчком сорвал винтовую пробку и налил, глядя, как его бывший заместитель по политической части, развернувшись вполоборота, возится с аппаратурой. Наконец видак сглотнул кассету. Барташов нажал кнопку паузы и обернулся.

— Ну, Антон, за встречу? — чуть помедля, предложил он, взяв в руку рюмку.

Колвин кивнул.

Выпили молча. В эти первые минуты каждый думал о своем — оба генерала исподволь изучали друг друга, потому как жизнью были битые, недаром грудь в орденских планках, — и один, и другой прошли все, начиная от знойных, щедро политых кровью скал Афганистана и кончая тайными операциями кулуарной политики, где крови и грязи оказалось больше, чем в самом адском бою с «духами».

Антон Петрович на дружбу не оглядывался. Генералы ФСБ, равно как и их предтечи из Комитета государственной безопасности, просто так по старым друзьям не ездили. Это являлось фактом, да и Барташов не скрывал, что визит деловой. А значит, дружба — это так, побоку, для завязки разговора…

Он не ошибся.

Водка оказалась хорошей. После первой не спеша закусили, помолчали. Как бы далеко ни развела судьба, а помнилось многое, что не похоронить ни за чинами, ни за годами…

— Ну, ладно, Антон… — первым нарушил затянувшееся молчание Барташов. — Тянуть не буду. Тут я тебе один фильмец привез, ты посмотри, а потом и поговорим, ладно?

Антон Петрович кивнул.

Палец генерала коснулся кнопки, и экран телевизора моментом просветлел.

Съемка хоть и велась скрытой камерой, но изображение оказалось вполне приличным — кадр почти не прыгал, и все, что надо, по большинству исправно находилось в фокусе.

У Колвина с первой секунды нехорошо кольнуло в область сердца… Вот, значит, когда вспомнили про Антона Петровича…

На экране простиралось ровное, засеянное аккуратно подстриженной травой поле, по которому там и сям оказались разбросаны едва приметные бугорки.

«Полигон… — моментально догадался Антон. — И причем не наш, а „ихний“, — безошибочно определил он. — У нас траву не стригут, да и не сеют, кстати…»

— Полигон секретного подразделения армии США в штате Невада, — негромко пояснил Барташов. — Тут обычно испытываются все новые образцы оружия.

В поле внезапно поднялось с десяток мишеней. Отмеченный красным флажком огневой рубеж пока что оставался пуст, но вот из-за кадра внезапно донесся довольно резкий, чуть повизгивающий звук, и в фокус видеокамеры вошло нечто…

В первый момент Антон Петрович вздрогнул, глядя на хромированный скелет, который держал в руке «АР-20», опустив ее стволом к земле, будто крутой коммандос из западного боевика, потом, не то получив дистанционную команду, не то сам сообразив, что нужно делать, тот вдруг повернулся и немного нервной, подергивающейся походкой направился к красному флажку, отмечающему линию огня.

«Двигается достаточно сносно…» — отметил про себя отставной генерал, глядя, как робот поднимает руку с зажатым в металлических пальцах оружием. При этом системы его сервомоторов оказались предусмотрительно упрятаны под маскирующие пластиковые чехлы, нечто вроде доспехов, которые не позволяли разглядеть в деталях ни одного сколь-либо значимого узла этой машины…

Автоматическая винтовка в руке робота вдруг вздрогнула.

«АР-20», как и ее знаменитые предшественницы, бьет с четким, различимым на слух интервалом между выстрелами, сливающимися в длинную ритмичную очередь…

БАНГ… БАНГ… БАНГ… БАНГ…

Мишени падали одна за другой, словно там, в поле, невидимый помощник дергал за ниточки, укладывая их на землю. Ни одного промаха, никаких рикошетов, суеты, — весь магазин по одному патрону на мишень, точно в яблочко…

Запись оборвалась так же внезапно, как и началась.

Барташов вздохнул, включив обратную перемотку, потянулся к бутылке и опять разлил водку.

— Ну, Антон Петрович, что скажешь?

Колвин ответил не сразу. Помолчал, пережевывая кусок колбасы и при этом смотря в погасший экран, будто там все еще крутилось продолжение отснятого скрытой камерой фрагмента видеозаписи.

Барташов не мешал ему — развалясь в кресле, он ждал, пока бывший

командир переварит увиденное.

— Ничего страшного, — внезапно безо всякого вступления произнес Антон. — Хорошая поделка, не больше.

— То есть как? — Николай Андреевич не сумел скрыть своей реакции на подобное резюме.

— Просто, — уже посмеиваясь, ответил Колвин. — Ты не специалист, Коля, извини, по тебе сразу заметно. У этой машины, что ты мне продемонстрировал, может быть, и есть будущее, но оно слишком далекое и призрачное. Поверь, на сегодняшний день этот твой «терминатор» не более чем забавная игрушка для пентагоновских генералов. Потешатся и выкинут.

Барташов покачал головой, сжав губы в упрямую линию.

— Объясни, пожалуйста, мне, рядовому неспециалисту, — без тени иронии сумрачно попросил он, забыв о рюмке, которую держал на весу во вспотевшей ладони.

— Ты пей, сейчас объясню. — Колвин откинулся в кресле и, приподняв свою рюмку, чуть качнул ею в сторону гостя.

Выпили, но напряжение осталось.

— У этой машины, что засняли твои агенты, есть два основополагающих недостатка, — подцепив вилкой кусок ветчины, объяснил Антон. — Это, во-первых, источник энергии, а во-вторых, мозг. Давай разберемся без фантастических выкладок. Мы с тобой все еще здесь, на земле 2024 года. Теперь ответь, с точки зрения реально существующих сегодня технологий, — чем ты нормально запитаешь почти две сотни сервомоторов, которые необходимы, чтобы показанный тобой робот просто двигался подобно человеку?

— Не знаю… — откровенно признал Барташов, немного расслабившись. — Аккумуляторы, наверное.

— Ну, и надолго их хватит? Ты подумай сам — ведь они пытаются создать аналог человека! У нас, даже когда мы сидим, и то что-то двигается, напрягается… а в бою? Это ведь не на полигоне, — вышел деревянным шагом, поднял пушку — бац, бац, — все мишени вповалку, публика в шоке! Там ведь нужно по-настоящему двигаться, ужиком ползать, бегать… Но стационарное питание на него не повесишь, кабель к заднице не протянешь. А все батареи для такого изделия — это, извини, чушь собачья. Сдохнут через пять минут, будь они хоть сто раз «энэрджайзером». Зря, что ли, у нас на каждую единицу боевой техники есть свои характеристики — на сколько минут боя рассчитаны. Это по своей прочности и уязвимости, а добавь сюда малый энергоресурс… Тут

одно исключает другое — либо твой робот привязан к кабелю, либо через пять минут он застынет как истукан…

— Погоди, Антон, а как же в космосе? Туда ведь кабели не протягивают!

— Не путай божий дар с яичницей, Коля, не маленький уже! Там солнечные батареи, открытое пространство, море лучистой энергии, да и найди мне такой спутник, который несет в себе две сотни механических приводов. В лучшем случае десяток, ну два, и то это уже катастрофа для конструкторов.

— Хорошо, хорошо… убедил. Источник энергии будем проверять дополнительно. Возможно, что ты и прав. Мне нечто подобное тоже приходило в голову. Грош цена тому солдату, который остановится вдруг ни с того ни с сего посреди боя… это понятно.

— Ну раз понятно, стоит ли дискутировать дальше? Это день даже не завтрашний, а одному богу ведомо какой. Нужен прежде всего портативный источник энергии, желательно ядерной, чтобы такой вот механизм получил право на жизнь хотя бы в теории. Все, что показывают нам в Японии на их выставках, конечно, красиво, впечатляюще, но по большому счету несостоятельно, как только речь заходит об автономии.

— Я смотрю, ты крепко владеешь вопросом, Антон? — усмехнулся Барташов. — Не совсем еще состарился, значит…

Последнее замечание подействовало на Колвина угнетающе. Весь его энтузиазм как-то вдруг пропал, словно в нем загасили некую искру прошлого, вспыхнувшую было с прежней силой.

— Да, я владею вопросом, — с внезапной угрюмой резкостью ответил он. — Ты ведь знаешь, чем я занимался после Кавказа…

— Знаю. — Из-под добродушно-расслабленной личины Барташова вдруг на мгновение пробилось совсем другое выражение — словно блеснули из-под овечьей шкуры здоровые белые клыки матерого волка. — Потому и приехал, — впившись взглядом в осунувшееся лицо Колвина, произнес он. — Думаешь, у меня нет спецов, способных прокомментировать эту запись? Ошибаешься — есть, — не дождавшись ответа, произнес он. — Ты же умный мужик, Антон, неужели не понял, каких объяснений я от тебя жду?

Колвин не ответил. Он сидел, упершись взглядом в пустую рюмку. В ее хрустальных гранях плавился и преломлялся приглушенный свет настенного светильника.

— Значит, получается как, Коля? — вдруг глухо спросил он. — Когда нужно было лечить ребят, искалеченных на войне, мне сказали что? Нет

денег, страна в заднице, сиди, мол, со своими разработками и не рыпайся, без тебя проблем по горло… А теперь, значит, деньги есть? Или жареный петух приложился к одному месту?

— Не ерепенься, Антон, все мы прошли через перестройку, развал армии. И жизнь была поровну на всех… Думаешь, «Гаг-24» единственный законсервированный объект ВПК? Думаешь, меня или кого-то другого гладило все эти годы по шерстке?

— Гладило! — с необъяснимой вспышкой ярости вдруг произнес Колвин, резко вскинув седую голову. — Про тебя не возьмусь говорить. А тех, кто загнал наших ребят в Чечню, предварительно накормив боевиков Дудаева оружием?! Кто разбазарил страну за несколько лет? Они кайфовали и кайфуют до сих пор, в то время как молодые ребята без ног сидят у станций метро на деревянных каталонках! Я ведь мог дать им ноги, мог, но на это не оказалось денег — деньги были только на новые «Мерседесы» да на конкурсы красавиц!

Он резко замолчал, понуро глядя в пол. Лицо Антона как-то вдруг осунулось, постарело, словно разом навалились годы…

— Хорош ты, праведник, — не повышая тона, но с напряжением в голосе ответил ему Барташов. — Засел тут на ведомственной даче, с «калашом» под задницей, — не подходите ко мне, обиженный я! Сижу, жру паек, получаю пенсию, а ты, страна, катись к едрене фене, американцам под звездно-полосатый флаг за их долбаные окорочка с ветчиной!.. Хорошая позиция, удобная, нигде не свербит, не дует… Ты же русский, Антон, опомнись!.. — вдруг достаточно резко напомнил он.

Его слова, очевидно, попали в точку, задев за живое отставного генерала.

— Я не засел тут! — с возрастающим с каждым словом ожесточением ответил Колвин. — И на пенсию не озолотился. Вся она там, под землей, в лабораториях «Гага». Только потому они и живые, что каждый день туда ползаю, как на работу, — то тут лампочка перегорела, то там вентилятор завыл. Слесарем тут подвизался на старости лет, все ждал, надеялся, может, опомнятся, вернутся… Опомнились, вернулись… — с горечью произнес он. — И опять-таки не калек лечить, не ребят с того света вытаскивать — киборга им подавай… Да, я могу его сделать, и эта твоя американская поделка уйдет ржаветь на полку, как только ты им покажешь видео!..

— Да не во мне дело, дурья башка! — Барташов зло сверкнул глазами на Антона и потянулся к наполовину пустой бутылке, вновь разливая водку. — Время прошло, понимаешь? — уже спокойнее, примирительно произнес он. — Страна стала немножко другой, но и мир изменился. Мы из

дерьма выкарабкиваемся, голову опять приподняли, глядь вокруг, а союзников-то больше нет. Как дали американцам волю в конце девяностых, так они понемногу и загребли под себя все. Теперь весь земной шар — сфера их стратегических интересов. По голове долбают — только пыль столбом. Вон, слышал, собираются первый военный крейсер на орбиту Земли выводить. Для поддержания решений ООН. А мы теперь кто? Их сырьевой придаток, как какая-нибудь занюханная банановая республика? Или полигон для экономических экспериментов? Об этом ты думал?

— Не знаю, думал ли я об этом… — Антон Петрович запрокинул голову, проглатывая пятьдесят грамм водки. — Я конструировал сервоприводные протезы костей, совместимые с живой тканью. На это ушли годы. И все коту под хвост… Что ты думаешь, я считать не умею? Да ты хоть знаешь, сколько стоит мое изобретение, продай я его за бугор? Миллионы долларов, а ты мне говоришь про патриотизм.

— Ладно, Антон Петрович, остынь… — Барташов вздохнул, потянувшись за брошенной на стол пачкой сигарет. — Знаю, что не использовал ты «Гаг» ни в каких корыстных целях и патент никому не предлагал, знаю…

— То есть как? — Колвин напрягся. — Следили, что ли?

— А ты как думал? — Николай Андреевич прикурил, выпустив сизую струйку дыма. — Знаешь ведь наше ведомство. Тут на одном доверии, без подстраховки далеко не уедешь… Как говорится, на аллаха надейся, а верблюда привязывай… Вон недавно, может быть, видел по телевизору, деятеля одного показывали, бывший мавзолейный работник, следил за телом вождя мирового пролетариата… Сейчас знаешь чем занимается? Свою контору открыл, братву бальзамирует… Вот так-то. И это, скажу тебе, самый безобидный случай. А ну как ты, обиженный и непонятый, туда же пошел бы?

Колвин промолчал.

— Вас, работников «Гага-24», осталось всего трое. Один еще служит, второй, как и ты, на пенсии. Так вот, теми двумя, не буду пока называть фамилий, уже интересовались, пытались подкатиться. А раз слушок гуляет, то, сам знаешь, шила в мешке долго не утаишь…

— Да что утаивать-то! — опять резко ответил Колвин. — Кого они хотят, всадников без головы, что ли? Я же сказал: есть две проблемы — энергетика и мозг! Если первую я могу решить, то вторая…

— Вторая тоже решаема, Антон, — произнес Барташов. — Вот через этот чипсет. — Он залез пальцами в нагрудный карман и достал оттуда запаянный полиэтиленовый пакетик с микросхемой, у которой оказались

очень своеобразные выводы — не в виде паучьих лапок, как для пайки, а с набором крохотных, почти микроскопических зажимов, какие используют в микрохирургии. — Это блок-адаптер, своего рода переходник, между головным мозгом и любой адекватной телу конструкцией, — произнес он в гробовой тишине. — Японская разработка, которой грош цена без твоей технологии самодостаточных сервоприводов. Сейчас они бахвалятся тем, что пришили голову овцы на электромеханический аналог тела и это псевдоживотное не только живо, но и исправно жрет…

Антон почувствовал, как вдруг помутилось в голове, а пальцы мелко задрожали, когда он потянулся к чипсету…

Неужели это возможно?

— Как?! — хрипло выдавил он, не коснувшись полиэтиленового пакета, словно страшился его содержимого.

— Просто до безобразия, — ответил генерал, исподволь наблюдая за своим бывшим командиром. — Самые сложные процессы нервной деятельности происходят в мозгу… Имитировать его работу действительно не по силам современной электронике, но результат этой высшей нервной деятельности всегда один — цепочка возбуждения, сигнал, транслируемый от мозга через центральную нервную систему к определенному органу. Японцы сделали буквально следующее — они замкнули все сигналы от мозга на компьютер и принялись отслеживать, что чему соответствует, а потом, когда нашли твердые аналогии, то создали вот этот блок-коммутатор, который преобразует нервное возбуждение в простой сигнал сервоприводному механизму.

Колвин, который в свое время немало поломал голову над данным вопросом, протестующе вскинул руки.

— Знаю, что скажешь… Знаю. Это опытный образец, большинство возбуждений пропадает впустую, нет внутренних органов, коим они адресованы, больше миллиона комбинаций они просто проигнорировали, не разгадав адресатов, обратной связи фактически нет. Но, Антон, разве боги горшки обжигают? Я своими глазами видел — ходит эта овца, и жрет, и все прочее…

Глаза Антона Петровича вдруг посерели, выцвели, не то от выпитой водки, не то от тех мыслей, что бродили в его голове в эти минуты.

— Коля… — наконец хрипло выдавил он. — Ты предлагаешь мне сделать зомби, я правильно понимаю? Сервоприводную машину с человеческим мозгом, у которого окажутся невостребованными девяносто процентов функций… Для чего?! Чтобы утереть нос американцам?!

Барташов поморщился, словно его посетил внезапный приступ зубной

боли.

— Антон, ты знаком с таким термином, как «гонка вооружений»? — после некоторой паузы спросил он.

— Ну? — поднял взгляд Колвин.

— Так вот, «холодная война» официально, де-юре, так сказать, окончилась при Горбачеве, но де-факто шла и идет по сей день. Я знаком со статистикой и знаю, сколько позиций мы безнадежно потеряли. Понимаешь, безнадежно. Это значит — без шанса вернуть себе то мировое положение, какое занимал Советский Союз. Сейчас начинается раскрутка нового витка технологий, и это шанс для России. Мы должны хотя бы раз посадить Штаты на задницу, дать им понять, что они не являются безраздельными владыками постперестроечного мира, что мы тоже сильны, велики не в меньшей степени и скидывать Россию со счетов слишком рано.

— Ну, хорошо… — Антон поднял седую голову и взглянул на чипсет так, словно это был не кусочек кремния с хитро проштампованными микроскопическими металлизированными дорожками, а некий сгусток проказы, один вид которой заставлял гулять по позвоночнику крупную дрожь… — А кого ты собираешься сделать… — он замялся, подбирая слово, — ну этим… киборгом?

— Да навалом кандидатур, не беспокойся. Мало ли людей без роду-племени расплодилось за эти годы на улицах. Не переживай, Антон Петрович… — Он вдруг осекся, взглянув в посеревшее и осунувшееся лицо Колвина.

— Знаешь-ка что, замполит? — чуть привстав, не своим голосом произнес Антон, глядя в лицо своему бывшему заместителю по политической части. — Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову, как и пришел. Набери себе отморозков с улицы, они по интеллекту как раз сойдут под твоих желанных киборгов, раскрась их как положено и показывай Штатам, авось напугаешь! А я в этом участвовать не буду, ты понял?!

— Дурак ты, Антон Петрович… — тяжело вздохнул Барташов, вставая. — Дураком прожил, дураком и помрешь… А жаль… — Он повернулся и, не оглядываясь, пошел к выходу.

— Эй! — окликнул его Колвин, пальцы которого еще дрожали от гнева. — Забери это, — он указал на упаковку с чипсетом.

— Не напрягайся, пусть лежит. На нее японцы сделали патент, там нет никаких коммерческих или военных тайн. Может, что надумаешь, так звони. — Он демонстративно воткнул в щель между досками вагонки, которой был обшит коридор, свою визитную карточку и, не прощаясь,

вышел.

Было слышно лишь, как хлопнула входная дверь да взвыл за окном злой и колючий декабрьский ветер.

На следующий день, рано утром, Антон Петрович Колвин впервые за последние годы покинул обжитой коттедж в поселке Гагачьем.

Он возвращался в свою квартиру в Москве, и на душе у отставного генерала было муторно, как никогда.

Во внутреннем кармане добротного зимнего пальто лежал запаянный в прозрачную оболочку небольшой, уместившийся бы на ладони ребенка чипсет…

Глава 4

Прошлое…

К удивлению Лады, попрошайничать в переходе без стоящей за спиной матери оказалось весьма проблематично. Одно дело — опустившаяся старуха с дочкой-инвалидом, а другое — подросток, пусть хромой и некрасивый, но вполне трудоспособный, того самого возраста и вида, когда бездомные, прижатые жизнью девочки начинают отдаваться первому встречному просто за кусок хлеба…

Лада не понимала этой разницы и не думала о ней. Она жила сиюминутными желаниями, почти как зверь, не задумываясь о «завтра», не отличаясь ни особым интеллектом, ни какими-то способностями к абстрактному мышлению. Эти понятия прошли мимо нее, растворились в зловонных лужах коллектора, подменившись простым и жестоким опытом выживания.

Неудивительно, что в первый же день ее забрал наряд милиции, и девочка, к немалому своему удивлению, оказалась в приемнике-распределителе для несовершеннолетних.

Это место поначалу почудилось ей чуть ли не раем на земле. Жесткая кровать с металлической сеткой, грубые, но *чистые* простыни, набитая ветошью подушка… Лысые мальчики и девочки, злые, жестокие, — маленькие звереныши, — они тоже показались ей поначалу сродни ангелочкам, беззаботно порхающим вокруг…

Конечно, сознание Лады не облекало ощущения именно в такие мысли — окружающее воспринималось только на уровне чувств, но разве мог удивить ее мирок приемника-распределителя с его почти тюремными законами и скудными условиями существования после многих лет, проведенных в прелой бетонной коробке подземного коллектора, питания объедками и каждодневного насилия?

Нет, первые дни она просто отдыхала и духовно, и физически.

Трудности начались позже, когда ее вместе с группой похожих на нее детей этапировали в один из подмосковных интернатов усиленного режима для трудновоспитуемых подростков.

Раньше Лада не задумывалась о многом, что являлось очевидным для окружающих ее людей. Здесь же ей быстро и болезненно дали представление о трех вещах: во-первых, она оказалась тупой, во-вторых,

уродливой и, наконец, в-третьих, за все нужно платить — и за относительно чистое белье, и за еду, и за то, что ей, не то издеваясь, не то сопереживая, растолковали два первых постулата ее новой жизни.

Для девочки настали в полном смысле этого выражения «черные дни». То, что раньше ощущалось ею подспудно, в виде туманных образов и понятий, робко толпящихся где-то на пороге неразвитого сознания, теперь вдруг окрепло, вырвалось из темных глубин и с ужасающей скоростью начало обретать зловещие формы *понимания* того, кто она есть на самом деле…

Маленькое, тупое, уродливое ничтожество…

Неудивительно, что в пятнадцать лет она впервые заплакала, уткнувшись лицом в жесткую казенную подушку.

А потом вдруг наступил слом, как в тот памятный день, когда умерла мать.

…Вечерело. За зарешеченным окном первого этажа резкий осенний ветер рвал пожухлую листву деревьев. Сентябрь 2020 года выдался дождливым, ветреным и холодным. Лада лежала на голых нарах карцера, куда угодила за провинность на уроке, и смотрела в белый шершавый потолок.

Учеба давалась ей с неимоверным трудом, школу она ненавидела. Однако особо выбирать не приходилось, обстановка не располагала. Любое сопротивление со стороны строптивой ученицы каралось жестоко и немедленно, и Лада, сама того не желая, за полтора года, что провела в стенах интерната, приобрела элементарные понятия о многих вещах. Она узнала, что такое гигиена, нормальная одежда, усвоила азы понятий об обществе, взаимоотношениях между людьми, деньгах, научилась читать и писать…

Она повзрослела, и душа ее покрылась черствой коркой.

Парадокс — чем больше она узнавала об окружающем, тем более туманным и противоречивым становился мир…

…С сухим щелчком в замке двери дважды провернулся ключ. Металлическая дверь карцера протяжно скрипнула на петлях.

Лада демонстративно закрыла глаза.

Она была упряма и не хотела никого видеть.

По бетонному полу прошелестели шаги, рука коснулась ее плеча, настойчиво встряхнула.

— Вставай, поговорим.

Ей пришлось подчиниться. Сев на нарах, она оперлась руками о грубый стол, что стоял рядом.

— Объясни, Лада, зачем ты это сделала? — спросила усевшаяся напротив женщина средних лет, с усталым, вечно осунувшимся лицом. Это была Мария Ивановна, воспитатель того отряда, в котором числилась Лада.

Речь шла о голубе.

Несколько дней назад кто-то из надзирателей нашел его в кустах, около символического периметра, что окольцовывал здание интерната. Птице кто-то подранил крыло, да и в облезлом хвосте не хватало нескольких перьев. Голубь ковылял по асфальтированному плацу, перед строем одинаковых, коротко стриженных пацанов и девчонок.

Он сразу не понравился Ладе. Во-первых, вокруг птицы было слишком много суеты, которая по большей части являлась простой показухой — это Лада научилась тонко и безошибочно распознавать еще в метро. Наверное, единственное, чему научила ее нищенская жизнь, — это тонко различать фальшь, натянутость в человеческих голосах и жестах. А во-вторых, к обеим ногам голубя пристали засохшие, уродливые куски его собственного помета…

Здесь, в интернате, она пристрастилась к чистоте. Казалось бы, Лада всю свою сознательную жизнь провела в вонючем отстойнике, среди гниющего от влажности тряпья, и грязь уже не должна была вызывать у нее никаких отрицательных эмоций, но случилось как раз обратное — девочка с неизъяснимым наслаждением мылась, следила за своей одеждой и сторонилась неопрятных сверстников…

Засохший на лапах голубя помет неприятно подействовал на нее, всколыхнув непрошеные воспоминания. Лада отвернулась, пряча лицо от порывистого ветра, в то время как другие дети обступили злополучную птицу; учительница насыпала хлебных крошек прямо на плац, и голубь клевал их, цокая по асфальту засохшим на ногах дерьмом.

Лада стояла чуть в стороне, равнодушно глядя в сторону синеющего поодаль, за забором леса.

Кроме грязи и нечистот, она патологически не переносила фальши. Во многих вопросах ей не хватало знаний и жизненного опыта, но оттенки витающих вокруг чувств она ловила с отточенной болезненностью, сама не радуясь этому своему дару…

— Лада, ты почему не подходишь? — настиг ее голос учительницы. — Иди сюда. — Та подняла голубя и сунула его в руки девочки. — Смотрите, дети, он больной, голодный и несчастный. Мы будем его кормить, и он поправится. Люди должны помогать братьям своим меньшим, любить и беречь их…

Назидательный голос учительницы бился в ушах Лады, и она вдруг

ощутила, как мочки этих самых ушей горят огнем…

Голубь ловко извернулся в ее ладошках и, вытянув насколько можно свою шею, клюнул ее в оголенное запястье, торчащее из короткого рукава старого, поношенного демисезонного пальто…

Пальцы Лады сжались сами собой. Голубь вдруг растопырил клюв, но ничего не вырвалось из его пережатого горла.

Тушка с растопыренными в агонии крыльями, чем-то похожая на маленького больного орла со случайно виденного Ладой герба какой-то иностранной державы, с мягким шлепком упала на потрескавшийся асфальт казенного плаца.

Она стояла, плотно сжав побелевшие губы, и смотрела прямо в глаза онемевшей учительницы.

…Точно так же, как и сейчас.

Пустой, выцветший взгляд девочки приводил сидящего напротив педагога в полное замешательство, вызывал неприятное чувство озлобленности против ребенка.

Проработав тридцать лет в детдомах, трудно сопереживать каждой отдельно взятой судьбе.

— Ну, ты объяснишь мне? Лада медленно подняла голову.

— Так было лучше… для него, — неожиданно произнесла она, вновь опуская взгляд.

Подобный ответ мог привести в замешательство кого угодно.

В нем не слышалось ни злобы, ни каких-то иных чувств — только усталое равнодушие, будто этот ребенок прожил не одну жизнь, а множество тоскливых, многотрудных существований теснилось в его памяти, давая право так спокойно судить — кому жить, а кому нет…

— Ну, знаешь ли!.. — Учительница (или просто надзиратель?) резко привстала, заставив Ладу непроизвольно втянуть голову в плечи. — Ты сама-то думаешь, что говоришь?! Ты же девочка, женщина, будущая мать! — Штампованные, заученные до тошнотворного автоматизма фразы посыпались на Ладу как горох, барабаня по маленькому, потерявшему всякое чувство реальности мозгу, отскакивая от него, как и положено твердым горошинам…

Через сутки, когда ее выпустили из карцера и разрешили вернуться в класс, она, дождавшись традиционной послеобеденной прогулки, совершила побег.

Никто не успел опомниться — девочка, которая только что находилась в толпе ребят, вдруг ни с того ни с сего оттолкнула стоявшего у ворот тучного прапорщика внутренней службы и целеустремленно побежала к

синеющему неподалеку лесу…

Это был самый настоящий «побег на рывок» — так поступали заключенные в зонах, когда нечего больше терять и орлянка с автоматным стволом казалась выходом более предпочтительным, чем возвращение в барак…

Лада бежала, спотыкаясь и падая, но в отличие от взрослых, которые пытались обрести таким образом свободу, за ее спиной не щелкали затворы и хриплое, жаркое дыхание караульных псов не настигало ее.

Девочку провожал лишь изощренный мат поднявшегося наконец на ноги прапорщика да оторопелый взгляд педагога-надзирателя…

* * *

Весна 2028-го пришла, как обычно, в срок.

Мартовский ветер дул порывами, волнуя голые ветви деревьев, на которых кое-где начали набухать клейкие почки; ноздреватый снег еще держался, но сугробы почернели, вытаивая скопившийся в них за зиму мусор, через решетки ливневой канализации звонко рушилась в узкие бетонные колодцы талая вода.

Прохожие, что спешили по своим делам, еще не расстались с зимней одеждой, но машины уже расплескивали в не чищенных от снега переулках грязную талую кашу, вызывая брань жмущихся к стенам домов пешеходов.

В одной из таких тихих, ничем не примечательных улочек и случилось то событие, что в корне изменило впоследствии жизнь многих людей.

Тут на газоне перед старым домом с крепкими кирпичными стенами и свежевыбеленным фасадом торчал тройной пень, оставшийся от сваленного несколько лет назад тополя.

Те, кто ходил на работу именно по этой улице, успели привыкнуть к сухощавому, седому старику, который сидел на плоской дощечке, прибитой к среднему пню, и с отрешенным видом наблюдал, как две собаки в ошейниках бегают вокруг, расплескивая кашу талого снега. Пока две овчарки резвились, разминая лапы, он думал о чем-то своем, обращая на своих подопечных внимание только в те моменты, когда одна из собак подбегала к нему и тыкалась носом в ладонь, требуя ласки.

Такую картину можно было наблюдать изо дня в день, и многие прохожие, чей маршрут постоянно пролегал здесь в утренние или вечерние часы, машинально кивали старику, словно тот был их старым знакомым.

Он же, постоянно погруженный в какие-то ведомые лишь ему одному мысли, рассеянно кивал в ответ, — но только в том случае, если замечал

приветствие. По облику этого человека трудно было судить о роде его прошлых занятий и социальном положении — одежда старика не казалась бедной, но та отрешенность, с которой он смотрел в одну точку на каменной стене здания напротив, делала его образ сродни огарку оплывшей стеариновой свечи, которому, если зажгут, гореть минуту или две, не больше. Видимо, он хорошо осознавал собственный возраст и не ждал никаких чудес ни от природы, ни от жизни, ни от людей. Все, что могло с ним случиться, уже произошло в прошлом, а теперь ему оставалось только сидеть, вдыхать чуть горьковатый весенний воздух, не загадывая наперед, сколько еще лет отпущено ему в этом мире…

Это утро начиналось для него как обычно.

Сев на прибитую к пню доску, он отцепил поводки собак, и те весело, наперегонки кинулись бежать вдоль тротуара.

Мимо прошелестела покрышками иномарка, звонко процокали по оголившемуся из-под снега асфальту женские каблучки. Воздух этим ранним утром казался особенно чистым; он нес сладкие флюиды весны, и на душе у Антона Петровича было спокойно, даже отрадно… Хотелось просидеть так весь день, не возвращаясь в запыленный сумрак квартиры.

С того памятного зимнего вечера, когда ведомственная «Волга» подкатила к двухэтажному коттеджу в поселке Гагачьем, прошло без малого три с половиной года.

Никто не тревожил больше отставного генерал-майора Колвина ни визитами, ни просьбами…

Тоскуя в неуютной холостяцкой квартире, ощущая вакуум полнейшего одиночества и забвения, он обзавелся двумя щенками немецкой овчарки, заботы о которых, как и ежедневные вынужденные прогулки, заполняли его жизнь.

Смириться со своим положением пенсионера, оставшегося не у дел отставного военного, оказалось тяжело, но, возможно, и наслоения времени постепенно притупили разочарование из-за несбывшихся мечтаний и прожитой, как ему казалось, большей частью попусту жизни. Детей у Колвина не было, жены тоже. Только две эти собаки как могли скрашивали внезапно подступившую старость…

Задумавшись, он не заметил, как в конце улицы появилась чуть прихрамывающая на одну ногу молодая женщина.

Одета она оказалась сверхбедно — во что придется, но выглядела на удивление опрятно. Собаки Колвина, бросив возиться друг с другом, навострили уши, глядя в сторону одинокой прохожей и втягивая холодный воздух влажными черными ноздрями.

Она остановилась, в первый момент испугавшись вида двух вставших в стойку овчарок. Ее взгляд метнулся от собак к хозяину, который сидел на пне, вполоборота к ней, явно о чем-то задумавшись и не видя происходящего.

Она не стала окликать его, а присела, вытащив из кармана старого, застиранного пальто кусок хлеба, заботливо завернутый в подобие носового платка.

Овчарки, не сговариваясь, с двух сторон подошли к ней, напряженно втягивая воздух.

Лада разломила кусок хлеба надвое и протянула им, заглядывая в черные умные глаза собак. Сделала она это совершенно естественно, не напрягаясь, словно этот коричневатый брусок хлебного мякиша не являлся ее единственной едой на сегодняшний день, а был припасен специально для двух черных как смоль овчарок с лоснящейся на загривках шерстью.

В этот момент Антон Петрович наконец оглянулся, спохватившись, что уже давно не видит и не слышит своих подопечных.

Его глазам предстала довольно странная, по меньшей мере не свойственная будням картина: обе собаки жевали хлеб, аккуратно подбирая его с ладоней присевшей на корточки перед ними очень бедно одетой молодой женщины.

Ее лицо можно было бы назвать красивым, если б не приподнятая к носу верхняя губа, — даже легкая, испуганная улыбка, блуждающая по ее чертам, не могла скрасить, а только усиливала врожденное уродство.

Антон Петрович привстал.

Заметив движение, Лада вскинула голову.

— Извините… они не хотели меня пускать…

У Колвина шевельнулось какое-то смутное воспоминание.

Где же он видел это лицо… уж не у подземного ли перехода?..

Бродяжка? Нищенка? Но почему тогда ее одежда выглядит так, словно за ней ухаживают каждый день? Что-то в образе этой молодой, изуродованной при рождении девушки не вязалось в его сознании с понятием о грязных, замызганных попрошайках, что сновали меж коммерческих киосков у ближайшего метро или толклись у входа в вестибюль станции.

Посмотрев на хлеб, который доедали его собаки, и чистую тряпочку, лежащую на коленях девушки, он вдруг отчетливо понял, что у нее *не может быть лишнего куска хлеба, припасенного для собак*.

Колвину вдруг стало неуютно и неудобно, словно это он заставил ее поделиться с собаками последним…

— Да нет… это, видимо, мне нужно извиняться за своих оболтусов… — произнес он, вставая с пня, и тут вспомнил, где и когда видел ее… Пару раз она промелькнула на грани его сознания, там, где откладывались лица случайно проходящих мимо по улице людей. Он даже вспомнил, что она немного прихрамывает.

— Джек, Сингар, ко мне! — строго произнес он, обращаясь к собакам.

Овчарки подошли к хозяину, отчего-то виновато поджав хвосты.

— Ну… я пойду, ладно?

Этот робкий вопрос вызвал в душе Колвина целую гамму чувств.

Откровенно говоря, он, как и большинство людей, недолюбливал бродяг и нищих, но эта девочка… или женщина слишком рез, со диссонировала с укоренившимся в сознании образом уличной попрошайки. Если б не ее одежда, то Антон Петрович ни за что бы не причислил ее к данному классу.

Раньше, при входе в метро, он неизменно давал мелочь, скопившуюся в карманах пальто, тем серым, убогим личностям, что толпились возле входа в вестибюль. Пока он находился в силе, был, как говорится, «при делах», Колвину ничего не стоил этот жест, а взамен он получал некое душевное спокойствие, равновесие, что ли.

Вернувшись в Москву после долгого отсутствия, он не нашел никаких радикальных перемен около станций метро, разве что маленькие коммерческие ларьки сменились на более просторные остекленные павильоны. Все так же у входа торговали цветами и газетами, там же сидели нищие. Он по привычке опустил руку в карман пальто, но мелочи там не нашлось, и он сунул в протянутую к нему руку неразменную десятку.

Через пару часов ему вновь понадобилось съездить в город, и он, подходя к станции, увидел ту самую бабку, которой дал деньги. Она валялась в вонючей луже у пивного павильона, а народ брезгливо обтекал ее с двух сторон, как течение реки раздваивает русло, чтобы обогнуть отмель и вновь слиться.

На душе у Кол вин а вдруг стало так гадостно, что он мысленно зарекся давать кому попало деньги. Не то чтобы ему было жаль их, а просто противно это профессиональное двуличие — с одной стороны, жалобный дрожащий голос, умоляющий о подаянии голодному человеку на кусок хлеба, а с другой — пожилая женщина, валяющаяся в собственных нечистотах…

Пока он размышлял, Лада встала, отряхнула полу старенького демисезонного пальто, на которую одна из собак оперлась лапой, и, ни

слова не говоря, собралась идти дальше, по своим, неведомым Колвину делам.

— Постой!.. — неожиданно для самого себя окликнул он девушку. — Ты торопишься?

Очевидно, для нее это был совершенно риторический вопрос.

Антон Петрович посмотрел на нее, заметил, как легкая тень скользнула по чертам изуродованного пьяными генами лица, и предложение, готовое сорваться с его губ, вдруг застряло в горле. Он хотел сказать: «Пойдем, я тебя накормлю», но вдруг отчетливо понял, что ее обидит такая формулировка… «Что за чушь…» — растерянно подумал он, уже совсем не радуясь своему внутреннему порыву, но все же произнес, поражаясь натянутости и чуждости своего собственного голоса:

— Может быть… мы пообедаем… вместе?..

Девушка остановилась, не сумев скрыть ни своего удивления, ни замешательства. По ее глазам нетрудно оказалось понять, что она действительно голодна, но ответ пришел не сразу, как на то подсознательно рассчитывал Колвин. Она стояла перед ним в явном сомнении.

«Что она пытается изобразить из себя? — вдруг уже почти неприязненно подумал Антон Петрович. — Сейчас не семнадцатый год прошлого века, когда бывшая воспитанница пансиона благородных девиц могла запросто оказаться на улице голодной и оборванной…»

— Хорошо… — Ее голос прозвучал неожиданно глубоко и взволнованно, будто слова Колвина, произнесенные скорее из вежливости, нежели из истинных, идущих от самого сердца чувств, нашли неожиданный, а быть может, долгожданный?., отклик в ее душе. — Если вы приглашаете…

— Конечно, приглашаю.

Было в ней что-то необычное, какая-то изюминка, не то в голосе, не то в тени от улыбки, что вопреки всему блуждала по ее лицу, не то во влажном блеске не по годам серьезных глаз…

Откровенно говоря, Колвин злился на самого себя, достав из кармана свисток и подзывая собак его резкой трелью.

«Ну, что, старый филантроп, доволен?» — мысленно спрашивал себя он, глядя, как обе овчарки наперегонки несутся к нему.

Прицепив поводки к их ошейникам, Антон Петрович выпрямился, посмотрев на свою новую знакомую.

— Тебя как зовут? — вдруг запоздало спохватился он.

— Лада.

— А меня Антон Петрович. Пойдем, нам туда, — он указал рукой на

входную дверь в подъезд.

Его уединение, столь тщательно им культивируемое, оказалось нарушено самым странным и внезапным образом.

Впрочем, Колвин, успокоившись, решил не обращать внимания на свой великодушный порыв. В конце концов, что за беда, — покормит он девочку и отпустит. Красть в его квартире особенно нечего, да и бюджет отставного генерала вполне выдерживал обед на две персоны…

* * *

Отомкнув дверь, он пропустил в квартиру собак, жестом пригласил войти Ладу, а сам переступил порог последним.

Овчарки, освободившись от поводков, тут же бросились на кухню, к миске, где их ждал завтрак.

Колвин снял пальто, повесил его во встроенный шкаф, занимавший одну из стен прихожей, кряхтя разулся. Сунул ноги в домашние тапочки.

— Сейчас посмотрим, что нам бог послал… — Он оглянулся. — Ты раздевайся, — он кивнул на пустые вешалки в шкафу. — Пальто туда, вот тебе тапочки…

— Извините, Антон Петрович, а может, я так? — вдруг спросила она. — Только переобуюсь?

— Да что за церемонии на самом-то деле? — Колвин, видя, что она застыла в мучительной нерешительности, и совершенно не понимая причин этой стеснительной робости, протянул руку, — безо всякой задней мысли, конечно, — и расстегнул одну из пуговиц ее пальто.

Он физически ощутил, как она вздрогнула, сжалась, и та внезапная перемена, что произошла с ее глазами, лицом, оказалась столь разительна, что Колвин тоже вздрогнул, невольно опустив руку.

Один раз он видел подобное выражение в глазах собаки, когда несправедливо наказал ее, вытянув поводком вдоль хребта. Осмысленное чувство ярости, неприятия, готовности дорого взять за свою честь или, по крайней мере, за то, что под ней подразумевается.

— Не надо, — твердо, но безо всякой злобы произнесла она, расстегивая пальто. — Я сама.

Она отвернулась, вешая одежду, а Колвин весь сжался, похолодел внутри, когда понял, что не только кусок хлеба был ее единственным достоянием…

Под пальто не было ничего, кроме заштопанной в нескольких местах теплой ночной рубашки, какие носят зимой и летом вечно зябнущие в силу своего возраста старушки.

Лада повернулась, не пряча взгляда, и спокойно произнесла:

— Извините, Антон Петрович, я думала, будет лучше, если остаться в пальто. Я не могу носить грязную одежду… — внезапно призналась она, и по ее глазам было видно, что эта странная во всех отношениях девушка сказала немного больше, чем хотела.

У Колвина перехватило дыхание, но не от вида округлостей молодого тела, которые тонко прорисовывала плотно облегающая фигуру ткань, а от запоздалого внутреннего стыда.

Не суди, да и несудим будешь…

Он молча развернулся, прошел в ванную комнату, и оттуда вдруг раздался его голос:

— Ладушка, подойди сюда!

Она не надела тапочки, и по линолеуму коридора мягко прошелестела ее прихрамывающая поступь.

В глазах девушки блеснула предательская влага, которая была удалена, вытравлена одним резким движением перед самым порогом ванной комнаты. Неизвестно, что явилось причиной — вырвавшееся у Колвина виновато-отеческое «Ладушка» или просто ужасное, болезненное напряжение происходящего, но вошла она спокойно, с твердым, даже немного жутковатым выражением на искаженном лице…

— Вот… — Колвин осекся, напоровшись на ее взгляд, и рука с теплым халатом повисла в воздухе. — Держи. — Отбросив сомнения, он сунул халат ей в руки и внезапно добавил: — Можешь включить горячую воду. Ты моя гостья. А я пока пойду посмотрю, чем мы будем обедать.

* * *

Застыв посреди ванной комнаты, как грубо и неумело сработанный манекен, она, не шевелясь, напряженно всматривалась в собственное отражение, что в полный рост демонстрировало ей зеркало, прикрепленное к стене рядом с раковиной обычными, чуть побитыми ржавчиной металлическими креплениями.

Было ли у нее свое, сокровенное представление о чуде?

Скорее всего, что нет…

В ней присутствовала та гармония, когда душа и тело являются зеркальными отражениями друг друга. Как черты ее лица оказались изломаны прихотью искалеченных алкоголем генов, так и душа Лады пребывала в стадии осколков кривого зеркала, что отражают лишь искаженные кусочки реальности, не в состоянии объять картину в целом.

Не важно, что за ужас предлагал ей день сегодняшний: или потные

объятия извращенца, или наполненную паром и запахом нечистот мойку огромного фешенебельного ресторана, или промозглую улицу с утлой защитой из картонных коробок из-под импортной телеаппаратуры, — везде Лада воспринималась окружающими как нечто странное, и не за ее внешний вид, а именно за то, что, дав жесткий отпор какому-нибудь пьяному насильнику в темном переулке, она, поправив растрепанные в схватке волосы, и машинально выковыривая из-под ногтей чужую кожу, уходила, не матерясь, не проклиная обидчика, не издеваясь над поверженным, и по чертам ее лица минуту спустя уже блуждала легкая тень сентиментальной улыбки.

Она могла убить, если ее прижимали спиной к стене или загоняли в угол, но зло не скапливалось в ней, скатываясь по наружной оболочке, как дождевые капли по вощеной бумаге…

Сейчас, стоя у зеркала, она не знала, что ей делать — бежать ли отсюда сломя голову или же остаться.

Инстинкты кричали — беги. Ее жизненный опыт не предполагал нормального развития событий. Квартиры, в которых ей доводилось бывать раньше, как правило, являлись более убогими, и приводили ее туда по большей части силой…

Она в нерешительности стояла перед зеркалом, глядя на свое, совершенно незнакомое, как оказалось, лицо, и слезы вдруг брызнули из глаз сами по себе, сбегая по щекам крупными горячими градинами.

Лада быстро задушила их.

Крутанув барашек смесителя, она болезненно ощутила, как упругая струя горячей воды ударила в дно чугунной ванны, разлетаясь гудящими брызгами.

* * *

Антон Петрович возился на кухне, готовя обед, когда хлопнула дверь ванной комнаты и по линолеуму прихожей зашлепали босые ступни ног.

— Надень тапочки! — машинально напомнил он и вдруг спохватился, осознав, что она — не одна из его овчарок, а девочка с улицы и не стоит разговаривать с ней так, словно Лада жила тут с самого рождения. Он просто позвал ее с целью накормить, дать возможность нормально вымыться… и нечего делать из данной ситуации проблему…

Колвин вдруг поймал себя на том, что рассуждает так, будто он — молодой офицер, пригласивший в дом случайную знакомую. «Господи, какая чушь… — подумал Антон Петрович. — Совсем, брат, в маразм впадаешь…»

Было от чего.

Эти едва слышные шаги всколыхнули в нем целый сонм противоречивых чувств. Он вдруг кожей ощутил пыльную пустоту трехкомнатной квартиры, которая навалилась со всех сторон, сжала, словно стальной обруч, сухие старческие виски.

Жизнь неумолимо подкатилась к своему финалу. Нож в пальцах Кол вина задрожал. Эта пустота останется с ним, будет преследовать до самой смерти. Когда-то он полушутя говорил, что лучший его друг это он сам. С собой не поругаешься, себя всегда и во всем понимаешь…

Оказалось, что нет…

Чтобы осознать это, нужно было почувствовать разницу между цоканьем собачьих когтей и мягкой босой поступью человека…

* * *

Было уже одиннадцать часов утра, когда Колвин пригласил Ладу за стол.

Их поздний завтрак, или ранний обед — можно называть как угодно, — состоял из вермишели быстрого приготовления с китайскими иероглифами на пластиковых баночках, нарезанных дольками помидоров, двух кусков холодного мяса сомнительной свежести, извлеченных из вакуумной упаковки, и крепкого, курящегося легким паром кофе.

«Не густо для престарелого филантропа…» — мысленно упрекнул сам себя Колвин.

В отличие от него Лада, сидящая напротив, по другую сторону кухонного стола, находила эти блюда не просто достойной, а восхитительной заменой тому куску черствого хлеба, что пришлось ей скормить двум вставшим в напряженную стойку собакам.

Поначалу они ели молча — Колвин не находил, что сказать, а Лада просто не умела поддерживать сколь-либо непринужденную беседу за столом — не было у нее такого жизненного опыта.

— Ну, расскажи мне что-нибудь, — первым нарушил молчание Антон Петрович, когда легкое, ритмичное постукивание вилок о тарелки стало для него совершенно гнетущим и непереносимым.

— Про что, Антон Петрович? — Рука Лады замерла в воздухе.

— Ну хотя бы о том, где ты живешь? Есть у тебя дом?

Она утвердительно кивнула, донеся наконец вилку до рта.

— Есть, — спокойно ответила Лада, прожевав кусок мяса. — В гаражах, недалеко отсюда.

— То есть как?.. — поперхнулся Колвин.

— Ну, сгорел гараж, — терпеливо пояснила Лада. — Это недалеко отсюда. Никто туда не приходит больше, рядом кусты и ручеек… — словно оправдываясь, произнесла она. — Я натаскала туда коробок от магазина… — Она улыбнулась так непринужденно, что у Антона Петровича перехватило дыхание от этой улыбки и той непосредственности, даже скрытой гордости, что прозвучали в голосе девушки.

Он отвел глаза, внезапно осознав, что ему страшно смотреть на нее, и не из-за врожденных дефектов внешности, а из-за того, что скрывалось за маской плоти.

Иногда, оказывается, достаточно нескольких слов, фраз, чтобы сущность человека вышла наружу. Колвин никогда не причислял себя к разряду психологов, но сейчас и для него, старого, замкнувшегося в себе солдафона, вдруг стало ясно, что сидящая напротив него девушка сама не понимает, сколь зла ее судьба…

Но таких, кто ведет страшную жизнь под внешним лоском зеркальных витрин больших городов, тысячи, если не десятки тысяч, и все они люди своеобразного, злого, неблагодарного склада характера, сиюминутные эгоисты, существующие по закону трущоб, который если не переплюнул пресловутый закон джунглей по статистике выживаемости, то уж по своей жестокости и беспринципности — точно обогнал.

«Вот как странно оборачивается судьба…» — со смятением и внутренним страхом подумал Колвин, подняв взгляд на Ладу, которая пила кофе, обняв зябкими ладошками большую фаянсовую кружку из сервиза. В этот момент край кружки полностью скрыл дефект ее лица, и было видно только правильные черты, обрамленные влажными после купания волосами. На лице девушки в этот момент выделялись серые, состарившиеся, как и у него, глаза, вокруг которых вопреки возрасту уже наметились первые морщинки…

Он вспомнил, как напряглась Лада, когда он протянул руку к пуговице пальто, ее стыд и смущение, вызов, гневную готовность идти до конца…

Разве может быть у уродливой бродяжки, взращенной в недрах большого города, столько не свойственных ее касте чувств? Или она, сама не осознавая того, и есть тот самый пресловутый цветок, что распустился на зловонной свалке, подставляя зябкому солнцу свои изуродованные нечистотами лепестки?

Взгляд Колвина упал в коридор. Длинный, темный, пустой коридор его квартиры, откуда в пыльные комнаты вели плотно запертые двери.

Тишина и затхлость квартиры вновь навалились на него, заставив, буквально выдавив из него эту простую, но далеко идущую фразу:

— Может, ты останешься у меня… хотя бы ненадолго? Лада вздрогнула, поставила кружку и вскинула на него удивленный, полный скрытого подозрения взгляд.

— А что я должна буду делать? — негромко спросила она.

— Ничего. — Колвин сам поражался тому, что говорил, но слова исходили скорее от сердца, нежели от разума. — Просто поживи…

* * *

Есть в жизни моменты, которые не суждено забыть. Никогда.

Лада не понимала, что происходит с ней. Творящееся вокруг казалось чем-то неестественным. Она не могла просто так допустить в свое сознание мысль об элементарной человечности — скорее этот термин был попросту неведом ей, хотя подобное чувство, естественно, присутствовало в ней самой, просто оно оказалось сначала задавлено прессом жизненных обстоятельств, а потом не востребовано.

В детстве ей никто и никогда не рассказывал сказок.

Ограниченный кругозор Лады вмещал в себя грязный опыт выживания в городских трущобах — она могла бы много поведать психиатру или автору мрачных романов о падении человеческой души, но осознать мотивы поведения Колвина оказалось выше ее сил. Встав из-за стола, Лада ощутила себя совершенно беззащитной, загнанной в угол, угодившей в западню. Теплый махровый халат с чужого плеча, казалось, жег ее тело, заставляя сердце инстинктивно сжиматься от страха, — она слишком хорошо усвоила уроки, которые преподавала жизнь, и отчетливо понимала, что в конечном итоге ей за все придется платить…

Однако прошло некоторое время, в течение которого она убрала со стола, вымыла посуду, составив тарелки в стенной шкаф, что висел над раковиной, но ничего страшного не происходило.

Антон Петрович ушел в комнату, потом вернулся на кухню, держа в руках початую пачку папирос и пепельницу из толстого зеленого стекла. Прикурив, он закашлялся, перехватил брошенный украдкой взгляд Лады и произнес:

— Привык к папиросам. Ничего другого курить не могу. А ты куришь?

Она кивнула, продолжая мыть посуду.

— Извини, ничего другого дома нет. — Антон Петрович кивнул в сторону пачки «Герцеговины Флор». — Потом, попозже, может, схожу до ларьков, куплю что-нибудь помягче. Ты присядь, успеешь еще…

Лада покорно вытерла руки и села напротив Колвина. Достав

папиросу, она прикурила.

Антон Петрович тоже чувствовал себя в полнейшей растерянности. Нельзя сказать, чтоб у отставного генерала не было опыта общения с женщинами, но этот случай, естественно, выходил из ряда вон…

Он так долго и сознательно культивировал свое одиночество, что теперь, когда его глухая защита от мира дала внезапную трещину в виде спонтанного порыва чувств, он растерялся. Глядя на Ладу, которая по возрасту вполне могла быть его дочкой, он переживал болезненное чувство раздвоенности: с одной стороны, частичка холостяцкой души тянулась к ней, но с другой — тут же возникал страх, — чего можно ждать от бродяжки, чьи мысли оставались для него тайной за семью печатями?

Здравый смысл подсказывал Колвину — ничего хорошего.

…Докурив, Лада аккуратно погасила окурок папиросы и встала. Вид у нее был озадаченный, напряженный. Антон Петрович взглянул на нее и вдруг увидел глаза маленького зверька, из которых исчезла та глубина, которую он наблюдал полчаса назад. Колвин чувствовал — она боится его. С лица Лады исчезло выражение осмысленности, и вздернутая верхняя губа теперь действительно казалась принадлежащей животному. Ее жизненный опыт загонял вглубь все человеческое, и Антон Петрович внезапно с болезненной ясностью осознал — она боится его намного больше, чем он ее. И чувства Лады — ее страх, скованность, готовность в любую секунду полностью трансформироваться в опасного зверька, — они имели под собой почву, которая, как справедливо подозревал Колвин, лежала вне его понимания.

Все эти мысли, достаточно быстро промелькнувшие в голове отставного генерала, выразились лишь в одном, достаточно необдуманном шаге — он кряхтя встал и произнес:

— Пойдем я покажу тебе твою комнату…

* * *

Вечером того же дня Лада лежала в постели, чувствуя через тонкую ткань непривычно чистой, красивой, невесомой ночной рубашки, как проминается под ее весом хрустящая, пахнущая свежестью, накрахмаленная в прачечной простыня, и не знала, что ей делать — бежать отсюда, прикрываясь наступившей в квартире зыбкой и обманчивой тишиной, или же просто уснуть…

Нет, она не могла спать.

С ней происходили непонятные, а потому — страшные вещи.

Однако она больше не могла напрягаться, каждую секунду ожидая

какого-то подвоха. Несмотря на напряжение тела, разум Лады внезапно расслабился, и это позволило ей на мгновение забыть о гулком биении сердца, ощущениях неминуемой беды и других мыслях.

Что-то сломалось в ее душе под напором БЕЗДЕЙСТВИЯ Колвина.

Он не пытался ее использовать. Он ничего не хотел от нее.

Глаза Лады, широко открытые и глядящие во мрак комнаты, вдруг подернула горячая, непрошеная влага. Впервые за двадцать с лишним лет своей беспредельной жизни она задумалась о чуде… просто допустила в мыслях возможность его существования в злобном и жестоком мире…

Чудо… Это понятие было чуждым и не казалось непреходящим. Это… Это было то, что может кончиться так же внезапно, необъяснимо, как и началось.

Осторожно откинув одеяло, Лада бесшумно встала, коснувшись босыми ногами холодного пола. Ей было необъяснимо хорошо. Мир не перевернулся в ее покалеченной душе, — быть может, чуть-чуть смягчились его краски… Страх оставался. Он по-прежнему глодал изнутри одинокую избитую душу, но эта боль уже не казалась тупой и безысходной, как прежде, — в ней появился едва уловимый сладковатый привкус.

В темном коридоре под дрожащим язычком света от лампы-ночника холодно блеснули глаза собак. Ни одна из них не произнесла ни звука, хотя обе, не сговариваясь, проводили Ладу до самых дверей комнаты Колвина.

Она бесшумно вошла.

Антон Петрович не спал. Он лежал с открытыми глазами, вполоборота к окну, и лунный свет, падавший оттуда, делал его лицо неживым. В первый момент, увидев его, Лада испугалась — настолько бледными, нереальными выглядели черты, но он вдруг моргнул, не замечая ее, и от сердца отлегло.

Лада едва дыша повела плечами, и ночная рубашка соскользнула с них, отдав лунному свету ее обнаженную фигуру.

Да, она знала о своем врожденном уродстве. Но она также понимала, что Антон Петрович — далеко не юноша. Но самое главное, Лада вдруг ощутила пробежавшую по телу дрожь — он был первым встреченным ею *человеком*, и сейчас ни возраст, ни физические данные — ничего не имело ни веса, ни роли. Он дал ей то, чего она не испытывала никогда, — несколько часов *человеческой* жизни, в течение которых не оправдался ни один страх…

Лада знала, чем можно заплатить мужчине за доброту. Более того, впервые в жизни она *хотела этого*…

Именно потому, когда она скользнула под одеяло, а Колвин вздрогнул,

испуганно отпрянув, Лада прильнула к нему, нашла своими губами его губы и закрыла их, предупреждая любой вопрос.

Глава 5

Москва. Апрель 2028 года

Весна уже повсюду вступила в свои права — снег исчез, и на влажной земле газонов, курящейся под лучами солнца легким прелым паром, зазеленела первая трава. Город отряхивался после зимы — «оттаяли» коммунальные службы, на улицах вдруг появились машины с вращающимися дисковыми щетками под днищем, которые упорно распихивали по обочинам, к краю тротуаров скопившийся за зиму мусор, поутру во дворах вдруг стали заметны дворники, сменившие серую зимнюю одежду на форменные оранжевые безрукавки.

Колвин в шутку, без тени злобы, называл их про себя «люди в оранжевых бронежилетах».

Теперь он уже больше не сидел на старом пне, глядя мимо случайных прохожих на выбеленную стену соседнего здания. Его жизнь вместе с приходом весны приобрела чуть иную, более радостную окраску.

Теперь каждое утро в соседнем парке можно было увидеть крепкого старика, который гулял по голой пока аллее в сопровождении сильно прихрамывающей девушки и двух собак, что тоже подросли, но все так же беззаботно носились, играя друг с другом, задирая попадающихся на пути кошек и вообще проявляя искреннюю радость по поводу наступившей весны и неожиданной смены наскучившего им маршрута утренних прогулок.

Отношения Антона Петровича и Лады крепли, хотя складывались далеко не так просто и безоблачно, как то могло показаться стороннему наблюдателю.

События той первой ночи перевернули души обоих.

Колвин не мог простить самому себе, что принял ее ласку, не смог воспротивиться, — наутро его жег стыд, смешанный с горькой, переворачивающей душу нежностью, — ведь Лада годилась ему в дочки… Антон Петрович вполне осознанно считал, что не имеет права пользоваться ею, но та вспышка, неистовое, последнее в жизни безумное исступление, когда он не сумел оттолкнуть, остановить прильнувшее к нему тело, изменили его как внешне, так и внутренне.

Он понимал — не случись тех безумных ночных событий, и лед между ними бы креп с каждым днем и часом — слишком далеки оказались

мировоззрения, души отставного военного и девушки-бродяжки… велика между ними пропасть, которую не могло заполнить ничто, кроме рожденного внезапным безумием взаимного доверия, интуитивного, подсознательного желания иметь не только физическую близость…

Впрочем, об этом больше не было и речи. Но в душе Колвин знал — она придет к нему, только помани. Это знание причиняло ему немало муки.

Они шли по голой, лишенной листвы аллее парка. Лада держала его под руку. Собаки резвились неподалеку, вокруг было тихо, лишь редкие в этот утренний час Прохожие, спешащие на работу к девяти часам, кидали мимолетные взгляды на прогуливающуюся пару.

— …было все, — говорил Антон Петрович, продолжая разговор. — И война, и мир, как в романе Толстого… — усмехнулся он. — Знаешь, Ладушка, я прожил неплохую жизнь…

— Ага… — она улыбнулась укоряюще. — Почему же ты тогда сидел там у дома совсем один?

В первый момент Антон Петрович не нашелся, что ответить.

— Ты откуда знаешь?.. — наконец спросил он.

— Видела, — призналась Лада. — Я часто ходила по этой улице. Иногда ты даже смотрел на меня.

Колвин на минуту замолчал. Ему не хотелось ни возвращаться в своей памяти назад, ни анализировать причины собственного одиночества. В прошлом таилось много призраков, которых он просто не желал пробуждать к жизни.

— У каждого своя судьба, — вдруг, отвечая скорее собственным мыслям, нежели своей спутнице, произнес он. — У тебя ведь тоже не все складывалось гладко, и ты не можешь однозначно мне сказать, кто виноват в этом, верно?

Лада вздрогнула. Он почувствовал, как напряглась ее рука.

— Давай не будем ворошить прошлое, Ладушка. По-моему, главное то, что происходит сейчас, — ободряюще произнес Антон Петрович.

Она, не сбиваясь с размеренного, прогулочного шага, склонила голову к плечу Колвина, коснувшись щекой жесткой ткани его пальто, и искоса взглянула в лицо Антона Петровича.

В глазах Лады угадывался страх. Она, как раненый зверь, получивший короткую передышку в травле, интуитивно ощущала — что-то должно случиться. Жизнь, по ее мнению, никогда не давала ничего безвозмездно…

* * *

За окраиной парка, у старых решетчатых ворот вот уже несколько

дней появлялась одна и та же машина. Она приезжала сюда очень рано, водитель парковал ее к глухой стене дома на противоположной стороне улицы, так, чтобы прохожие не смогли заглянуть внутрь через лобовое стекло. Остальные стекла машины были тонированы до зеркального блеска, и разглядеть, что творится за ними, не представлялось никакой возможности.

Никто не выходил из нее. Водитель перебирался на заднее сиденье, доставал из чехла странного вида бинокль и, закрепив его на специальной подставке, что торчала между двумя подголовниками заднего сиденья машины, на секунду приникал глазами к бинокулярам, одновременно вращая верньеры настройки. Закончив отладку, он доставал журнал и некоторое время проводил за чтением.

Тонкий, писклявый зуммер обычно раздавался в салоне машины в одно и то же время — где-то около половины девятого.

Отложив журнал, странный наблюдатель смотрел в свой прибор, одновременно делая какие-то пометки на схеме парка, пока старик, девушка и две собаки не доходили до самых решетчатых ворот и не поворачивали обратно…

В это утро привычный ход событий нарушил лишь один незначительный инцидент. В салоне машины раздался еще один зуммер, и наблюдателю пришлось оставить свое занятие, чтобы вытащить из кармана трубку сотового телефона.

Выслушав голос с той стороны, он нахмурился, зачем-то опять посмотрел в свой прибор, а затем ответил:

— Да, это они.

С той стороны что-то сказали.

— Ну если сомневается, пусть едет и смотрит сам. По моим приметам все совпадает. Девчонка? Откуда мне знать? Ведет себя как дочка или внучка. Что? Ну это не в моей компетенции… — Наблюдатель брезгливо скривился. — Если отдадите приказ — буду. Да мне все равно, куда заглядывать. Хорошо. Понял…

Он свернул трубку, сунул ее в карман, а затем вернулся к своим наблюдениям, отмечая крестиками места, где останавливалась вполне заурядная на его взгляд пара. Одновременно он фиксировал время и продолжительность остановки или движения.

Наблюдатель был не более чем рядовым агентом и понятия не имел, зачем кому-то понадобился этот старик и какие силы двигают теми или иными рычагами кулуарных операций такого сорта.

Он просто делал свою работу.

* * *

Это случилось утром восемнадцатого апреля.

В старом парке решили отремонтировать асфальтовое покрытие аллей и для этого даже удосужились отворить ржавые, давно вросшие в землю чугунные ворота.

Работы еще не начались, но вся техника уже стояла на своих местах — тихо урчал двигателем на холостых оборотах внушительный каток, рабочие сидели на свежей майской траве и курили, очевидно, ожидая прибытия машины с горячим асфальтом.

Колвин и Лада появились в парке этим утром как обычно, где-то около половины девятого.

Небо было безоблачным, солнце уже поднялось над линией горизонта, и все вокруг свидетельствовало о том, что весна вступила в пору своего буйного, очаровательного расцвета, когда отовсюду лезет свежая клейкая зелень и лик природы меняется каждый день…

Дойдя до конца аллеи, они развернулись, как это делали обычно, и в этот момент в воротах показался долгожданный грузовик с асфальтом.

Первыми неладное почувствовали собаки. Они вдруг остановились как вкопанные и зарычали. Шерсть на их загривках моментально встала дыбом.

Действительно, грузовик вел себя достаточно странно. Набирая скорость, он виртуозно вписался в проем распахнутых ворот и, не пытаясь затормозить, пролетел мимо отдыхающих на траве рабочих в униформе дорожной службы.

В этот момент Лада инстинктивно отпустила руку Колвина и начала поворачиваться.

Все происходило как в замедленной съемке. Она видела несущийся прямо на нее грузовик, спокойное, даже уверенное лицо водителя за рулем и жесткую, нехорошую ухмылку на его плотно сжатых губах…

В действительности все происходило в течение долей секунды, но Ладе показалось, что это внезапное, парализующее своей жуткой неизбежностью действо вдруг растянулось до размеров вечности, — ее ноги будто приросли к асфальту, она хотела, но не могла двигаться, лишь нашла в себе силы оттолкнуть развернувшегося вполоборота к ней Антона Петровича, прежде чем заляпанный грязью передний бампер машины ударил ее чуть пониже груди, поднял в воздух, как тряпичную куклу, проволок несколько метров, переламывая кости, и отпустил с надрывным визгом тормозов, который угасающее сознание Лады уже не могло

воспринять как реальный звук…

Она ощутила лишь вспышку острой боли и бесконечное отчаяние.

Она ведь знала, чувствовала, что все оборвется так же внезапно, как и началось.

В этом мире не могло быть ни справедливости, ни счастья, ни благосклонной судьбы.

* * *

Почувствовав толчок и одновременно услышав резкий, режущий по нервам звук тормозов, Колвин в первый момент не сообразил, что произошло, — в момент удара он стоял спиной к грузовику и поэтому не видел его стремительного приближения, — просто сбоку от него метнулась громадная тень, затем он услышал мягкий звук удара, болезненный вскрик и, уже поворачиваясь, увидел, как тело Лады безвольным кулем катится по асфальту…

Машина пошла юзом, вылетела на газон, вспахивая сырую землю заблокированными колесами, и остановилась, врезавшись левой дверью кабины в ствол дерева.

Наверное, в жизни Антона Петровича не было мига страшнее, чем этот. Мягкий хлюпающий звук удара сказал ему все. Он рванулся к Ладе, чувствуя, как левую часть груди мгновенно затопила безумная, перехватывающая дыхание боль…

Она лежала лицом вверх. На ней не было ни кровоподтеков, ни ссадин, крови тоже не было, только кожа Лады мгновенно посерела до цвета скверной оберточной бумаги, а на губах мгновенно проявилась смертельная синева…

Антон Петрович упал на колени, склонился над ней, бестолково, суетливо приподнимая ее запрокинутую голову.

В эти секунды он просто обезумел, не соображая, что делает, не видя, что творится вокруг, лишь его трясущиеся руки пытались приподнять ее голову, а губы шептали одно и то же:

— Ладушка, милая…

Потом боль в груди стала невыносимой — она взорвалась, словно вспышка напалма, прожигая насквозь область сердца… Колвин уже не видел ни бегущих к ним дорожников, ни водителя грузовика, что, подозрительно пошатываясь, вылезал из кабины, ни резких бликов от работающих мигалок влетевших на территорию парка машин «Скорой помощи», невесть каким образом почему-то оказавшихся рядом с местом трагедии…

Словно в полусне или в бреду он поднял голову и посмотрел вокруг, на лазурное, ясное небо, бегущих людей, зеленеющую листву, и в его глазах, на искаженном мукой лице, дрожащих губах читался лишь один немой вопрос: ЗА ЧТО?!

Потом взгляд Колвина внезапно потускнел от дикой, разрывающей грудную клетку боли, и он, пошатнувшись, рухнул на асфальт рядом с Ладой…

* * *

Она не умерла.

Врачи реанимационного отделения по-прежнему поддерживали ее жизнь, но множественные переломы костей и внутренние кровоизлияния не оставляли почти никаких шансов на успешное выздоровление.

Колвина привезли домой спустя две недели.

К его счастью или, быть может, к горю… но сердечный приступ не окончился инфарктом.

Кто-то вдруг вспомнил о нем, прислал машину, водитель которой предупредительно распахивал перед ним дверь, но Антон Петрович ничего не видел и не слышал — он просто не хотел больше воспринимать окружающий его мир. В эти дни Колвин больше походил на мертвеца, зомби, которого заставила восстать из праха чья-то злая бесчеловечная воля.

Открыв дверь служебной «Волги», водитель — подтянутый, накачанный парень в солнцезащитных очках хотел что-то спросить, но Колвин только махнул рукой и, не оборачиваясь, вошел в подъезд.

Остановившись у своей двери, он пошарил по карманам в поисках ключа и, только протянув руку к замочной скважине, заметил, что под наличник замка воткнута сложенная вдвое бумажка. Он машинально вытащил ее оттуда, развернул и понял, что перед ним игральная карта.

Впрочем, он ошибся. Карта не предназначалась для игры — на черном глянцевом фоне оказался изображен архангел, задумчиво облокотившийся о крест… И чуть ниже надпись:

«Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого».

Слова больно кольнули душу, но он не воспринял эту дурацкую шутку как нечто адресованное ему.

Войдя в пустую, осиротевшую квартиру, Колвин без сил привалился к дверному косяку и некоторое время стоял, слушая гулкую тишину. Собаки

исчезли. Их никто не видел с того момента, как бампер грузовика ударил Ладу.

Наконец спустя две или три минуты Антон Петрович все же нашел в себе силы затворить дверь, тяжелой шаркающей походкой прошел на кухню и сел, бесцельно глядя в пол. Он боялся поднять глаза, потому что за те полтора месяца, что Лада прожила в его квартире, тут буквально все пропиталось ее присутствием.

Так очень часто бывает в жизни — один миг, одно событие в буквальном смысле сминает все, что у тебя было, делает мир тупым, лишенным всяческого смысла, все ценное, что еще вчера казалось значимым, жизненно важным, вдруг оборачивается грудой хлама…

Колвин прекрасно понимал — он свое отжил. Теперь уже окончательно и бесповоротно, но эта мысль, в другое время показавшаяся бы ему ужасной, сейчас не будила ровным счетом никаких чувств.

Какой-то пьяный водитель, ублюдок, оборвал сразу две жизни.

Антон Петрович пошарил рукой по столу, наткнулся пальцами на коробку папирос, машинально прикурил, не ощущая вкуса дыма… Случайность… Судьба… Это могло называться как угодно, но разве становилось от этого легче?

Он видел ее под прозрачным колпаком барокамеры… В чем же она провинилась перед судьбой? Почему так?!..

Ни один из этих вопросов не находил ответа ни в разуме, ни в душе. Там, казалось, гнездилась одна лишь надсадная боль, смешанная с обреченным, гадливым чувством собственной беспомощности перед жестокими обстоятельствами.

Колвин прошел войну на Кавказе. Устав убивать, он однажды нашел в себе силы бросить эту кровавую мужскую работу, с тем чтобы обратиться к другой стороне той же медали.

Десять лет он провел в подземных бункерах поселка Гагачьего, разрабатывая первый сервоприводной протез человеческих костей, уникальность которого состояла в том, что он, по сути, становился не протезом, а частью человеческого организма, конвертируя и используя тепловую энергию живых тканей.

Он создал его лишь затем, чтобы убедиться — никому не нужно лечить искалеченных на войне ребят, — на это у государства нет денег. Деньги были лишь на то, чтобы создать потенциально военную разработку и положить ее под сукно до тех пор, пока его идея вдруг не получила карт-бланш в игре под названием «война умов»…

Колвин сидел понуря голову, машинально комкая в ладони теплый,

глянцевый картон невесть кем подсунутой под его замок гадальной карты.

Сколько раз в жизни он оказывался бессилен перед судьбой? Сколько раз ему приходилось идти на поводу роковых обстоятельств? И сколько раз он опускал руки, пасуя перед ними?

«Много…» — с горечью признался сам себе Колвин.

Пустота квартиры давила на него, спрессовывая мозг в усохший от боли брикет. Образ Лады дрожал и плавился в его мыслях, Колвину казалось, что он физически ощущает каждый день ее безнадежной агонии…

«Безнадежной только в том случае, если ты опять уйдешь в глухую защиту ради своих чистых рук, незапятнанной репутации… А кому она нужна, Колвин, эта твоя репутация? Кому ты вообще нужен, кроме нее, умирающей сейчас в реанимации?»

Антон Петрович машинально разжал ладонь и вновь посмотрел на смятый кусочек глянцевого картона.

«Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого».

Именно в этот миг, глядя на сливающиеся перед глазами буквы, он впервые подумал: «А быть может, цепь случайностей — это не прихоть судьбы, а чья-то злая воля, толкающая меня на определенный шаг?»

Он встал, прошел в свою комнату, выдвинул ящик стола и принялся рыться в бумагах.

В этот момент он боялся лишь одного — его что случайно выкинул ту визитную карточку.

Нет, она оказалась на месте.

Дрожащими пальцами он набрал телефонный номер.

— Генерала Барташова… — попросил он, когда на том конце взяли трубку.

— Кто его спрашивает? — осведомился женский голос.

— Передайте, что звонит Колвин. Он поймет… Антон Петрович сел на кровать, опустив голову, и приготовился ждать.

Однако Барташов оказался поблизости. Секунд через десять в трубке раздался его сочный бас:

— Да, я слушаю.

— Николай Андреевич? Это Колвин… Нам нужно встретиться.

— Антон Петрович, ты же знаешь, что мое предложение и все связанные с ним условия неизменны, — ответил Барташов так, будто они расстались только вчера и он ждал этого звонка.

— Да, я понимаю… — ответил Колвин. — Давай встретимся. У меня тоже появились определенные условия, но я согласен работать…

* * *

За то время, что Колвин провел в Москве, в поселке Гагачьем опять закипела жизнь.

Антон Петрович вышел из машины у знакомого, уходящего под землю бетонного пандуса, который запирали мощные раздвижные ворота.

Да, люди определенно вернулись сюда… Признаки запустения старого военного городка все еще присутствовали, но это уже больше походило на детали маскировки, нежели на истину, отражающую положение вещей. Взгляд Колвина, скользнувший по серому бетону и прилегающим ко входу, хорошо знакомым окрестностям, машинально отметил обилие устройств скрытого и явного наблюдения, охранные рубежи и прочие признаки грамотно организованного охранения. Солдат или персонала нигде не было видно, и внешне «Гаг-24» выглядел все таким же обветшалым, давно заброшенным военным городком времен слома социалистической системы, но, шагая вслед за Барташовым по узкой, вьющейся меж сосен тропе, Антон Петрович с удивлением и даже некоторой внутренней дрожью дважды натыкался взглядом на замаскированные дерном щели в земле. Они проявлялись внезапно, когда до них в буквальном смысле оставалось сделать пару шагов, и угадывающийся в сумраке подземных огневых точек слабый отблеск пулеметных стволов ясно говорил о том, что они обитаемы…

— Отдельный спецбатальон внутренних войск, — скупо пояснил Николай Андреевич, проследив за взглядом Колвина. — Ребята свое дело знают, — мрачновато добавил он.

Вообще за те несколько часов, что им пришлось провести вместе, по дороге сюда Колвин заметил, что Барташов тоже достаточно сильно изменился со дня их последней встречи. Генерал явно сдал, не в физическом, а скорее в моральном плане. Был он мрачен, неразговорчив, да и осунувшееся лицо с ясно обозначившимися мешками под глазами говорило о каких-то преследующих его проблемах.

— Ладу привезли? — внутренне сжавшись, спросил Колвин, когда они остановились перед неприметной стальной дверью в серой бетонной стене. Барташов как раз разговаривал с кем-то внутри бункера, воспользовавшись для этого устройством, похожим на трубку сотовой связи. Ясно, что радиоволны не могли проникать в бункер, но, очевидно, рядом с дверью было спрятано ретрансляционное устройство для внутренней кабельной сети связи.

— Что? — недовольно переспросил Барташов, отвлекшись от

разговора.

— Я спрашиваю, Ладу привезли?

— Нет пока. Она будет вечером. Ты должен осмотреться.

— Но…

— Все, Антон Петрович, свои «но» оставь за забором, — мрачно отрезал Барташов. — Мы, кажется, обсудили все условия, — напомнил он. — Ты получаешь доступ к своей старой аппаратуре, я даю тебе ассистентов, и ты делаешь все, что сочтешь нужным. Мне необходимо получить от тебя только две вещи: соблюдение внутреннего регламента, который устанавливаю я, и конечный результат работы.

Колвин промолчал.

Внутри массивной двери сухо щелкнул электрозамок.

— Прошу.

Барташов вошел первым, Антон Петрович на мгновение задержался, окинув взглядом редкий сосновый лес, словно прощаясь и с солнечным светом, и с самой природой, а затем последовал вслед за генералом в недра секретного комплекса «Гаг-24».

Идея и история возникновения этой глубоко эшелонированной системы бункеров относилась к далекому прошлому. Своими корнями «Гаг-24» уходил далеко в эпоху развитого социализма — в ту пору, когда такие понятия, как «атомная угроза», «холодная война» и «гонка вооружений», являлись терминами отнюдь не историческими, а самыми что ни на есть обыденными.

Позже, когда рухнул «железный занавес», а страна канула в пучину политического и экономического кризиса, «Гаг», на содержание которого уходили огромные суммы, отдали на откуп нескольким военным ведомствам, разрешив разместить тут секретные лаборатории различных профилей.

Именно тогда, в конце девяностых годов двадцатого века, Колвин впервые приехал сюда в составе так называемой «группы по созданию искусственных организмов». Лаборатория просуществовала семь лет, затем ее временно законсервировали все по той же незамысловатой причине — полное отсутствие денег на исследования и содержание. К сожалению, группа Колвина, который к тому моменту уже стал ведущим специалистом, занималась такого рода разработками, которые не подпадали ни под одну статью конверсии, и никак не могла быть переведена на самоокупаемость.

Так и получилось, что Антон Петрович в конце концов оказался в положении сторожа при законсервированном до лучших времен комплексе.

И вот эти «лучшие времена» наступили…

Шагая по коридорам подземных убежищ, он не мог отделаться от мысли, что совершает ошибку, возможно, самую страшную в своей жизни, — все здесь выглядело до боли знакомым и в то же время чужим, словно в эти помещения вернувшиеся сюда люди вдохнули иной смысл.

Лифт опустил Колвина и Барташова на пятый, нижний уровень убежища. Теперь над их головой было около ста метров железобетонных конструкций.

Остановившись на просторной развязке, куда вливалось несколько туннелеобразных коридоров, Барташов показал на три расположенные друг возле друга двери.

— Твоя комната, рядом операционный зал со всей аппаратурой, а это, — он кивнул на третью дверь с кодовым магнитным замком, — действующая лаборатория искусственных организмов.

— А врачи? — задал Колвин тревожащий его вопрос.

— Бригада хирургов, анестезиолог и другие специалисты находятся на один уровень выше. Они в твоем распоряжении в любое время суток. Пульт внутренней связи в твоей комнате. Вот магнитная карточка доступа. Она же работает на двери. Осваивайся.

— А ты?

— У меня слишком много дел, Антон Петрович. Не скрою, твой проект один из самых важных для меня лично, но видеться будем редко. Тебе дана воля, почувствуй это и не комплексуй. Давай, — он протянул руку и пожал ладонь Колвина. — Соберись в кучу и действуй. Ты сам хотел этого.

Через несколько секунд, когда закрылись створки лифта, Колвин совершенно внезапно для самого себя остался один.

Он стоял посреди просторной площадки, перед несколькими дверями, сжимая в руке тонкую пластинку спецпропуска.

«Ты сам хотел этого…»

Он повернулся и вдруг всем своим существом почувствовал, что стоит в центре ЧЕГО-ТО ему пока неведомого, а вокруг уже работает огромная машина под названием «государственная спецслужба». Работает на него.

Собственные страхи и надежды, отчаяние и горе показались Колвину ничтожными перед тем, что окружало его в данный момент. Сила, так запросто отданная ему Барташовым, на первый взгляд казалась чуть ли не безмерной, и это не просто пугало его — Антон Петрович не первый раз имел дело с подобной «системой» и очень хорошо понимал — увильнуть от нее будет очень сложно. Из него выбьют то, что нужно именно им, и его безумная надежда на человечность и сострадание Барташова казалась

теперь глупой, наивной и никчемной.

Только сейчас, оправившись от шока, выбитый из своего горестного состояния шоком еще более сильным, Колвин понял — он пришел в мышеловку, дверь которой уже захлопнулась. Он желал одного — вырвать Ладу из рук неминуемой смерти, хотя бы раз использовать созданную им же аппаратуру этого комплекса по ее прямому назначению, но тщетно… Он обманул сам себя и только сейчас наконец осознал, какую цену придется заплатить за это ЕЙ…

Неизвестно, сколько времени простоял он так в глубокой отчаянной задумчивости перед захлопнувшимися дверями межуровневого лифта.

«Ты сам хотел этого»…

* * *

Дверь, ведущая в лабораторию «искусственных организмов», тяжело подалась в сторону, глухим звуком как бы обозначив свой внушительный вес, как только Колвин провел магнитным ключом врученной ему карточки по прорези сканера.

В первый момент он даже не понял, что попал в то же самое помещение, где работал много лет назад. Все изменилось до неузнаваемости, — ведь последний раз он спускался в бункер незадолго до визита Барташова, и на памяти Антона Петровича все здесь оставалось сонным, унылым и заброшенным.

Сейчас тут кипела жизнь.

Нет, не кипела — двигалась.

За свою бытность в военном ведомстве Колвин по идее должен был разучиться удивляться, но сейчас он лишний раз убедился в справедливости высказывания о том, что Россия — это страна непознанных возможностей и невостребованных гениев.

В первый момент его охватила обыкновенная трепетная гордость. «Уж не маразм ли?..» — с горечью подумал он, чувствуя, как просыпаются давно позабытые чувства.

Как бы ни обветшало за эти трудные, кризисные годы государство, но в системе еще оставались резервы, и он видел перед собой результат их реализации.

Круглый ярко освещенный зал лаборатории наполняла механическая жизнь. Здесь цвели технологии даже не двадцать первого века — многие образцы, из тех, что бросались в глаза прямо от входа, Колвин попросту не видел, хотя закончил заниматься данной проблемой не так давно.

То, что демонстрировал ему по видео Барташов, казалось сейчас

блеклой тенью, грубой поделкой по сравнению с хищными, сияющими хромом или же, наоборот, серо отсвечивающими камуфлированными пятнами эндоостовами различных машин, каждая из которых была заключена в просторный цилиндр из пуленепробиваемого стекла и постоянно, не останавливаясь ни на секунду, двигалась, совершая наборы различных движений, в основном имитирующие ходьбу или бег…

В первую секунду ощущение казалось шокирующим и отнюдь не приятным… Словно попал в мир фантомов, созданных посредством компьютерной графики, но фантомов реальных до жути, до непроизвольной дрожи вдоль позвоночника, стоило лишь раз коснуться взглядом этих эстетичных, полных скрытой силы скелетообразных форм, которые двигались очень быстро, но в то же время плавно, решительно…

Взгляду и мозгу требовалось какое-то время, чтобы очнуться, сбросить странный, примораживающий к месту транс, чтобы понять — фантомами тут не пахнет, под конечностями сервоприводных машин скользили настоящие беговые дорожки, по которым те бежали, ровно, ритмично, в то же время оставаясь на месте. Сзади к каждому прозрачному боксу тянулись десятки, если не сотни кабелей, которые проходили через специальные, оставленные для них отверстия в бронестекле и одним своим концом соединялись с работающими «на износ» машинами. Другим концом они оказывались подключены к многочисленным тестерам испытательных стендов.

Ровно сияли шеренги контрольных мониторов, пространство лаборатории наполняли непривычные, чуждые человеческому уху звуки — то был приглушенный бронестеклом шелест, равномерное повизгивание, ритмичное клацанье…

У Колвина все же перехватило дыхание. На секунду ему представилось, что эти существа, столь похожие на выходцев из самых кошмарных видений сервоинженеров, действительно наделены понятием «жизнь» — столь естественно и одновременно угрожающе выглядели их движения… Казалось, еще немного, и какой-нибудь механизм вдруг сорвется с толстой привязи компьютерных кабелей, проломит прозрачную защиту и ринется прямо на него, окруженный сверкающим облаком осколков бронестекла.

— Вы, надо полагать, мой новый начальник?

Вопрос застиг Антона Петровича врасплох. Вздрогнув и мысленно проклиная свои совершенно распоясавшиеся нервы, он обернулся.

Человек, которого он увидел, только что вошел через ту же дверь, что и Кол вин, и теперь подслеповато щурился, попав под яркий свет ламп,

которые освещали стеклянные боксы направленными лучами. Его вытянутое лицо с длинным носом, узкие, сощуренные глаза и играющая на тонких губах улыбка делали его похожим на непомерно разросшуюся крысу. Спецкомбинезон серого, мышиного цвета только усиливал это сходство, доводя ощущения до состояния абсурда, когда хочется верить первому впечатлению, а не истинному положению вещей.

— Моя фамилия Колышев. — Он протянул Колвину длинную сухую ладонь с тонкими музыкальными пальцами. — Вадим Колышев.

— Очень приятно. Колвин Антон Петрович.

— Любуетесь?

— Пока не знаю. Осматриваюсь.

— Угу… А полюбоваться здесь есть чем. — Колышев подошел к ближайшему боксу и вдруг любовно провел ладонью по толстому стеклу, как бы очерчивая контур заключенной за ним, бегущей в никуда сервомашины. — Мое дитя, — не без гордости произнес он. — Любимое. Когда-то я занимался бионикой. Теперь вот воплощаю матушку-природу в не свойственных ей материалах.

Заявление насчет бионики не было голословным, только сейчас, после этих слов Колвин понял, откуда в нем эта странная оторопь, что пробежала по телу крупными мурашками при беглом взгляде на бегущие силуэты… Это ведь оказалось разительно похоже на уменьшенные в десятки раз, ожившие экспонаты музея палеонтологии… Миниатюрные хромированные эндоскелеты некоторых особо типичных ящеров, с доработками, конечно…

— Значит, вы автор этих машин? — не удержался он.

— Ну, не всех, не всех, — честно признался Вадим. — Вот это, например, американский образец, — он указал на бокс, что содержал в себе вяло бегущий на одном месте стилизованный и напрочь лишенный ребер скелет, отдаленно похожий на человеческий. — Почти абсолютная машина… — с нотками завистливого сожаления признал он, щелкнув пальцами по стеклу. — Обратите внимание, это единственный образец, который не имеет внешнего энергопитания.

— Что, неужели самодостаточный механизм?

— Не совсем. Ресурс — около пятидесяти часов, но при этом совершенный болван… — с ехидной улыбкой ответил Колышев. — Хотя принцип, которого они придерживаются, верный, — с нескрываемым сожалением вздохнул он. — Тут использовано нечто отдаленно напоминающее вашу технологию, Антон Петрович. Внутри этих костей, — он показал на тускло отливающие серебром детали эндоостова, — внутри живые бактерии, которые, размножаясь, производят тепловую энергию.

Сервомоторы находятся исключительно на электропитании, которое вырабатывается специальными элементами за счет разницы температур.

При этих словах Колвин почувствовал неприятный холодок. Это действительно было очень примитивным, частным случаем его разработки.

— Любопытно…

Он подошел ближе, вглядываясь в детали машины.

— Откуда он появился? — минуту спустя спросил Антон Петрович, имея в виду шагающий за стеклом силуэт.

— Не знаю, — пожал плечами Колышев. — Разведка сработала, наверное. Мне не докладывают.

— А там что? — Колвин, у которого постепенно проходил шок от увиденного, вновь начал мрачнеть. Ничто, даже эти машины, которые когда-то снились молодому и энергичному Антону Колвину, не могли надолго отвлечь его ни от жестокой реальности, ни от собственных, присущих сегодняшнему Колвину мыслей.

Проследив за взглядом своего нового начальника, Вадим тоже помрачнел.

— Там моя головная боль, — коротко ответил он и, быстрым, энергичным шагом пройдя через зал, распахнул дверь, которая в бытность Антона Петровича вела в хранилище реактивов и лаборантские комнаты.

Теперь и тут все выглядело иначе.

На стерильных стеллажах возвышались подсвеченные ультрафиолетом стеклянные баки, в которых либо плавали в струях физиологического раствора, либо просто лежали фрагменты различных частей тел, принадлежащих как человеку, так и различным животным.

У Антона Петровича в первый момент похолодело в груди.

Он, конечно, ожидал увидеть нечто подобное, но не так скоро и, конечно, не в таких масштабах…

Первым, что бросилось в глаза, была человеческая рука, к которой вели тонкие проводки от расположенного неподалеку компьютерного терминала.

Пальцы руки медленно сжимались и разжимались, хотя на плоти были невооруженным глазом видны признаки явного разложения.

— Отторжение тканей… — мрачно прокомментировал Колышев. — Внутри полный сервопривод руки, работающий на вашем принципе микромоторов. Все сделано в точности по описанной технологии — трубка вложенная, трехслойная, внутри охлаждающий состав, за ним слой термоэлектрических токоснимающих элементов, затем собственно сама поверхность искусственной кости, к которой прилегает живая ткань.

Разница температур между внутренней и наружной частью около тридцати градусов. Сигнальный импульс к движению подается сенсорными датчиками, которые фиксируют напряжение мышцы, даже самое ничтожное, и передают команду серводвигателям. Весь комплекс работает изумительно — мы питаем клетки с помощью насильственного кровообращения и вырабатываемого за счет разницы температур тока вполне хватает для работы всех приводов конечности… — Он вдруг резко повернулся и в упор посмотрел на Колвина. — Только вы не находите, Антон Петрович, что вы в документации упустили нечто главное, основополагающее, без чего ваше открытие и вся технология может быть успешно списана в область фантастики?..

— Что же я забыл? — холодно спросил Колвин, к которому вдруг вернулись все горестные ощущения этих дней.

Он вдруг увидел эту лабораторию не в том сияющем ореоле, который на время просто ослепил его, а такой, какой она была на самом деле — *страшной*. Страшной и бесчеловечной, какими бы благими ни были конечные намерения тех, кто работал тут.

— Вы забыли описать связку между живой тканью и мертвым сервоприводом, — прищурившись и потеряв всякую любезность, произнес Колышев. — Как соединить живую ткань с мертвым металлом? Вы ведь знаете это, верно? И надеюсь, что поделитесь со мной сокровенной тайной?

В словах Вадима крылась угроза.

Колвин понял, что на самом деле попал в ловушку гораздо более страшную, чем мог предположить час назад.

Маленькие крысиные глаза Колышева буквально сверлили его.

— Мне нужно отдохнуть, — вдруг произнес Колвин. — А потом я бы хотел произвести ревизию реактивов. Надеюсь, тут сохранились все вещества из моей бывшей лаборатории?

— Естественно.

— В таком случае составьте мне полный, подробный отчет обо всем, что тут есть.

Он развернулся, чтобы выйти, но Колышев достаточно бесцеремонно остановил его у самого порога лаборатории.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил он.

— Я еще не решил, отвечать ли на него вообще, — резко сказал Колвин. — Мне нужно подумать.

* * *

Обстановка комнат для обслуживающего персонала не изменилась ни

в принципе, ни в деталях. Маленькое помещение очень сильно напоминало купе-люкс в поездах дальнего следования. Тот же казенный уют, теснота, штампы на белье, откидной столик и треугольный умывальник под ним. Лишь компьютер, что стоял на отдельной выдвижной стойке около кровати, сменили на более современный.

Антон Петрович сел на застеленную постель и задумался.

То, что он увидел сегодня в лаборатории искусственных организмов, не просто превзошло его ожидания, это напугало Колвина.

Он видел отлично отлаженные машины, которым не хватало лишь одного — надежного источника автономного питания.

Колышев был прав — составляя документацию по проекту, Антон Петрович сознательно опустил часть информации, оставив ее лишь в своей голове. Поступить так было вполне логично — тех чиновников, что принимали решение по докладу, не интересовали нюансы исследований, им нужен был наглядный конечный результат, а Колвин прекрасно знал, через сколько рук пройдут бумаги, прежде чем попадут наверх, к тем, кто выносит окончательный вердикт. Среди этих людей, которые являлись промежуточными звеньями, вполне могли оказаться личности, не вполне добропорядочные, но зато технически грамотные.

Идея могла уйти. Колвин был знаком с подобными случаями, когда проект сначала «резали», а потом он вдруг осуществлялся под другим именем, и принял меры предосторожности против этого. А когда его идею положили в стол, он не нашел нужным вносить дополнения и коррективы в существующие документы.

Главный итог исследований все эти годы находился при нем.

Вид разлагающейся руки не мог ввести Антона Петровича в замешательство. Он бился над той же проблемой много лет. Живая ткань упорно не хотела соединяться с полыми металлическими костями, внутри которых располагались моторы и приводы…

Как ни странно это прозвучит, но внезапное решение данной проблемы пришло из… космоса.

Известно, что много лет ученые собирают пробы космической пыли, частицы комет, газообразные взвеси из атмосфер планет Солнечной системы, лунные реголиты и прочие образцы вещества, какие только можно добыть вне земной атмосферы.

Колвина заинтересовали образцы веществ, полученных из кометных газовых шлейфов. Он собирался поставить ряд опытов над ними, потому что знал — некоторые вирусы космического происхождения, по сути, не являются живыми организмами, они представляют собой нечто среднее

между живым и неживым — их молекулы сложнее любого неорганического вещества, но они «недоразвиты» до уровня самой примитивной органики.

Мучаясь над проблемой совместимости живого с неживым, Колвин вполне справедливо полагал, что исследования в данной области помогут ему в решении вопроса.

Он не ошибся, хотя результат оказался совершенно неожиданным и совсем не в том виде, как представлял себе Антон Петрович. Собственно, начиная исследования, он и надеяться не мог на то, что получилось в конечном итоге.

Подвергая образцы различным воздействиям, как излучения, так и иных мутагенных факторов, он внезапно натолкнулся на некую разновидность уже известного вируса, молекулы которого обнаружили способность к химической мимикрии — молекулярная структура вируса «приспосабливалась» к тому веществу, с которым в данный момент находилась в непосредственном контакте, слипалась с ним, проявляя тем самым чудо маскировки, — качества, столь необходимые для выживания в среде другого организма, причем вирус обнаружил такое неоценимое для Колвина свойство, как способность маскироваться не под одно, а сразу под несколько веществ.

Долгие кропотливые опыты доказали, что вирус безопасен для человека — он начинал размножаться только в условиях очень высокого давления, из чего Колвин сделал справедливый вывод, что тот родом с планеты-гиганта — возможно, с Юпитера, где давление измеряется сотнями атмосфер…

После нескольких лет непрекращающихся опытов он наконец сумел получить тот вид вируса, который химически связывался со всем, к чему прикасался. Покрыв таким составом искусственную кость, Колвин убедился, что живая ткань, единожды прижатая к такой обработанной его веществом поверхности, намертво склеивается, «срастается» с ней и уже не подвержена никаким процессам отторжения…

…Он встал, прошел по узкому пространству своей комнаты.

Ощущение, что она станет его последним пристанищем в этой жизни, не покидало Антона Петровича.

Он влип. Единоличное обладание государственной тайной, способной изменить ход истории, никогда не прощалось отдельному человеку. Это он усвоил твердо.

Государственная тайна… Колвин вдруг усмехнулся, зло, саркастически. Три с лишним года назад, когда он спускался в эти бункеры,

чтобы смахнуть пыль с бесценной аппаратуры, его знание не было нужно никому. Не было ни ажиотажа вокруг искусственных организмов, ни самой проблемы… Теперь же, когда американцы создали и продемонстрировали всему миру своего первого искусственного бойца, у кого-то вдруг загорелось кресло под задницей. И тут же вспомнили про «Гаг-24», про него, про разработки.

Хотя, если разобраться беспристрастно, не в личных обидах крылись истоки его тревоги. Все личное уже было пережито, разложено по полочкам памяти… оприходовано, так сказать. Изменилось мировоззрение Колвина. С одной стороны, он понимал, что исторический процесс не повернуть вспять и, как любил повторять один из его давних друзей, «все, что однажды создано одним человеком, сможет повторить другой». Рано или поздно это сделают и без его участия. Видно, пришел срок реализации данных технологий. Но Колвин в отличие от других очень хорошо понимал их несовершенство. Эскалация гонки вооружений в области создания искусственных организмов неизбежно столкнется с неразрешимой пока проблемой — отсутствием электронного мозга, адекватного человеческому. Вывод же напрашивался сам собой — он видел готовые сервомашины, что и сейчас продолжали свой бег в соседнем зале, дай он им совместимость с живой оболочкой, и они, одновременно с внешностью, получат внутренний источник независимого питания — живую ткань, чьи килокалории будут аккумулироваться и использоваться сервомоторами… Отличные биомеханические бойцы, чья жизнь представляет ценность только в эквиваленте затраченных на их производство денег, но они останутся… тупыми. Тупыми настолько, что бросить их в бой означает обречь на смерть все живое в радиусе действия оружия.

Мнение Антона Петровича было обоснованным. Он воевал и отлично понимал разницу между стрельбой по мишеням и настоящим боем, где порой невозможно отличить врага от своего, мирного жителя от террориста и решения приходится принимать интуитивно, на уровне подсознания. Нет аналогов человеческому мозгу, и это очень скоро поймут, если еще не поняли, и тут в «Гаге», и за кордоном, в лабораториях НАТО…

Чипсет, продемонстрированный Колвину Барташовым во время их памятной встречи, прямо-таки кричал о том выходе, что будет, обязательно будет найден и осуществлен… Сервомашина в конце концов получит *человеческий мозг*… и это… это казалось Антону Петровичу настолько страшным, что он терялся, ощущая БЕЗДНУ, на краю которой вдруг оказалось все человечество.

Когда живое смешается с неживым, возникнет иная раса, у которой

неизбежно сформируются свои, отличные от человеческих, моральные ценности. Чуть больше, чем машина, но меньше, чем человек…

Колвину было страшно. Он хотел одного — спасти Ладу, вырвать ее из цепких лап неизбежной смерти, а как оказалось, — от него ждали большего, намного большего…

Зуммер, прозвучавший из недр панели связи, вырвал его из глубокой задумчивости.

Отжав кнопку интеркома, Колвин спросил:

— Да, я слушаю. В чем дело? Кто это?

— Антон Петрович?

— Я же сказал — да.

— Это дежурный офицер уровня. Мне приказано доложить — ваша пациентка доставлена. Ее сейчас везут в операционную.

Динамик смолк.

Колвин сидел, неестественно выпрямившись и смертельно побледнев.

Был ли у него хоть какой-то выбор?

Часть II. Обратная связь

Пролог

Колония Ганимеда. 24 августа 2029 года

Над ледником курилась туманная мгла.

По поверхности черного ноздреватого льда ползали небольшие плоские машины, очень похожие на металлические черепа и по своему внешнему виду, и по темпу движения.

Каждая из них медленно продвигалась в определенном направлении, тщательно собирая черную пленку и оставляя за собой широкую полосу голубовато-желтого льда, который тут же начинал куриться паром.

Обстановка на леднике, заключенном между острых, не тронутых эрозией скал, напоминала долину гейзеров на Камчатке — из-под очищенного от минеральных продуктов таяния льда тут и там били фонтаны пара, иногда слышались глухие взрывы, сопровождаемые либо появлением трещин, либо мощным выбросом ледовых глыб.

Постепенно, по мере того, как на поверхности тающего льда собиралось все больше и больше минеральных осадков, он темнел и процесс извержения газа сходил на нет, пока на такой участок опять не приползала черепахоподобная машина, чтобы вновь очистить лед от темной коросты.

В небе ярко сиял диск искусственного солнца.

Среди скал, на выровненных площадках глухо выли атмосферные процессоры, поглощая вредные примеси и обогащая новоявленную атмосферу кислородом.

Людей, что контролировали процесс создания атмосферы, было совсем немного. Их жилой купол возвышался поодаль от извергающего пар ледника. По мертвой каменистой равнине в разные стороны вели накатанные следы гусеничных вездеходов. На крыше купола застыла тарелка спутниковой связи, рядом с которой сильный в этом районе ветер трепал голубое полотнище с символикой Организации Объединенных Наций.

Рабочий день был в самом разгаре, и ничто пока не предвещало грядущих событий.

Процесс таяния происходил как положено, в соответствии с графиком и технологией, и потому Андрей Загулов дремал в своем кресле, изредка, правда, бросая мимолетный взгляд на длинную шеренгу контрольных

мониторов, где отображались данные о работе очистных машин и атмосферных процессоров.

— Дикость какая-то! — раздался за его спиной знакомый грудной голос. На этот раз Дженифер оказалась раздражена намного больше, чем обычно. Андрей оттолкнулся ногой от пульта, разворачивая кресло, и посмотрел на вошедшую в операторский пост смуглую женщину. Ее предки явно были выходцами из Африки.

— Что стряслось, Джеф? — спросил он, глядя, как мулатка насыпает сахар и кофе в принесенные с собой кружки.

— Да… — Она сделала безнадежный взмах ложкой, едва не просыпав при этом ее содержимое. — Через день на орбиту прибывает «Альфа», а они не хотят подменить меня хотя бы на несколько часов!

— Подумаешь, «Альфа»… Эка невидаль.

Дженифер сердито мотнула головой, наполнила кружки кипятком и подсела на подлокотник того кресла, которое занимал Андрей.

— Прилетает моя сестра, забыл?

— Ох, простите, мэм… — явно дурачась от скуки, произнес он, делая глоток приготовленного ею кофе. — Забыл… Такая же очаровательная, как и ты? — поддел он Дженифер. — Теперь у меня будет две сердитые фурии вместо одной?

Она нахмурилась, решая, стоит ли сердиться на его плоский юмор, но прийти к единому мнению так и не успела — все десять мониторов вдруг разом дали сбой, по их поверхности вместо изображения внезапно побежали косые диагональные полосы, сопровождаемые резким неприятным сигналом…

— Господи, это еще что на нашу голову?

* * *

Инцидент произошел на самом краю ледового поля. По данным приборов, это была отметка, соответствующая минус пятистам метрам от первоначальной поверхности ледового панциря Ганимеда.

Десять минут назад тут проползла машина очистки, и грязно-желтый лед в этом месте интенсивно таял, извергая в атмосферу мутную газообразную смесь.

Внезапно из-под темной коросты минеральных отложений в месте самого интенсивного таяния проступили контуры какого-то предмета.

В пользу того, что это был именно предмет, а не очередная причудливо изломанная глыба льда, прежде всего говорила его форма. Из-под ледниковой толщи медленно проступали прямоугольные очертания

правильной, не свойственной природе формы.

Предмет имел золотистую окраску. Его размеры по периметру верхней, обнажившейся части были приблизительно пять на три метра.

Некоторое время вокруг не происходило ничего необычного — по-прежнему лед извергал струи пара, рядом ревел процессор, в тридцати или сорока метрах от оттаявшего предмета ползла очистная машина.

Потом с обнажившейся прямоугольной плитой действительно произошло нечто странное — ее поверхность внезапно помутнела, — казалось, что она на мгновение подернулась рябью, — и вдруг начала резко менять цвет, наливаясь пурпурным сиянием.

По-видимому, этот внезапный феерический всплеск алого света сопровождался невидимым для глаза потоком излучения, скорее всего электромагнитной природы, потому как ползущий неподалеку автомат вдруг остановился, будто налетел на невидимую преграду, и стал бестолково крутиться на одном месте.

Очевидно, управлявший им компьютер если не вышел из строя полностью, то в нем произошел серьезный, значительный сбой…

Именно в этот момент мониторы на контрольном пункте под куполом подернулись рябью помех. Связь с машинами внезапно и необъяснимо оборвалась.

* * *

— Что за черт… — проворчал Андрей, затворяя за собой массивную дверь переходного шлюза. — Дженифер, ты меня слышишь? — спросил он по рации, опуская прозрачное забрало своего гермошлема.

— Слышу, — раздалось в ответ. — Процесс шлюзования пошел.

Андрей заметно нервничал и не пытался скрыть этого.

Атмосфера в районе станции переработки хоть и содержала в себе достаточно высокий процент кислорода, но все же не была пригодна для дыхания — слишком много ядовитых соединений улетучивалось в процессе таяния льда, и расположенные по кольцу вокруг ледника процессоры не могли усвоить всех вредных для человека веществ. Они осуществляли лишь грубую, предварительную очистку новорожденного воздуха и создавали его постоянный отток в сторону следующего кольца очистных станций.

Купол, в котором работали Андрей и Дженифер, являлся герметичным сооружением. Теперь Загулову предстояло покинуть его и идти в эту враждебную, клубящуюся мглу под порывистым, сбивающим с ног ветром лишь затем, чтобы вытащить какой-нибудь чертов камень, что сумел

проломить один из защитных кожухов ретранслятора сигналов телеметрии… Такие случаи Уже бывали, и Андрей не мог, да и не желал искать внезапному сбою в работе автоматики иного объяснения.

Просто обыкновенное невезение, вот и все. Когда на вахте Дженифер, эти камни почему-то лежат спокойно, а ему, как назло, уже в третий раз за последнюю неделю приходится покидать купол.

«На улице» действительно было неуютно. За тысячу километров отсюда, в городах колонии сейчас этот ветер едва ли ощущался — небо скорее всего было прозрачным, чуть фиолетовым, а тут, где рождалась атмосфера планетоида, царил настоящий содом.

Шквальный, порывистый ветер свивал тяжкое кружево грязно-желтых, со свинцовым отливом облаков, которые стелились под его порывами почти по самой земле. В мутной мгле тускло светили установленные на высоких опорах прожектора, в небе, если постоянно присматриваться, можно было иногда различить красноватый диск искусственного солнца, который казался таким из-за взвешенных в воздухе частиц пыли.

Нужно сказать, что ископаемый лед, в недавнем прошлом покрывавший лишенный воздуха планетоид толстым, многокилометровым слоем, залегал тут миллионы лет. К тому же он не отличался особой стерильностью, в нем присутствовало все — начиная от агрессивных ядовитых соединений аммиака и кончая мелкими частичками вулканического туфа, пыли, камней и прочей дряни.

Спрашивается: откуда в такой дали от Солнца, на безвоздушном спутнике Юпитера мог взяться лед? Это объяснялось достаточно просто. Как и большинство планет, Ганимед когда-то образовался из облака межзвездной пыли. В пору своей геологической юности Ганимед был раскаленным шаром, внутри которого происходили различные химические и ядерные реакции. Затем он начал остывать, его поверхность покрылась твердой коркой, под которой по-прежнему кипела лава. Этого тепла оказалось достаточно для поддержания части вещества в газообразном состоянии. То есть в прошлом атмосфера у Ганимеда была, но по мере остывания планеты она все больше конденсировалась, оседая вниз под действием силы тяжести.

Так образовались эти ледники, которые покрывали поверхность Ганимеда в течение миллионов лет, пока сюда не пришли люди и не зажгли на орбите этой луны искусственное солнце, которое повернуло вспять многие процессы, растапливая лед и вновь окружая спутник Юпитера рожденным вторично газообразным покрывалом облачности.

Андрей Загулов был прекрасно осведомлен о физике данных процессов, но он так же хорошо представлял и то, что все происходящее в районе интенсивного таяния льда сравнимо с частично контролируемой катастрофой, стихийным бедствием, и потому не испытывал никакого восторга от необходимости лишний раз покидать защищенный купол станции и выходить в эту красновато-серую сумеречную мглу…

Словно подтверждая его мысли, мимо пролетел подхваченный шквальным ветром увесистый камень, который глухо ударил о броню купола.

«Проклятье…» — подумал он, пристегивая к скобе подле входа в шлюзовую камеру карабин своего страховочного фала. Скафандр Андрея хоть и являлся аналогом космического, но все же предохранял только от ядовитых соединений в воздухе да от возможных радиоактивных излучений, но никак не от летящих со скоростью пули камней.

Для передвижения в районе процессорных станций обычно использовались нехитрые приспособления в виде прочнейших мономолекулярных тросов, которыми были соединены между собой все основные сооружения и так называемые «контрольные точки», где, в непосредственной близости от ледника, был установлен ретранслятор для дистанционного управления и контроля над работающими в зоне таяния машинами, а рядом с ним приборы, автоматически фиксирующие все стадии процесса перерождения льда в атмосферу.

Прицепившись к такому тросу, Андрей включил двигатель подачи, и небольшая каретка индивидуального двигателя поволокла его вперед, скользя по тросу и помогая преодолевать сопротивление шквального ветра.

— Ну что, Андрей? — раздался в коммуникаторе голос Дженифер.

— Я прицепился. Как у тебя?

— Не пойму… — Голос Дженифер выдавал ее крайнюю нервозность. — Все десять каналов телеметрии молчат. Или этот камень угробил весь ретранслятор, или дело не в связи. Может быть, вызвать Центральную?

— Погоди, не психуй, — ответил Андрей, которому вовсе не улыбалась перспектива в дополнение к этой прогулке еще и писать кучу объяснительных. — Я уже почти на полпути. Сейчас разберусь, а там будет видно — докладывать или нет.

— О’кей… Только смотри, осторожнее.

За девять месяцев до описанных событий. Земля. Вашингтон.
Кабинет президента США в Белом доме

Собравшихся было пятеро.

— Вот этот снимок, сэр.

Командующий Военно-космическими силами США взял увеличенную во много раз фотографию и мрачно посмотрел на чуть розоватый прямоугольник, расположившийся посреди голубовато-желтого ледового поля, словно это был оброненный кем-то спичечный коробок. Затем передал ее через стол своему собеседнику.

Тот тоже некоторое время молча разглядывал изображение.

— Это не может быть ошибкой? — наконец, тяжело вздохнув, уточнил он.

— Никак нет, господин президент, — вступил в разговор глава разведывательного ведомства. — Мы послали несколько косвенных запросов, которые не вызовут никаких подозрений, и получили еще два подобных свидетельства, — объяснил он, выложив на стол перед президентом еще два глянцевых отпечатка. — Объект расположен на глубине двухсот метров подо льдом и просматривается как в инфракрасном, так и в ультрафиолетовом спектрах.

— Русские знают о нем?

— По нашим данным — нет.

— Хорошо… — Казалось, президент облегченно вздохнул. — Что сделано для сохранения секретности?

— Мы, используя постоянно действующих агентов в аэрокосмической службе Ганимеда, сумели так откорректировать орбиты спутников, что теперь это место — мертвая зона для их сканеров. Все материалы по данным метеорологической аэрофотосъемки изъяты из компьютерных баз данных.

— Хорошо… — повторил президент и посмотрел на офицера, который сидел напротив, в конце длинного Т-образного стола. — Ирвинг, ты считаешь, что это ОНИ?

— Извините, сэр? — не понял или сделал вид, что не понял его вопроса, начальник секретного подразделения по изучению паранормальных явлений, созданного при президенте еще в шестидесятые годы прошлого века. — Кто?

— Ну, эти, «зеленые человечки»… Ведь так? — Президент, может быть, и хотел скрыть свою нервозную озабоченность неожиданно сложившейся ситуацией, но не смог. — Это пахнет по меньшей мере планом «Дельта»… Верно?

— Да, сэр, — на этот раз ответ офицера не содержал в себе никакой двусмысленности. — Объект находится в глубине ископаемого льда. Это не

может быть никаким случайно забытым или умышленно подложенным туда прибором или предметом земного происхождения. Ему как минимум несколько миллиардов лет.

Президент США задумался, глядя на снимок.

— Что вы предлагаете, господа? — наконец спросил он, подняв взгляд на собравшихся. — Чем это грозит нам?

— Сэр, вы сами упомянули план «Дельта», — осторожно напомнил ему командующий ВКС.

— Джон, я бы не колебался, если бы данный объект обнаружили в Гвинее или в Антарктике. Но он на Ганимеде, до которого миллионы километров!

Он опять посмотрел на снимок.

Безобидно розовое пятнышко прямоугольной формы… Упомянутый командующим план «Дельта» был разработан именно на этот случай и предполагал тайный захват любого объекта внеземного происхождения силами спецслужб США и его помещения на территории Соединенных Штатов для дальнейшего исследования.

Никакой огласки, никакого дележа информации, никаких посторонних вмешательств.

Весьма разумный план. За одним… нет, за двумя «но».

— Когда стартует «Альфа»? — спросил президент, все еще глядя на снимок.

— Сегодня вечером, в двадцать два ноль-ноль.

— Скверно… Значит, мы не можем послать туда своих людей?

— Нет, сэр. Корабль уже отбуксирован в точку старта. — Командующий ВКС чуть подался вперед, к президенту. — Но у нас есть «Гарри Трумэн», сэр.

— Вы думайте, о чем говорите, Джон Бикс! — не выдержав, осадил его президент. — Если наш крейсер появится на орбите Ганимеда, это будет мировой скандал! Не забывайте, что колония объявлена зоной безопасности!

— Я помню об этом, сэр, но позвольте спросить, что будет, если там действительно «зеленые человечки»? — Командующий недоброжелательно посмотрел на главу государства. — Исходя из вашей позиции, мы должны предупредить Ганимед, приостановить старт «Альфы»…

— Нет, Джон, это исключено. На носу выборы. Мне не нужен скандал, если информация вдруг не подтвердится, не нужны паника и обвинения в нагнетании обстановки…

На несколько секунд в кабинете повисла напряженная тишина.

— Вы провели анализ ледниковой массы? — нарушил молчание президент, задав очередной вопрос. — При такой интенсивности таяния, как сейчас, сколько нужно времени, чтобы объект вышел наружу?

— Около десяти месяцев, сэр, — не колеблясь ответил начальник разведывательного управления. Прежде чем идти на доклад к президенту, и он, и Бикс подготовили все возможные материалы по делу.

— А если заморозить работы?

— Тогда об объекте узнает весь мир, — резонно напомнил ему офицер.

Ситуация складывалась не из легких.

— Сэр, если объект на Ганимеде — всего лишь артефакт, то мы обязаны завладеть им, сохранив ситуацию в секрете, — опять вступил в диалог Рилл Ирвинг. — Информация о нем вызовет ненужную панику в колонии и непредсказуемый резонанс на Земле. Мы еще не готовы к встрече с НИМИ, — он выделил интонацией последнее слово. — Я высказываю не свое личное мнение, а излагаю данные исследований моего ведомства.

— Вы считаете, что это артефакт?

— Скорее всего, — не колеблясь ответил Ирвинг. — Трудно судить со стопроцентной уверенностью, но как еще отнестись к предмету, что пролежал подо льдом на глубине пятисот метров несколько миллионов лет? В конце концов, мы отправим «Гарри Трумэна» не к Юпитеру, а в иную, но достаточно близкую точку Солнечной системы. Тайное изъятие объекта — это чисто технический вопрос, с которым вполне в состоянии справиться наши спецслужбы. Искать же крейсер после того, как он покинет орбиту Земли и окажется за поясом астероидов, — занятие столь же бесполезное, как и поиск иголки в стогу сена. Никто не сможет с точностью утверждать, где был наш корабль и какие маневры совершал. Ну а если все же придется вывести его на орбиту колонии, то это всегда можно объяснить хотя бы поломкой на борту.

— Да, я это понимаю, — наконец согласился президент, поднимая взгляд. В сущности, у него не было выбора. План «Дельта» представлял собой набор инструкций, по которому должно действовать высшее руководство страны в случае внезапного контакта с внеземной цивилизацией. Он был утвержден секретным заседанием конгресса и много лет лежал под сукном, не утратив при этом своей силы как руководящего документа.

Все это прекрасно осознавали пятеро собравшихся, но конечное слово все же оставалось за ним, президентом Соединенных Штатов Америки…

Трудно сделать лишь первый шаг, принять первое ответственное решение, подумал он, глядя на собравшихся и ощущая странную сосущую пустоту в груди… — а потом все пойдет как… как лавина, которую уже невозможно остановить…

— Если вы санкционируете введение плана «Дельта», то мы в состоянии действовать быстро, с тем чтобы «Гарри Трумэн» успел появиться на Ганимеде раньше «Альфы» и раньше того момента, как этот объект окажется на поверхности ледника, — заметив его сомнения, заверил Джон Бикс.

— Джон, у меня последний вопрос. — Президент, не выдержав, встал и прошелся по мягкому ворсу ковра. — Насколько я знаю, «Гарри Трумэн» создан для орбитального базирования и на нем нет достаточного количества камер низкотемпературного сна, чтобы в них можно было погрузить часть экипажа на время долгого перелета.

— Да, сэр, это так.

— Но девять месяцев автономного полета в глубоком космосе… Выдержат ли наши парни такое испытание?

— Вы сомневаетесь, сэр? Обратитесь к опыту русских…

— Я не говорю о возможностях подготовленных космонавтов, — одернул его президент, — речь идет об экипаже «Гарри Трумэна». Там больше сорока человек, и каждый из них…

— Является прежде всего солдатом, который выполнит долг перед страной и правительством! — закончил его мысль генерал. — Во времена «холодной войны» экипажи атомных подводных лодок месяцами находились в условиях автономного плавания. Нами накоплен богатый опыт таких действий. Когда что-то угрожает национальной безопасности страны…

— Остановись, Джон, — президент оборвал его речь мягким жестом. — Я одобрю план «Дельта», потому что ситуация не оставляет мне выбора. Я бы очень хотел, чтобы ты лично возглавил экипаж «Гарри Трумэна» и сам доказал, что такой бессменный перелет возможен… но, к сожалению, твое исчезновение из Белого дома не окажется незамеченным. Я понимаю, угроза безопасности как Америки, так и всей Земли есть и мы обязаны что-то предпринять, не поднимая при этом паники на Земле и Ганимеде и не придавая делу широкой огласки. — Он посмотрел на своих собеседников и тихо добавил: — Да поможет нам бог…

Колония Ганимеда. 24 августа 2029 года

— Что-то я не пойму, Андрей, у тебя опущен цветной фильтр? Или

там впереди пожар?!

— Я похож на психа, чтобы ходить с опущенным фильтром, когда и так не видно ни зги? — огрызнулся Загулов. Он стоял у подножия ретранслятора, одной рукой вцепившись в скобу, а другой пытаясь закрыть защитный кожух. — Внутри все в порядке, аппаратура телеметрии в норме, это от машин нет никаких сигналов… — сообщил он, глядя в сторону странного малинового свечения, что исходило от края ледника.

Нет, не странного — жуткого.

Его внезапно прошиб ледяной пот. Взгляд Загулова метнулся к табло дозиметра, но цифры на крохотном дисплее показывали норму. «Значит, это не радиация… — облегченно подумал он. — Но тогда что?»

Именно этот вопрос, заданный самому себе посреди разбушевавшейся бури, заставил пальцы его левой руки еще сильнее вцепиться в скобу, приваренную к выпуклому борту ретрансляционной установки. За время работы на Ганимеде Андрей привык к мысли, что это мертвый, совершенно предсказуемый мир, и ему совсем не нравилось, что и из этого правила внезапно появилось исключение.

— Дженифер, ты меня слышишь?

— Да, я здесь.

— Что это может быть, как ты думаешь? — хриплым, изменившимся до неузнаваемости голосом спросил Андрей. — Разве может что-то гореть в такой атмосфере, как тут?

Это был вполне резонный вопрос. Процесс окисления требует кислорода, а его-то тут, в месте испарения льда, как раз и не было. Радиация тоже, слава богу, отпадала. Тогда что?

Андрей внезапно осознал, что его пугает именно неизвестность. Случись это на Земле, он, возможно, не испытал бы никакого иррационального страха перед алым заревом, отсветы которого четко просматривались сквозь клубящуюся мглу ядовитых облаков.

Но это был Ганимед, и миллиарды километров расплескавшейся вокруг пустоты стояли за спиной, давили своей бесконечностью, и это происходило не в сознании, — ощущения являлись подспудными, неосознанными, но разве пот на спине становился от этого менее ледяным?

— Там не может ничего гореть, — пришел ответ его напарницы. — Быть может, это статическое электричество?

— Полярное сияние? — Разум Андрея моментально ухватился за подобное, вполне разумное объяснение напугавшим его отсветам. — Да, это возможно! — согласился он, чувствуя, как гулко стучит его сердце, а в ушах шумит от переизбытка адреналина. — Я пойду посмотрю… — спустя

несколько секунд добавил он.

— Может, не стоит? Давай я вызову ребят с Центральной!

— Погоди, Джеф… Тут надо разобраться. Ты же знаешь, тут нет ничего, кроме льда и камня. — Андрей, сам не замечая того, убеждал скорее себя, чем сидящую в куполе Дженифер.

Тем не менее его рука машинально накинула карабин второго фала на скобу, за которую он только что держался.

Ветер, как и положено возле эпицентра, тут был немного слабее, чем в районе купола, так что он смог идти вперед без помощи укрепленного на тросе двигателя.

Через несколько десятков шагов показался первый грязно-желтый язык льда. Андрей, согнувшись, сопротивляясь порывам ветра, преодолел это расстояние и остановился, глядя на очистной автомат, который без всяких признаков жизни застыл, повернувшись в сторону купола. На его внешней индикационной панели не горел ни один сигнал, что означало полное отсутствие питания в цепях.

— Джеф… вижу «черепаху»… — прерывисто сообщил Андрей, к которому вдруг разом вернулись все его страхи. — Не работает… За ней какое-то свечение, похоже на прямоугольник… Там… Там… О БОЖЕ!!!

Из туманной мглы навстречу оцепеневшему Загулову двигалось какое-то СУЩЕСТВО…

Андрей в ужасе попятился, споткнулся, неловко упал на одно колено, и налетевший порыв шквального ветра вдруг легко приподнял лишившееся опоры тело в скафандре и поволок его по мертвой каменистой почве в сторону возвышавшегося неподалеку ретранслятора.

— Андрей, что случилось, ответь мне!!! — Дженифер кричала в микрофон, но ответом ей была лишь шуршащая помехами тишина.

До прилета «Альфы» оставалось менее суток.

«Гарри Трумэн», совершив беспрецедентный тайный рывок от Земли до Юпитера, в этот момент уже выходил на высокую орбиту вокруг Ганимеда. Он опоздал всего на несколько часов.

Глава 6

Поселок Гагачий. Июнь 2028 года

Когда она очнулась, было темно. Нет, не совсем… Спустя неопределенный отрезок времени Лада поняла, что видит сумеречный, приглушенный свет, скорее похожий на отдаленное сияние или зарево…

Рассвет или закат?..

Эта мысль почему-то показалась ей достаточно значимой, чтобы уцепиться за нее.

Закат… Закаты в творчестве великих русских художников… Русский музей…

Из темноты медленно выплывали величественные полотна.

Айвазовский… Откуда я это знаю?!.

Вопрос, заданный самой себе, вызвал страх.

Щелчок, тихое жужжание ДВД-привода, сглотнувшего очередной компьютерный диск с голографической записью информации, тихие шаги по стерильному кафельному полу, глухие, отдаленные голоса… — все эти звуки не принадлежали к ее жизни, и Лада испугалась еще больше, внезапно вспомнив совсем другой звук — надсадный визг тормозов и глухой, болезненный удар…

Голос, что выплывал из бездны, казался ей знакомым, а собственное сознание виделось как плошка с едва тлеющими угольками, медленно плывущая вслед ленивому течению абсолютно черных вод неведомого подземного озера.

Голос… Он принадлежал ее памяти, ее прошлому!..

— Скажи, Николай Андреевич, ты кто, карьерист или патриот? — спросил Колвин, облокотясь о выступ какого-то прибора, от которого к обнаженному телу, под тонкую простыню змеились провода.

— А как ты сам думаешь, Антон Петрович?

— Я помню тебя патриотом, но сейчас сложно поручиться даже за самого себя…

Она так и не дождалась ответа. Плошка с ее угасающим сознанием уплывала по черной глади озера, и голоса все отдалялись, становились глуше и глуше, превращаясь в бессвязное, монотонное бормотание.

Она не понимала, где находится, что с ней произошло, и от этого рождалось чувство беззащитности, страха и нежелания возвращаться к

жизни…

* * *

Разговор, часть которого услышала Лада, имел свое продолжение — только в другом месте и немного в ином составе действующих лиц…

— Черт вас всех побери! КТО отпустил его в город?! Покажите мне пальцем на этого идиота, и я поставлю его к стенке прямо здесь!

На Барташова было страшно смотреть. Его полное, одутловатое лицо побагровело от гнева — казалось, еще немного, и генерала хватит удар.

Вперед из группы мнущихся, притихших офицеров базы внезапно выступил Колышев. На этот раз он был в форме, и на плечах Вадима красовались общеармейские погоны с майорскими звездами.

— Колвина никто не отпускал, Николай Андреевич. Он ушел сам. Вам не следовало давать ему полномочий руководителя уровня…

— Что?! — Барташов не верил своим ушам. Он собрал сюда этих разгильдяев, чтобы они дали ему ответ за собственную халатность, и вдруг один из них начинает обвинять его! — Да ты в своем уме, майор?!

— Так точно. — Колышев напрягся, но отвечал спокойно. — Колвина никто не отпускал, — повторил Вадим. — Он просто воспользовался врученным вами пропуском по его прямому назначению — он открыл им двери.

— Ладно… — Барташов сел и прихлопнул жилистыми руками с растопыренными пальцами темную столешницу своего рабочего стола. — Ладно! — грозясь неизвестно кому, повторил он. — Все свободны. Майор Колышев, останьтесь.

Офицеров, которых только что чудом пронесло мимо больших неприятностей, уговаривать было не нужно. В эту минуту покинуть кабинет Барташова, сохранив при этом погоны на плечах, было тайной надеждой каждого из них, поэтому помещение опустело как по волшебству.

— Садись, Вадим, — мрачно произнес Барташов, когда дверь кабинета наконец закрылась. — Садись и докладывай. Все, подробно, без всяких фортелей.

— Так точно… — Колышев сел в указанное кресло. Вид у него был не менее сумрачный, чем у генерала.

— Где вы его нашли? — спросил Барташов, нервно закурив.

— В семнадцатой районной больнице. По словам врачей «Скорой помощи», их вызвал дворник, убиравший в парке листву, неподалеку от дома Колвина.

— Что он мог там делать?

— Понятия не имею. Дворник увидел лежащего на аллее человека и поначалу подумал, что пьяный. Потом, разобравшись что к чему, вызвал «Скорую».

— Сердечный приступ?

— Нет, инфаркт, осложненный инсультом в коре головного мозга. Когда прибыла бригада реанимации, Колвин уже пребывал в состоянии клинической смерти.

— Его откачали?

— Да, им удалось по дороге в больницу завести его сердце при помощи высоковольтного разряда. Но в данный момент положение не из легких. Кровоизлияние в мозг повлекло за собой паралич. Сейчас он не может ни говорить, ни двигаться. Находится в отделении реанимации на искусственном кровообращении и насильственной вентиляции легких.

— А врачи? Что говорят врачи?

— Ничего. Да в таком положении давать какие-то прогнозы может только психопат, — мрачно резюмировал Колышев. — Колвина выволокли с того света. Что тут можно прогнозировать?

— Да, я понимаю… — Барташов встал и прошел по кабинету из угла в угол. — Эх, Антон, Антон… Не за те идеалы ты уцепился… — сокрушенно произнес он. — Я же говорил ему: забудь. На черта ему нужны были все эти старые обиды!

— Я думаю, что дело не в том… — осторожно произнес Колышев.

— А в чем?!

— Возможно, он узнал о нашей операции. Я имею в виду инцидент в парке.

— Думаешь? — Барташов остановился, машинально сгреб пальцами свой мясистый подбородок и покачал головой. — Может быть… Но я же просил его — давай работать, так нет, уперся: это бесчеловечно, бесчеловечно… А посылать наших ребят на смерть к этим долбаным моджахедам — это человечно?! Я же не в свой карман гребу — мне нужна машина для войны, чтобы не пацаны там гибли в горах. А он… — Генерал отпустил подбородок и безнадежно махнул рукой.

— А он не доверял ни вам, ни мне, никому… — дополнил его мысль Колышев. — Оперировал исключительно сам, окружил операционный стол ширмами и переносными рефлекторами, чтобы ослепить объективы возможной видеоаппаратуры, ни с кем не разговаривал, в том числе и со мной. Извините, Николай Андреевич, но обиженные так себя не ведут. Подобным образом действуют люди, которые подозревают всех и вся в злом умысле.

— Да знаю я все! — Барташов сел, опять безнадежно махнув рукой. — Не волнуйся. То, что он делал с этой девочкой, отснято, и не в одном ракурсе. Пришлось вмонтировать видеокамеры в те хирургические лампы, что висели прямо над его головой. В конце концов, он сам своим упрямством спровоцировал и операцию в парке, и все остальное… — Барташов поднял взгляд и вдруг спросил: — Ты лучше скажи, что делать дальше, Вадим? Я ведь позавчера был на докладе у министра обороны…

— И что?! — нервно вздрогнул Колышев.

— Ничего. Доложил. Я ведь не знал, что Антон выкинет такой фокус!

Барташов помолчал, а потом добавил:

— Через два месяца должна быть первая демонстрация, а потом боевые испытания. Вот так-то, брат… Обманул нас Антон Петрович, обвел вокруг пальца. Вылечил свою Ладушку и ушел в глухую… Что теперь с него возьмешь, с парализованного?

— Да, ситуация дерьмовая… — согласился Колышев.

— Ты не попугайничай. Дерьмовая или нет — нам с тобой жить дальше, потому как повязаны одной веревочкой. Хочется — не хочется, можем — не можем, забудь про такие слова, понял? Над ней нужно работать. Через два месяца отсюда должен выйти киборг или, по крайней мере, нечто очень на него похожее. Если провалим испытания, сам знаешь, что с нами будет.

— Я-то понял, Николай Андреевич. В принципе проблем с тем, чтобы втереть кому-то очки, тем более из верхушки… — он демонстративно закатил глаза. — С этим «ноу проблем»… как говорят наши западные коллеги. Антон Петрович действительно совершил чудо — он превратил калеку, бродяжку с переломанными костями в стройную, привлекательную женщину, у которой восемьдесят процентов плоти — заново выращенная, регенерированная ткань, куда внесены ощутимые генетические улучшения…

— А что внутри? Не забыл?

— Внутри полный сервоприводной остов, — согласился Вадим, — но при этом она — человек. Мы же не считаем киборгами людей, которые носят в себе искусственное сердце или кому заменили больные суставы… Нет, Николай Андреевич… У нее много протезов, но все внутренние органы и мышцы на месте и функционируют так, что позавидуешь. Хотя, если правильно расставить акценты, то рентгеновский снимок может ввести в заблуждение любого разведчика, но я вам докладываю: она — человек. Сильная, здоровая женщина с собственной памятью, внутренним миром, чувствами… Это чудо, но чудо, совсем не похожее на желаемого

биомеханического бойца, скорее она — его противоположность. Она — человек, излеченный от тяжелейших травм при помощи абсолютно новой технологии биопротезирования. При желании я могу повторить опыт Колвина. Его ноу-хау для меня больше не секрет. Я тоже не сидел сложа руки все это время — но результат будет тот же.

— Постой! — перебил его длинную речь Барташов. — А как же твои машины? Те, что бегают у тебя за стеклом в лаборатории? Если соединение плоти с искусственными костями для тебя больше не проблема и ты раскусил технологию Колвина… тогда в чем эта проблема?!

Колышев на секунду задумался. Очевидно, он мысленно подбирал понятные для Барташова слова.

— Проблема в том, что живую ткань нужно питать, чтобы она, в свою очередь, «кормила» биопротезы костей, то есть эндоостов машины тепловой энергией.

— Ну? — теряя терпение, начал напирать генерал. — Это я понимаю и без тебя. Я спрашиваю, в чем проблема?

— Проблема во внутренних органах, во всем организме, в конце концов, — не выдержав, повысил голос Вадим. — Это же не дизель у танка — налей соляры и вперед! Нужно полноценно кормить миллионы различных клеток, необходимо пищеварение, кровообращение, дыхание…

— Но ты же сам сказал — у Лады все это есть и работает как положено!

— Да, но у нее на плечах голова, — напомнил Колышев. — Голова, а не компьютер. Человеческий мозг, который управляет органами. А что я поставлю на свои сервомашины? Я дам им тело, внутреннее строение, а что будет этим руководить? Нужен мозг, которого нет. На данный момент нет. Нет такого компьютера, который оказался бы способен подменить миллион повседневных, неощутимых и незаметных для нас функций центральной нервной системы. Над этим работают. Но решение может прийти завтра, или через месяц, или вообще никогда…

— Вот ты, гад, меня утешил… — едва слышно произнес Барташов, тихо припечатав кулаком по столу.

— Я не гад… — ощерился Колышев, который все же услышал замечание генерала.

— Ну извини, это так, вырвалось. Связка между слов, чтоб не сморозить покрепче.

— Я ученый, не меньше, чем им был Колвин, — внезапно заявил Вадим, встав с кресла и выпрямившись по стойке «смирно». — У меня несколько иные принципы и свои собственные амбиции, но я ученый. А

погоны на плечах — это лишь дополнение к профессии.

Барташов зло посмотрел на него снизу вверх и вдруг криво улыбнулся.

— Смотри, философ, погоны-то — черт с ними, как бы башка с этих плеч не улетела. Помнишь, что я тебе говорил в самом начале? Или уже забыл? Напомнить?

Вадим молчал.

— Я напомню. — Барташов сцепил пальцы рук так, что они побелели. — Я расконсервировал «Гаг-24» на свой страх и риск, используя служебное положение, так сказать. Расконсервировал потому, что сил моих больше не было смотреть, как наших пацанов кромсает в разных «горячих точках». Потому что «Гарри Трумэн» над моей башкой — это не гарант мира, а прелюдия к новой войне! Потому что сфера национальных интересов США уже скоро распространится на мой собственный сортир, если не дать им понять, что мы тут тоже кое-что умеем делать и у нас есть СВОЯ сфера национальных интересов и безопасности. Ты понял мои мотивы, майор?

Колышев кивнул. Не стоило доводить генерала до повторных откровений. Все это он знал и слышал раньше.

— А теперь знай: меня взяли в оборот. Пока что терпят, — я успел вовремя заткнуть пару глоток, — но только пока. Если через два месяца мы не продемонстрируем им нечто действительно сногсшибательное, «Гагу-24» каюк, и мы с тобой еще позавидуем Антону Петровичу. Ты понял?

Колышев кивнул. Генерал воспринял его бледность, пятнами выползшую на лицо Вадима, как признак понимания. Он представить себе не мог, что, говоря о собственных интересах и амбициях, Вадим сказал больше правды, чем сам того желал. У него действительно присутствовали свои мотивы работы в «Гаге» и… свой заказчик, которого Колышев боялся во сто крат больше, чем всего Министерства обороны вместе взятого.

Он понимал лучше, чем Барташов, — провал означал смерть. Не политическую, не научную, а реальную… физическую.

Отсюда проистекала его решимость идти до конца во что бы то ни стало.

* * *

Когда Лада снова пришла в себя, сумрак отступил, вокруг было светло — даже слишком. От яркого, бьющего в глаза света ламп ей пришлось зажмуриться.

Рядом послышались шаги, что-то щелкнуло, и ослепительные солнца вокруг погасли.

Она вновь открыла глаза.

Рядом с ней стоял человек в серой просторной одежде. Его маленькие глаза смотрели на нее внимательно и изучающе.

— Ну? — Он присел на табурет рядом с ее постелью. — Давай знакомиться?

— Кто вы?.. — с трудом разжав онемевшие, чужие губы, едва слышно спросила Лада.

— Меня зовут Вадим. Вадим Игоревич Колышев. Я буду заниматься твоей реабилитацией.

Лада расслабила напрягшиеся мышцы шеи, позволив голове утонуть в мягкой подушке. Ее сердце вдруг лизнул жадный холодный язычок страха.

Она ощущала произошедшие в ней самой перемены.

Реабилитация… Лада никогда раньше не слышала данного термина, но вдруг отчетливо осознала, что секунду назад солгала себе — она понимала его смысл, который оказался уложен в ее сознании четкой энциклопедической формулировкой. Как и много других понятий и слов. Как и те картины из Русского музея с их описаниями, которых она никогда не видела и не могла видеть. Раньше она даже не представляла, что существует какой-то Русский музей… Сфера ее интересов и знаний ограничивалась узкой специализацией выживания в городских трущобах, и только встреча с Антоном Петровичем чуть-чуть приоткрыла перед ней ту тяжкую занавесь безысходной нищеты, что наглухо отгораживала от нее весь остальной мир…

— Тебя что-то беспокоит? — напомнил о своем присутствии Вадим.

Она мучительно скосила глаза в сторону голоса.

— Тебе трудно говорить? Понимаю. — Вадим постарался вложить в свой голос столько доброжелательности, сколько смог. — Ты просто лежи, а я тебе кое-что расскажу. Думаю, что смогу ответить на многие вопросы, которые сейчас ты задаешь сама себе. Ты помнишь, что случилось с тобой в парке?

Помнила ли она?!.

У Лады действительно не было сил, чтобы говорить, но навернувшаяся на глаза и вдруг скатившаяся по щеке влажной змейкой слеза ответила на вопрос красноречивее всяких слов. Она помнила.

— Извини… Я, быть может, не очень хороший психолог. Но ведь нужно с чего-то начать, верно?

Колышеву показалось, что она остается безучастна к его словам,

погруженная в свои внутренние ощущения, но тем не менее он продолжил:

— Тебя сбила машина. Пьяный водитель не справился с управлением грузовика. Ты получила очень серьезные, смертельные травмы, и ни один врач, по сути, не мог тебе помочь.

Эти слова Колышева вызвали напряжение мышц ее лица и движение глаз в его сторону. Она явно хотела что-то спросить, но либо не решалась, либо собирала силы для вопроса.

— Кто… вы?.. — наконец едва слышно выдохнула она. — Где… Антон… Петрович?..

— Успокойся, успокойся. — Встревоженный взгляд Вадима метнулся к вздыбившимся синусоидам графиков на мониторах контрольной аппаратуры. — Мы друзья Антона Петровича. Он понимал, что в больнице тебе не помогут, и потому повез тебя к нам. Раньше он сам работал тут. Понимаешь, нам пришлось очень многое в тебе изменить для того, чтобы вырвать тебя у смерти. Антон Петрович помогал нам, он сам настаивал на том, чтобы мы спасли тебя.

— Где… он?..

— Он заболел, Лада. Сейчас он… лечится, понимаешь? Ты должна поправиться, и тогда, если все будет хорошо и ты будешь выполнять все мои предписания, вы скоро снова увидитесь. Ты поняла?

Она медленно закрыла глаза. Что это было — знак согласия с его словами или обыкновенное бессилие?

Синусоиды графиков плавно пошли вниз.

Для нее был важен Кол вин. Важен настолько, что эта привязанность становилась опасной. Вадим не мог не отметить столь ярко выраженной реакции.

— Хорошо. — Он встал и прошел за ширму, что отгораживала ее постель от остальной части помещения. — Сейчас я сделаю тебе укол, и ты уснешь. Тебе нужно отдохнуть, верно? — Колышев вновь вернулся в поле ее зрения с автоматическим пистолетом-иньектором в руках. Прижав его головку к ее обнаженному предплечью, он нажал на курок, и Лада почувствовала, как что-то едва ощутимо вонзилось в ее кожу. — Вот так. А теперь спи. Когда проснешься, мы с тобой поговорим…

Последние слова Вадима Игоревича дошли до ее мгновенно затуманившегося сознания сквозь странную блаженную дымку, сравнимую с наркотическим опьянением.

Внутри росло чувство какой-то противоестественной эйфории.

«Антон Петрович тут… Он скоро поправится… — шептал далекий и не совсем реальный голос. — Ты среди его друзей… Ты должна доверять

им и делать все, что тебя попросят…»

А что ей, собственно, оставалось еще?

* * *

В третий раз Лада пришла в себя совершенно самостоятельно и без чьего-либо надзора.

Открыв глаза, она долго лежала, прислушиваясь к гулкой тишине помещения, в которой монотонно попискивал какой-то прибор.

На этот раз ощущение жизни оказалось более острым, осознанным и принесло не только тревогу, но и радость.

Обыкновенную человеческую радость оттого, что она может лежать и вдыхать полной грудью чуть сладковатый, наполненный разными лекарственными флюидами воздух.

Все сказанное и услышанное ею накануне располагалось в сознании разрозненными осколками ощущений и мыслей, словно кто-то взял зеркало, запечатлевшее в себе реальность, и разбил его об пол вдребезги…

Однако присутствовало в ней одно ощущение, которое прочно закрепилось в мозгу, несмотря ни на что.

Та самая непонятная, откровенно баюкающая разум эйфория. Лада не понимала, откуда в ней такая радостная, подспудная уверенность в том, что ее окружают друзья, что страдания окончены и все в мире будет складываться прекрасно, стоит лишь беспрекословно подчиниться человеку, который назвал себя Вадимом Игоревичем Колышевым.

Лада лежала в сером, пахнущем медициной сумраке, прислушиваясь сама к себе, к своим ощущениям.

Нигде ничего не болело. Голова оставалась ясной. Пугающие видения картин или неосознанная информация о мире исчезли. Она слышала, как ровно, размеренно бьется ее сердце, простыня слегка холодит обнаженное тело, — она ощущала себя ЗДОРОВОЙ…

Рука Лады медленно потянулась к краю укрывавшей ее простыни и отдернула в сторону белый накрахмаленный материал.

Она села на кровати, спустила ноги, потом встала, опираясь о спинку, и попробовала сделать первый шаг.

Получилось.

Спинка кровати казалась надежной опорой, но, чтобы идти дальше, ее пришлось отпустить.

Лада попыталась шагнуть без опоры, по привычке чуть резче перенеся ту ногу, на которую хромала с самого рождения…

Она едва не упала, вскрикнув и насмерть перепугавшись, когда босая

нога с силой ударила в пол, в то время как по ощущениям ее мозга до твердой поверхности должно было оставаться еще несколько сантиметров. Потеряв равновесие, она пошатнулась, попыталась схватиться за складную ширму и в конце концов упала, с грохотом подмяв под себя хлипкое сооружение.

Такое же ошеломляющее чувство испытывает человек, который идет по лестнице в кромешной темноте. В какой-то момент он сталкивается с тем же самым парадоксом — если лестница оканчивается раньше, чем ожидает он сам, то нога, готовая встретить очередную ступеньку, вдруг проваливается в пустоту, или наоборот — думая, что лестничный пролет уже кончился, человек, опуская ногу, неожиданно с силой впечатывает ее в ступень…

Лада не теоретизировала по этому поводу. Она просто испугалась — что-то было не так с ее телом. Это чувство уже коснулось ее, когда она пыталась говорить с Колышевым, — губы тогда показались ей чужими, и привычные звуки не хотели срываться с них так же легко и непринужденно, как раньше.

Лежа на полу, она огляделась.

Комната оказалась небольшой — приблизительно три на четыре метра. Большую часть площади занимали ее кровать и расположенная около нее различная медицинская аппаратура. Ширма, которая теперь валялась на полу, отгораживала ее от компьютерного терминала, возле которого на стене без окна, резко

диссонируя со всей остальной обстановкой комнаты, расположились раковина умывальника и большое зеркало над ней.

Его вид словно заворожил Ладу.

Собравшись с силами, она встала, выпрямившись в полный рост, и посмотрела на свои ноги.

Ее врожденный дефект исчез. Обе ноги выглядели совершенно одинаково.

Это был своего рода шок.

Рука Лады с дрожащими пальцами медленно потянулась к лицу. Подсознательно она поняла, почему ей оказалось так трудно выговаривать слова. Дрожащие пальцы коснулись ровной линии губ без какого-либо намека на уродство.

Не в силах больше пребывать в состоянии тревожной, раздирающей душу неизвестности, она повернулась и нетвердой, балансирующей походкой подошла к зеркалу.

Взглянув в него, она попятилась и вдруг закричала, одновременно

пытаясь зажать похолодевшими ладонями рот.

Это было не ее лицо… Из зеркала на нее смотрела стройная, красивая и насмерть перепуганная женщина, лишь отдаленно напоминавшая ту девушку-бродяжку, что несколько месяцев назад случайно встретил Антон Петрович Колвин.

Она стояла, заледенев, посреди комнаты, а в коридоре, за дверью уже звучали чьи-то торопливые шаги.

* * *

— Ну и как наши успехи? — Колышев, как обычно, появился внезапно, возникнув из-за спины, словно имел способность материализовываться из воздуха. — Привыкаешь?

Лада обернулась на звук его голоса.

Колышев вызывал в ней двоякие чувства. С одной стороны, она ощущала в присутствии этого человека некоторую неприязненную робость, а с другой — что-то внутри постоянно внушало, что он ее единственный настоящий друг, после Колвина, конечно. Борьба двух этих противоположностей в присутствии Вадима не прекращалась ни на минуту, и каждый раз Лада не могла скрыть своего смятения.

— Все нормально, Вадим Игоревич, — произнесла она, снимая с головы шлем сенсорно-виртуальной связи.

— Голова не болит? Сон не нарушен?

— Нет. Все хорошо.

Колышев задавал эти вопросы не из фальшивого участия или из вежливости. Он действительно имел сильные опасения насчет ее рассудка. По уровню своего развития Лада стояла очень далеко от той машины, до демонстрации которой осталось полтора месяца. Собственно, Вадим предвидел это и начал накачивать ее мозг различной информацией еще задолго до того, как она впервые пришла в сознание. Те щелчки сглатывающего диск ДВД-привода, что слышала Лада в редкие минуты просветления, относились именно к данному процессу — ее обучали при помощи самых современных компьютерных технологий, с применением психотропных катализаторов.

Теперь для нее больше не являлся пугающей загадкой вопрос о том, откуда она знает множество новых понятий и слов, почему вдруг начала ориентироваться в живописи и музыке, отчего компьютерный терминал не кажется ей тайной за семью печатями…

Единственное, чего не знала Лада, — так это того факта, что подобные методы обучения признаны во всем мире преступными и

запрещены в большинстве цивилизованных стран. Девять из десяти человек заканчивали подобный курс в больницах для душевнобольных с тяжелыми, порой необратимыми расстройствами рассудка.

Естественно, что Вадим не обсуждал с ней данную проблему.

Он просто поражался тому, как разительно меняется Лада буквально с каждым прожитым днем, с какой легкостью и жадностью она принимает текущие в нее знания и как быстро осваивается с ними. Но что самое парадоксальное — она по-прежнему оставалась сама собой. Дикий информационный прессинг, похоже, не только не оказывал на нее дурного влияния, он нравился ей. И при всей непомерной нагрузке на мозг она не только не впадала в крайности, но демонстрировала все ту же мечтательную улыбку на красиво очерченных губах, так же вздрагивала, а потом вдруг смущалась при его внезапных появлениях за спиной. В общем, процесс ее насильственного обучения протекал слишком благополучно, чтобы не вызывать у Вадима неосознанной тревоги.

Вечером того же дня Барташов в очередной раз посетил нижний уровень «Гага».

— Вадим, как успехи? — спросил он, войдя в кабинет, где Лада сидела за компьютерным терминалом. За ее спиной, помимо Колышева, стоял еще один сотрудник комплекса.

Вадим предостерегающе поднял руку, продолжая пытливо вглядываться в сложный график на установленном поодаль от кресла мониторе.

— Давай, Дима, код пошел! — негромко приказал он. Незнакомый Барташову сотрудник поднял руки, повернув их ладонями к затылку Лады, которая, погрузившись в иную, компьютерную реальность, не видела и не ощущала ничего, что творится у нее за спиной.

Ладони Димы напряглись, не касаясь ее коротко стриженного затылка, — казалось, он массирует затылок Лады тяжелыми, текучими движениями ладоней, при этом вены на его оголившихся запястьях вздулись, напряглись, обозначив узловатый узор…

«Долго еще?» — красноречиво спросил взгляд Барташова.

Вадим неопределенно пожал плечами.

«Выйдем», — кивнул в сторону двери генерал.

Колышев нехотя подчинился.

— Что это он делает? — спросил Николай Андреевич, как только дверь в кабинет затворилась.

— Гипноз, — односложно ответил Колышев.

Глаза генерала сузились.

— Вадим, не темни, — предупредил он. — Почему не доложил мне?

— Я не могу каждую секунду бегать отчитываться! — внезапно вспылил Колышев. — Я и так делаю невозможное!

— Вот я и интересуюсь — что ты делаешь?

Вадим с сомнением взглянул на дверь, а потом махнул рукой.

— Ладно, он справится без меня. Что вас интересует?

— Все, — ответил генерал.

— Хорошо. Быть может, зайдем в мой кабинет?

— Давай.

Они прошли чуть дальше по коридору. Вадим отпер магнитным ключом дверь, вошел и включил свет.

— Садитесь, Николай Андреевич.

Барташов опустился в кресло, поискал глазами пепельницу и достал сигареты.

— Ты волком на меня не смотри, — вдруг произнес он, прикуривая. — Ты сидишь тут у бога за пазухой, а меня каждый день волтузят в Министерстве обороны. — Он выпустил струйку сизого дыма и внезапно закашлялся. — Я «гружу» им, конечно, но для того чтобы убедительно врать, мне нужно представлять, о чем идет речь.

— Я пытаюсь вытеснить ее прошлое, — ответил Вадим, тоже потянувшись за сигаретами. — Ведь нам нужен послушный исполнитель, не так ли? По своему внутреннему, анатомическому строению она, без детальных исследований, вполне тянет на понятие «машина». Но ведь этого мало, верно? Она ведь должна еще и действовать адекватно, как положено машине.

— Ты что, зомбируешь ее, что ли? — насторожился Барташов.

Колышев хмуро посмотрел на генерала, а потом вдруг устало улыбнулся, сокрушенно покачав головой.

Как бы ни пыжился Барташов, но он был очень далек в своих представлениях от понятия «наука».

— Извините, Николай Андреевич, но вы насмотрелись дешевых американских фильмов. Все, о чем вы

думаете, лежит в области фантастики. Подозреваю, что Колвин уже говорил вам нечто подобное, верно?

— Ну, допустим, — хмуро ответил Барташов.

— Зомбировать человека, конечно, возможно… Но только на короткий срок и с тяжелыми последствиями для испытуемого, — объяснил Колышев. — Это делается при помощи препаратов. Простейший пример — наркотики. Накачай человека галлюциногенами и дай решительную

установку на какое-либо действие — и он совершит его, без разницы, будь то убийство или посадка дерева Но он будет при этом абсолютно невменяем, некоммуникабелен и т. д. Это ведь не наш с вами случай, согласитесь?

— Естественно.

— Значит, это отпадает. Сами видите, Николай Андреевич, нам нужно, чтобы на испытаниях она действовала КАК РОБОТ. Для этого недостаточно загипнотизировать ее либо просто накачать всякой дрянью. Ей придется действовать в условиях боевых испытаний, а значит, реагировать на ситуацию, принимать неординарные решения.

— Ближе к делу, Вадим.

— Я и так близко. Давайте возьмем хотя бы вас. Вы помните свое далекое прошлое?

— Смутно, — признал Барташов.

— А можете сейчас определить ту грань, где кончается «четко» и начинается «смутно»?

— Ну, не знаю… Основные события последних лет я помню очень хорошо, а потом кое-что начинает стираться, тускнеть… Что, намекаешь на склероз?

— Да нет. Дело не в склерозе. Дело в замещении информации. Старое, отжившее, уходит назад, в так называемую подсознательную, долгосрочную память. Новые события и впечатления занимают место старых. Это естественная функция нашего мозга. Если помнить все, то неизбежна перегрузка, срыв… Таким образом организм как бы защищает сам себя.

— Понял, — ответил Барташов. — Давай дальше.

— В случае с Ладой я решил действовать так, — у нее есть прошлое, которое нам совершенно не нужно, но нет никаких профессиональных навыков, которые она должна будет продемонстрировать. К тому же доминантой ее воспоминаний, внутренней привязанностью, так сказать, является Антон Петрович Колвин. — Вадим погасил окурок и пояснил: — Чтобы вытеснить его из сознания Лады, а также ввести ей новый «смысл жизни», я решил прибегнуть к методу «замещения информации». Я сознательно перегружаю ее мозг, используя при этом специально разработанные программы компьютерного воздействия. Вся информация, которую она получает сейчас, касается исключительно войн, истории, правил этикета, инструкций по выживанию, немного искусства, чтобы она могла в нем ориентироваться, и, естественно, все мыслимые виды вооружений, их устройство, принципы действия и особенности

применения. Она сейчас получает именно те узкоспециализированные знания, которые будет обязана продемонстрировать. Но объем информации столь велик, что ее мозг уже начал защищаться — он старается ее забыть. Все, что она сейчас узнает, фактически сразу же отходит на второй план, сбрасывается на уровень подсознания. Новые впечатления постоянно отодвигают старые, глубже и глубже, но информация идет по определенной схеме, которая закольцована мной… — При этих словах губы Вадима исказила усмешка, которая внимательно слушавшему его Барташову вдруг показалась жутковатой в контексте того, что излагал Вадим… — Пройдет еще немного времени, и, бросая взгляд в свое прошлое, то есть в те впечатления, что ее мозг сбросил, отодвинул назад, она увидит там… — Колышев сделал многозначительную паузу, — она увидит только то, что давал ей я! — не скрывая торжества, заключил он. — При таком объеме перекачки информации Колвин, травма, да и вся ее прошлая жизнь вскоре попросту исчезнут, потонут в потоке новых впечатлений, превратятся не больше чем в миражи, прячущиеся где-то в неизмеримом прошлом…

Барташов некоторое время молчал, покусывая фильтр погасшей сигареты.

В голове генерала роились разные мысли. Он действительно действовал жестко, но без личной корысти, если моральное удовлетворение от содеянного не причислять к категории оплаты за труд. Барташов был искренен, когда сокрушался по поводу упрямства Колвина и его негативных оценок перспективы создания робота, способного подменить собой живых бойцов…

Сейчас Николай Андреевич не мог разделить профессионального восторга Вадима. То, что делал этот несомненно талантливый парень, давно уже перевалило за грань фола, но и Барташов к этому моменту набедокурил столько, что пути назад или в сторону уже не было… Действовать до конца, во что бы то ни стало втереть очки представительной комиссии, а уж потом озираться по сторонам и начинать анализ собственных действий — где прав, где не прав, где попал в точку, а где промахнулся…

— Вот что, Вадим… — Он щелкнул зажигалкой, прикуривая погасшую сигарету с изжеванным фильтром. — Ты смотри не перегни палку. Я, конечно, со своим уставом в твой монастырь не лезу, но все же помни — от ее здоровья в конце концов зависят наши жизни.

Колышев, который после своей речи подспудно ожидал от генерала если не аплодисментов, то хотя бы открытого одобрения, встретил его слова достаточно сумрачным взглядом.

Он вообще не понимал логики Барташова. Его истовая убежденность в правильности своих действий казалась ему граничащей с абсурдом или помешательством. Генерал заботится о Ладе и делает это, судя по его словам, вполне искренне, но разве не он замыслил ту самую операцию в парке, фактически подписав ей смертный приговор, лишь затем, чтобы заставить Кол-вина действовать?

Ему были непонятны такие, как Барташов. Патриоты, наделенные властью маленьких божков на своем узком участке жизненного фронта, — они перетасовывали жизни людей с легкостью, какой бы позавидовал натуральный бог, и при этом чувствовали себя нормально… Посылали солдат в бой невесть за чьи интересы, а потом приезжали в госпитали к раненым и с отеческим видом подходили к койкам, не отводя взгляда от бледных, обескровленных лиц, освещенных вспышками от фотокамер многочисленных репортеров из свиты… Как эти люди, наделенные властью от государства, вскормленные им, могли сочетать в себе данные противоположности и жить с осознанием исполняемого долга, для Вадима оставалось загадкой.

Он сам мыслил несколько иначе. Уже, что ли. Осознавая, что совершает переворот в науке, а быть может, и в обществе, он отдавал себе отчет в тех достаточно грязных методах, которыми пользовался, и не позволял себе запутаться в наивной вере в чье-то последующее благо. Нет. Он шел жестоким, опасным путем во имя собственного благополучия, ибо его богом были деньги. Деньги и страх — вот что толкало его вперед и вперед, от одного эксперимента к другому…

— Я понял вас, Николай Андреевич… — нарушил он затянувшуюся паузу. — Не волнуйтесь, все под контролем. Скоро она начнет мыслить как хорошая боевая машина, станет жить и грезить только этим понятием, и тогда я смогу ослабить прессинг на ее мозг. Все будет нормально.

— Добро. — Барташов встал и протянул руку. — Давай, Вадим, нам не так много осталось продержаться. А потом будет все — и официальное финансирование, и новые погоны, и возможность отдохнуть, между прочим. А пока — рой землю, но через месяц она должна быть готова. Ты понял? — еще раз переспросил он, отнимая ладонь.

— Да ясно все. Будем работать.

* * *

На старом полигоне, расположенном в трех километрах от поселка Гагачий, вот уже несколько дней наблюдалось не свойственное ему оживление. Сюда то и дело подъезжали машины, солдаты в форме

внутренних войск обновляли один из огневых рубежей. Вдали в поле мерцала сварка — там спешно сооружали макеты бэтээров. Тихо постанывали поржавевшие тросы лебедок, натужно наматываясь на побитые коррозией барабаны. Сюда возвращалась жизнь. Наблюдательную будку, расположенную сразу за огневым рубежом, заново покрасили и остеклили.

Начинался август. Лето стояло жаркое, и трава кое-где уже пожелтела, подпаленная, высушенная немилосердным в этом году солнцем.

В один из таких дней на дороге, ведущей к полигону, появилось несколько «Волг» в сопровождении бортового «Урала».

Оцепление выставили еще за несколько часов до прибытия машин. В ближайших перелесках солдаты внутренних войск заворачивали назад вышедших по ягоды дачников из окрестных деревень. Те, привыкшие за последние годы к полному запустению полигона, пробовали что-то доказывать, но в конце концов поворачивали назад, мысленно бранясь на возвращение старых времен, когда в окрестные леса невозможно было попасть без специальных пропусков и проверок.

На самом же полигоне происходили довольно странные события. Намечавшиеся стрельбы явно не относились к разряду обычных — нигде не было видно выстроившихся солдат, да и единственный, заново переоборудованный огневой рубеж никак не мог отвечать масштабам обычных стрельб. Несколько человек в гражданском, покинувшие головную «Волгу», быстро и профессионально осмотрели прилегающую к рубежу территорию, и только тогда из машины с полностью тонированными стеклами появился невысокий человек в форме майора. Обойдя машину, он открыл заднюю дверку и нагнулся, что-то говоря сидящим в салоне. Ребята в гражданском, не дожидаясь команд, уже разгружали из «Урала» ящики.

Через некоторое время майор отступил в сторону, а из прохладной глубины кондиционированного салона вылезла высокая стройная женщина в зеркальных солнцезащитных очках.

Майор взял ее под руку, и они пошли к огневому рубежу.

Дойдя до наблюдательной будки, возле которой на расстеленном брезенте было разложено различное стрелковое вооружение, они остановились, и майор принялся что-то объяснять своей спутнице, то и дело наклоняясь, чтобы взять в руки тот или иной образец оружия, а она стояла, спокойно, даже можно сказать, бесстрастно выслушивая все пояснения. За темными очками не было видно ее глаз, но за все время инструктажа она ни разу не пошевелилась, не переступила с ноги на ногу,

словно изваяние, манекен, которому майор, в силу каких-то своих причин, пытается втолковать что-то насчет разложенных перед ней орудий взаимного истребления.

Спустя полчаса на полигоне под Гагачьим после долгих лет забвения вновь загрохотали выстрелы.

Канонада, распугавшая птиц и дачников, начавшись этим летним утром, продолжалась ровно три недели, день в день, стихая только на ночь, да и то не всегда.

Потом, опять к всеобщему недоумению окрестных жителей, она прекратилась так же внезапно и необъяснимо, как и началась. Больше они не слышали выстрелов и не сталкивались с оцеплением, а те, кто забредал впоследствии на старый полигон в поисках грибов или ягод, с удивлением рассматривали сотни расстрелянных фанерных мишеней, покореженные и обугленные макеты бэтээров, осыпавшиеся от взрывов извилистые змейки траншей и тысячи свеженьких, пахнущих порохом стреляных гильз самых различных калибров, что толстым слоем покрывали пожухлую от жары землю в районе огневого рубежа.

Глава 7

Таджикско-афганская граница. Август 2028 года

Она действительно сильно изменилась.

За два месяца с Ладой произошло то, на что другим людям требуется не меньше десятилетия бурной жизни в период физической и моральной зрелости, ее разум, который все время испытывал недостаток развития и некий информационный вакуум, сначала заполнил пустоту, затем действительно переполнился, как то и предсказывал Колышев, а затем… затем Лада вдруг потеряла счет времени — дни стали долгими и тягучими, ее все чаще мучила усталость, от которой иногда возникали тошнотворные спазмы, порой хотелось одного — просто лечь на землю и больше не вставать…

Она вдруг перестала принадлежать сама себе — внутренний мир Лады потускнел, стал блеклым, расплывчатым и нереальным, мысли о прошлом, ее стремление узнать, что с Антоном Петровичем, как он, поправляется ли… да и вообще все ее ощущения, которые были присущи настоящей Ладе, медленно, но неотвратимо исчезали в туманной дымке забвения, — она чувствовала, что теряется, становится чужой сама себе. Но уже не в ее силах было остановить начатый Колышевым процесс…

Лада не сломалась, она трансформировалась, изменилась до неузнаваемости: исчез блеск глаз, другой стала речь, мимика лица словно бы забылась, а мышцы оцепенели — ее губы уже не могли вспомнить, каким движением нужно улыбаться, все, что она делала, выходило у нее машинально, на уровне подсознания. Измученный информационным прессингом мозг отказывался работать как положено.

Наверное, поэтому выезд на полигон в окрестностях Гагачьего стал для нее желанной отдушиной, — именно там, на огневом рубеже, всаживая пулю за пулей в бесконечную череду мишеней, она внезапно получила тайм-аут — постоянное давление на ее мозг со стороны обучающих программ исчезло, а предлагаемые тут физические нагрузки показались смешными по сравнению с жесткими, доводящими до безумия тренировками в бункерах «Гага», и Лада встрепенулась, ожила, воспряла душой… на какие-то мгновения лишь затем, чтобы понять: она окончательно потерялась, заблудилась сама в себе и уже не может с точностью сказать, кто она, каковы ее желания, чего она хочет от жизни, в

чем вообще смысл всего происходящего с ней и вокруг.

Единственным человеком, который хоть как-то заполнял внезапно возникший вакуум общения, был Вадим Игоревич. Именно он ненавязчиво, понемногу начал напоминать Ладе ее прошлое, ту жизнь, которая была у нее до ранения…

Да она и сама вспоминала это. Смутно, отрывками, но само присутствие этих воспоминаний уже не оставляло сомнений в их правдивости.

В общем-то воспоминания о прошлом оказались достаточно скупы и прямолинейны — она воевала где-то на Кавказе, получила сильное ранение и, по счастью, попала в Подмосковье, в госпиталь, где практиковал Колышев. Он вытащил ее с того света, имплантировал ей множество внутренних протезов вместо переломанных осколками костей, он сделал это вопреки воле своего начальства, и вот теперь Ладе предстояло доказать, что Вадим Игоревич был прав, — победителей не судят, а она после его работы может снова вернуться в строй, вновь стать полноценным бойцом…

Да, она хотела этого… Больше чем хотела. В том страшном, граничащем с безумием хаосом информации, что царил в ее голове, образ Вадима Игоревича оставался единственным ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ образом, в который она верила.

«Лада, чтобы вытащить тебя с того света, нам пришлось превратить часть твоих органов в механизмы… ТЫ РОБОТ. И ты должна доказать это, чтобы получить право жить дальше…» — эти слова Колышева накрепко засели в ее голове. Лада приняла их с видимым внешним равнодушием, но внутри они ощущались ею как заноза, причиняющая постоянную саднящую боль. «Ты робот…» Она не могла как-то реагировать на такое утверждение, и не потому, что на это не было сил, а по той причине, что такое определение оказалось чуждо ей в эмоциональном плане. Она знала значение данного слова, но не относила к себе.

Возможно, виной была усталость, внутренняя пустота и отсутствие четких, логичных воспоминаний о прошлом… Ей предстояло узнать себя заново, но сначала она должна доказать свое право на дальнейшую жизнь…

Сейчас она сидела у открытой рампы вертолета и слушала знакомый вой лопастей, разглядывая проносящуюся внизу «зеленку» через паутинообразный прицел крупнокалиберного пулемета, ствол которого торчал наружу, косо уставившись вниз, где среди сливающегося в зеленые полосы кустарника мог мелькнуть силуэт «духа» с изготовленным к стрельбе «стингером»… Этот район Таджикистана все еще считался

«горячей точкой», на территории которой никто не был застрахован от внезапного нападения, в том числе и низко летящий вертолет ВВС России.

Лада сидела, широко расставив ноги и уперевшись рифлеными подошвами высоких шнурованных ботинок в пол. Коробчатый пулеметный магазин с огрызком исчезавшей в казеннике ленты придавал ей чувство спокойной уверенности в себе, а косо опущенный к земле ствол, казалось, ждет не дождется, когда внизу мелькнет чья-нибудь тень.

Лада смотрела пустыми серыми глазами вниз, и в ее голове не было в данный момент ни мыслей, ни чувств. Колышев выполнил данное Барташову обещание, превратив ее в психологический аналог робота, и теперь им всем предстояло поставить последнюю жирную точку в этой трагической и чудовищной фальсификации…

Впрочем, Колышев не собирался отходить от дел. В случае успеха или неудачи испытаний у него оставались свои тщательно обдуманные планы насчет Лады…

…Замедлив полет, машина вдруг накренилась на один борт и довольно резко пошла вниз, к берегу разлившейся по долине реки, где напротив брода, на правой стороне расположился блокпост российских войск, которые до сих пор прикрывали некоторые «договорные» участки таджикско-афганской границы.

Лада взглянула вниз и встала, удерживаясь одной рукой за идущий под потолком отсека поручень. Ее место тут же занял бортстрелок.

Она надела солнцезащитные очки, подобрала оружие, машинально кивнула стрелку и пилоту, с которыми за все время не обмолвилась ни словом, и застыла в ожидании, пока вертолет коснется своими колесами пожухлой травы.

* * *

…Погода в предгорьях в этот день выдалась пасмурная. Солнце лишь раз, около полудня выглянуло в разрывы туч и тут же спряталось обратно, однако жара почти не спала.

Сергей Рощин, капитан ВДВ России, посмотрел на плотную пелену облаков.

Порывистый ветер, что гнал по небу низкие лохматые тучи, доносил со стороны небольшого городка, вытянувшегося по пологому каменистому склону долины, сложный запах жилья. Глядя на гонимые ветром облака, капитан знал, что в бывшем горном селении, ныне громко именуемом «город», сейчас наступило временное облегчение. Ветер вымел из узких, кривых улиц тяжелые, удушливые пары отработанных газов от нескольких

десятков дизельных электростанций (высоковольтную линию передач тут взорвали несколько лет назад, и решетчатые столбы с сиротливо обвисшими обрывками проводов можно было заметить в самых разных местах), автомобильные выхлопы и иные скопившиеся там неприятные флюиды человеческой деятельности.

«Пошел бы еще дождь…» — мысленно пожелал он.

Взглянув вниз, с высоты своего КП, расположенного тут же на склоне, за естественным укрытием из дикого камня, которого вокруг присутствовало в изобилии, он увидел тонкие змейки свежевырытых траншей, редкие капониры, затянутые маскировочной сетью, два обложенных дерном блиндажа, а еще ниже — беспокойный речной поток. Это был один из малых притоков Амударьи.

За рекой, в двух километрах отсюда проходила граница. Позиция, которую занимал отдельный спецвзвод Рощина, закупоривала собой единственное на этом участке уязвимое для прорыва с «той стороны» место.

Сергей облокотился о замаскированный дерном бруствер и поднял электронный бинокль.

Слева, если всматриваться в знойную удушливую дымку серого, пасмурного дня, при желании можно увидеть смутные, далекие контуры убеленных снегами вершин Тибета.

Город позади лежал в зеленой котловине, словно его врезали в склон пологой возвышенности. Кое-где виднелись участки частично обрушенного старого серпантина — горной дороги, которой уже много лет не пользовался никто, кроме пеших контрабандистов-одиночек.

В бинокулярах, случайно зацепивших своим фокусом край левого фланга траншей, промелькнуло лицо рядового Соломцева. Капитан задержал движение руки, разглядывая солдата. Обыкновенный русский парень, с полным добродушным лицом, покрытым крупными конопушками. Согнувшись, он притулился к изгибу траншеи и что-то писал карандашом на вырванном из блокнота листке. При этом его губы беззвучно шевелились, словно он повторял написанные слова.

У Сергея вдруг стало муторно и тяжело на душе.

«Что мы делаем тут, среди этих скал?..» — подумалось ему.

Впереди Афганистан, за спиной приютившийся на отлогом склоне гор таджикский городок, маленький, с кривыми улочками, но если заглянуть через невысокие заборы, окружающие одно-двухэтажные дома совершенно невзрачной наружности, то при желании можно было заметить припаркованные во внутренних Двориках некоторых хибар вполне

современные «Мерседесы» или «БМВ» последних моделей.

Здесь пролегал так называемый «опиумный путь». Бурная горная река в этом месте на коротком участке вытекала в расположенную у предгорий долину и разливалась, теряя буйность и стремительность порожистого горного потока. Наши пограничные заставы с таджикско-афганской границы, слава богу, сняли еще несколько лет назад, но на этом участке оставалось несколько подразделений российских погранвойск, прикрывавших наиболее рискованные направления.

Взвод Рощина перебросили сюда накануне вечером, подняв по тревоге. Два военно-транспортных «Антея» высадили их прямо на этот склон. У капитана был четкий и недвусмысленный приказ — перекрыть караванную тропу в случае прорыва границы.

«Это не наша граница… — с горечью подумал Рощин. — До Челябинска и Екатеринбурга — полторы тысячи километров по прямой… Казахстан, Киргизия, Узбекистан…»

Как объяснили ему в штабе дивизии, наше присутствие тут, в Таджикистане отвечало доктрине внутренней безопасности страны, но, убей бог, капитан не мог понять, как согласуются с этой пресловутой доктриной сотни российских парней, что гибли, защищая такие вот селения, в то время как местные жители наблюдали за нередко вспыхивающими в горных районах ожесточенными схватками с плоских крыш своих домов, а потом, не скрываясь, садились в «мерсы» и ехали за десять-пятнадцать километров «на стрелку» с получившими по зубам поставщиками выяснять, сколько товара загублено и почему те не сумели прорваться.

А бывало и иначе. Бывало так, что после боя на границе жители окрестных домов резво выдвигались к перепаханным воронками окопам, чтобы поживиться на свежих трупах российских солдат…

Все это стояло в мыслях Рощина, как кость, застрявшая в горле. Давно минули те дни, когда сгорбившиеся под вьюками таджики и афганцы крадучись ночью ползли по горным козьим тропам, обходя стороной заставы пограничников. Нет, теперь они приподнялись, обзавелись «Мерседесами» и БТРами, перли нагло, в открытую, как по торному пути.

Такое положение вещей казалось Сергею Рощину неправильным, даже более того — ненормальным. Будь его воля, ни один русский бы не ступил на эту опаленную солнцем и щедро политую кровью землю. Пусть бы таджики, узбеки, афганцы варились в собственном соку, истребляя друг друга, если им так нравится воевать и данное занятие вкупе с контрабандой составляет смысл их жизни, — пусть бы каждый получал свое, сообразуясь

с желаниями и природными инстинктами, а «наркоту» можно остановить и на своей, родной границе — было бы только желание это сделать… Но приказы отдавал не он, к сожалению. По крайней мере, на таком уровне, как внешняя политика государства.

Размышляя таким образом, капитан перевел взгляд на заросший колючим кустарником противоположный берег реки.

— Горюнов! — негромко позвал он, разглядывая раздолбанный проселок, что спускался к мутной воде в районе брода.

Рядом с ним вырос старшина — командир второго отделения. Был он выше Рощина почти на целую голову. Рост капитана вообще служил в дивизии притчей во языцех — было в нем сто шестьдесят сантиметров, и звали Сергея за глаза просто — «карлик». Он знал об этом, но уже давно не обращал внимания — за солдата говорят не имена или прозвища…

— Пристреляли брод? — спросил Рощин, опуская бинокль.

— Так точно. И с флангов, и в центре.

— Смени посты, пусть ребята поспят. — Рощин отошел от бруствера в глубь укрытого маскировочной сетью КП. — И вот еще…

Он не договорил, потому что в этот момент со стороны границы — и одновременно с тыла — послышался рокот моторов.

Часовой у входа отступил на шаг и вскинул автомат, приподняв ствол в направлении городка.

— Вертушка! — доложил он обернувшемуся на звук взводному.

Рощин посмотрел сквозь маскировочную сеть в указанном направлении. По пасмурному небу, ниже серых лохматых туч действительно летел вертолет. Вот он слегка накренился, разворачиваясь над позицией взвода, на секунду завис и начал снижаться. Ветер, ударивший во все стороны из-под лопастей, низко пригибал траву; сквозь открытую рампу был виден пулеметный ствол, смотрящий куда-то за переправу, на тот берег, темный силуэт стрелка и еще кто-то, стоявший в полный рост за его спиной.

Вертолет завис в метре от земли, и из машины легко спрыгнул военный в обычной камуфлированной форме, бронежилете и кевларовой каске, в темных солнцезащитных очках и без погон. Через плечо незнакомца оказалась перекинута зачехленная снайперская винтовка. Сбоку на отпущенном ремне болтался «АКСУ».

Вновь прибывший боец махнул пилоту рукой и, посмотрев по сторонам, безошибочно зашагал к КП взвода.

— Горюнов, связь есть? — не оборачиваясь, спросил Рощин, на всякий случай машинально скинув предохранитель автомата, который

всегда находился под рукой.

— Так точно. Пилот говорит, что это снайпер, которого вы просили вместо Ильина.

— Понятно… — Рощин мягко отстранил часового и вышел из-под маскировочной сети.

Вновь прибывший боец выглядел усталым. Это Рощин мог определить безошибочно. По тому, как человек идет, как держит оружие, по повороту головы, движениям рук он давно уже научился определять не только физическое состояние, но и некоторые черты характера тех, с кем приходилось или придется сражаться бок о бок.

Не дойдя пары шагов до капитана, боец остановился, вскинул руку в уставном приветствии, но вместо ожидаемого доклада просто протянул Рощину бумагу с личным заверенным фото и снял очки.

Быстро пробежав глазами по строкам сопровождающего приказа, Сергей поднял глаза.

Не больно разговорчив оказался его новый взводный снайпер… Если присовокупить сюда, что им была женщина без определенного воинского звания, то первое впечатление складывалось не совсем благоприятное. Ее не отдавали в распоряжение Рощина, ее ПРИКОМАНДИРОВЫВАЛИ к его ребятам как отдельного, независимого бойца на период ближайших суток, а таких размытых, неопределенных в плане субординации формулировок Рощин не просто не любил — он их ненавидел.

Однако подписей и печатей на сопроводительных документах оказалось больше чем достаточно, чтобы он оставил свое мнение при себе…

— Ну, знакомиться будем? — преодолев внутреннее сопротивление, спросил он, протягивая руку.

Она надела очки, но, прежде чем темные стекла закрыли ее усталые глаза, Сергей заметил в них выражение растерянности.

— Лада, — односложно произнесла она, ответив на рукопожатие. Ее ладонь показалась Рощину ледяной и достаточно сильной.

— Пойдем, — он повернулся, указав в сторону входа в КП. — Обедала?

— Да. Мне ничего не нужно. — Ее голос был ровен, словно в нем отсутствовало само понятие тона. — Укажите позицию, которую я должна занять.

Рощин резко остановился, но она среагировала, хотя шла почти вплотную за ним. Повернувшись, Сергей посмотрел на нее с некоторым насмешливым недоверием.

Его смутила и насторожила не столько сама просьба, сколько та сухая, штампованная формулировка, в которую та оказалась облечена. Эта странная женщина-снайпер разговаривала так, будто была…

«Нет. Так не пойдет», — мысленно одернул себя Рощин.

— Иди вот туда, — указал он рукой на старые укрепления блокпоста, сложенные из известняковых плит еще в ту пору, когда автомобильный серпантин не был разрушен и тут действовал настоящий контрольный пункт, — представишься сержанту Горенко, он укажет тебе конкретную амбразуру. Еще вопросы? Просьбы?

С таким же успехом он мог разговаривать с куклой в универмаге. Он еще не закончил, а Лада уже повернулась и пошла вверх по склону, в сторону указанных укреплений.

Рощин некоторое время смотрел ей вслед, потом покачал головой и скрылся в узкой расселине хода сообщения, который вел к замаскированному КП. Кто бы знал, как не любил капитан подобные «сюрпризы» со стороны начальства…

* * *

Возвращаясь на командный пункт, капитан Рощин и подумать не мог о том, что то самое начальство, которое он только что помянул в своих мыслях, находится совсем неподалеку, буквально в нескольких километрах отсюда, на специальной, подготовленной заранее площадке, среди скал, что возвышались в тылу окопавшегося в районе старого блокпоста взвода.

Три генерала, пять полковников, несколько гражданских плюс офицеры связи, два оператора и наладчики видеоаппаратуры.

На переносном тактическом пульте помигивали лампочки. Два стереоэкрана размером в квадратный метр каждый были укреплены на специальных подставках. Один, связанный с заранее установленной видеокамерой, показывал всю позицию взвода, а изображение на втором очень сильно походило на кадры из компьютерного «3D-ACTION» — передающая камера была закреплена на кевларовой каске Лады и давала в полном смысле вид «от первого лица».

— Когда начнется? — негромко спросил у Барташова один из присутствующих на испытаниях гражданских. Он уже видел Ладу в условиях полигона и сейчас нетерпеливо ожидал продолжения военного шоу. С настоящей войной этот человек был явно знаком только понаслышке. Судя по выражению его лица, он ощущал себя в полной безопасности и, возможно, даже допускал мысль об «условном противнике» и инсценировке боя.

— Скоро, — односложно ответил Барташов. — Воздушная разведка доложила, что караван уже на подходе, в нескольких километрах отсюда.

— Караван?

— Да, караван, господин Ивлев. — Николай Андреевич был взвинчен и с трудом скрывал свою нервозность от остальных. — Караван с наркотиками — обычное дело для данной территории. Подразделению капитана Рощина приказано перекрыть брод и не допустить бандитов в глубь территории дружественного государства.

— То есть бой будет настоящим?

— Это БОЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ, господин Ивлев, — не выдержал Барташов.

— Ноль-Первый докладывает: севернее тропы наблюдает столбы пыли! — Это сообщение, прозвучавшее на скалистой наблюдательной площадке, вызвало секунду тишины. Затем Барташов, бросив своего собеседника, подошел к связисту и взял из его рук коммуникатор.

— Борт Ноль-Первый, доложи! Что значит — севернее тропы? Ты видишь караван?

— Так точно. Караван идет по уцелевшему участку серпантина. Расчетное время появления у переправы — через пятнадцать минут. Столбы пыли наблюдаю севернее. Движутся вдоль противоположного берега реки в сторону брода.

— Твои соображения, Ноль-Первый? Что это может быть?!

— Похоже на бронетанковую колонну, господин генерал!..

Добравшись до старых укреплений блокпоста, Лада вошла в сумеречную прохладу сложенного из плитняка дота.

Здесь пахло хлебом, овечьим пометом и полынью. Земляной пол покрывал слой старой прелой соломы. Очевидно, до недавнего времени кто-то из местных жителей держал тут коз или овец…

У расчищенной амбразуры, на станине, обложенной опорожненными цинками, стоял «ДШК» довольно старого образца. Двое парней в камуфлированной форме — сержант и рядовой — сидели тут же, разговаривая и изредка поглядывая в сторону обвалившегося серпантина горной дороги и мутных вод разлившейся реки, из которых еще торчали огрызки ферм от взорванного моста. Очевидно, о прибытии Лады их предупредили по рации. Сержант лишь хмуро посмотрел на нее, кивнул в сторону смежного помещения, где в глухой стене так же располагалось несколько узких амбразур, но приставать с расспросами не стал.

Лада прошла в указанное помещение и огляделась.

Странно, но она испытала внезапную симпатию к сержанту, который

не стал тревожить ее досужими расспросами.

В пяти километрах к северу тянулся шлейф пыли, слышался урчащий звук моторов и лязг гусениц.

В голове гигантской пылевой змеи действительно шел танк. Это был «Т-100» российского производства — первая и не совсем удачная модель плавающего танка. Несколько сот таких машин было произведено в начале века, но в 2009-м программу закрыли, а существующие образцы продали в страны ближнего зарубежья, в основном таджикам и узбекам. В то время среди оборонщиков ходил анекдот о том, что первую плавающую машину, которая зарекомендовала себя не с лучшей стороны, продали туда, где плавать ей уж точно не придется, — чтобы не бросать, так сказать, тень на качество отечественных вооружений.

Но, судя по всему, на этот раз танки, что двигались колонной недалеко от берега, собирались именно поплавать…

«Главный недостаток всех тщательно разработанных планов военных операций заключается в том, что они иногда срываются…» — приблизительно так высказался один из военачальников прошлого, и в данном случае его высказывание оказалось абсолютно справедливым.

Казалось бы, все спланировано на самом высоком уровне, вплоть до правительственных контактов, произведена космическая и наземная разведка, задействована агентура среди местного населения, — все полученные данные свидетельствовали о том, что район в данный момент спокоен и тут ожидается прохождение одного не сильно вооруженного и охраняемого каравана с оружием и наркотиками.

Откуда тогда, спрашивается, взялась тут танковая колонна, которую заметил пилот вертолета прикрытия?

— Я не намерен больше терять груз! — Человек в халате зло одернул покрывающую лоб повязку. Разговор шел на одном из местных наречий. Головной танк остановился, и вслед за ним с лязгом притормозила вся колонна. Сизые выхлопы двигателей смешивались с пылью проселка, заставляя людей кашлять и прикрывать рот свисающими концами тюрбанов. — Эти русские совсем потеряли страх! — Предводитель зло сплюнул скрипящую на зубах пыль. — Мамад, свяжись со Сталбеком, пусть попробует поговорить с ними. Если они уберутся от переправы, я не буду их убивать!

— Сталбек будет недоволен, когда узнает, что мы разоружили заставу… — осторожно напомнил предводителю тот, кого назвали Мамадом.

— Заткнись и делай, что тебе говорят! — Глаза главаря вдруг

налились кровью. — Это моя страна и мой товар, а Зураб перестал выполнять договор! Его танки теперь будут служить мне, раз он не смог вовремя доложить, что тропа перекрыта!

* * *

На позициях взвода тоже слышали звук мотора, но приближался он не со стороны брода, а от городка.

— Вижу «мерс», — доложил по рации наблюдатель. — Пылит сюда.

— Игорь, следи за тем берегом! — приказал Рощин своему заместителю и пошел к выходу из КП.

Действительно, вниз по склону от горного села пылил одинокий черный «Мерседес».

— Стрижелов, Логвин, за мной, — коротко бросил Рощин, машинально пригладив короткий ежик седых волос. Сорок два — солидный возраст для воздушно-десантных войск.

Машина притормозила, не доехав до блокпоста метров триста. Рощин остановился, глядя, как открылась обширная дверь и оттуда вылез здоровый для своей национальной принадлежности таджик в спортивном костюме и неизменной тюбетейке. В другой момент капитан, может быть, и улыбнулся бы, глядя на это издевательство над одеждой, но обстановка не располагала — вслед за молодым представителем местного клана, чье широкое лицо лоснилось от пота, вылезли еще двое похожих на него и по габаритам, и по одежде, быков.

Откровенно говоря, Сергей не любил жителей Азии. По своей наглости и развязности они могли поспорить с любым «чехом», но те были смуглыми, сухощавыми и хоть походили на бойцов, а эти вызывали чувство, схожее с брезгливостью, какое испытываешь к шакалам, роющимся в облепленных мухами остатках тигриного ужина.

— Салам, начальник… — Таджик остановился в двух шагах от Рощина, широко расставив ноги.

— Здравствуйте, — коротко ответил капитан, спокойно и испытующе посмотрев на здоровенного, нависающего над ним детину. Был Рощин ниже его сантиметров на тридцать, но едва ли уступал в силе и ширине плеч. О ловкости говорить не приходилось — не с чем оказалось сравнивать.

Пауза начала затягиваться.

— Машины едут… — не то сообщил, не то пожаловался таджик, прислушиваясь к отдаленному рокоту. — Надо пропустить, а? — Он вопросительно посмотрел на офицера.

Рощин прищурился, глядя в его маленькие, похотливые, чуть раскосые глаза, и медленно покачал головой.

— У меня приказ, — коротко и однозначно ответил он. — Если это едут обычные машины — мои бойцы их осмотрят и пропустят.

— А если нет? — сощурился в ответ посетитель.

— Тогда мы их задержим.

— Зачем задержим?!

— У меня приказ, — повторил капитан. — Есть соглашение между Москвой и Душанбе.

Слова офицера произвели на таджика самое тягостное впечатление.

— Слушай, Душанбе, что Душанбе?.. Душанбе далеко, Москва — вообще… — Он даже чуть присел от волнения. — Давай смотри, никто вокруг! Душанбе не видит, Москва не видит, два мужчины бьют по рукам, якши?! — С этими словами он открыл принесенный с собой кейс и на вытянутых руках протянул под нос Рощину.

«Очень своеобразный способ дипломатии… — с трудом сдерживая подкатившую к горлу ярость, подумал капитан. — Ясно, МГИМО он не кончал, зато проборознил окрестные горы и равнины на своем „мерсе“, раз мешает в кучу и „якши“, и „салам“. Космополит хренов…»

В «дипломате» ровными стопками лежали десятидолларовые купюры. «Тысяч двадцать, — прикинул Сергей, спиной ощущая, как напряглись двое страховавших его сзади бойцов. — Дешево за нашу кровь…»

— Закрой чемодан, а то баксы просыпешь… — спокойно, негромко произнес он, но бойцы за спиной, которые хорошо знали своего взводного, еще больше напряглись от этой тихой, будто не со зла оброненной фразы.

Таджик, еще не сообразив, в какую сторону зашли переговоры с русским капитаном, послушно закрыл кейс и разогнулся, глупо и нагло ухмыльнувшись.

Капитан Рощин слыл в дивизии командиром спокойным, даже уравновешенным, но существовали в его жизни вещи, которых он не прощал.

Слишком много крови было пролито на его глазах: он видел ребят, сгоревших в танках на безымянном блокпосту в Дагестане после налета чеченских «духов», он погибал вместе со своим взводом в Абхазии, форсировал Терек и брал Грозный, он видел и пережил такое, что не укладывалось ни в человеческий разум, ни в кадры хроники — никуда, потому что не существовало в природе настоящей цены одной-единственной жизни, как не было меры для того количества человеческого горя и отвращения к войне, которое смогла бы вместить в себя память

конкретного человека…

Но самыми страшными в жизни офицера оставались моменты, когда вся эта кровь вдруг начинала рваться наружу, выплескиваться из тайников души…

Таджик, пытавшийся купить капитана, встретившись взглядом с Рощиным, понял это, но слишком поздно для себя…

Удар ноги, обутой в шнурованный армейский ботинок, пришелся точно в переносицу. Голова таджика мотнулась назад, как в кино, издав глухой чавкающий звук, словно от пощечины, а Рощин уже пружинисто приземлился на обе ноги, будто и не трогался с места. Только его глаза еще больше посерели от вырвавшейся наружу ярости. Не останавливаясь, он ухватил за ворот обмякшего детину и поволок его к машине, словно куль с дерьмом.

Два сопровождавших того охранника дернулись было вперед, но моментально остыли, встретившись взглядом с бешеным русским, что волок к машине их бея. Кейс, ручка которого оказалась зажата в сведенных судорогой, скрюченных пальцах неудавшегося взяточника, волочился по пожухлой траве склона, подскакивая на камнях.

Рощин остановился около машины и разжал пальцы.

— Мы не продаемся, — произнес он, обращаясь к двум телохранителям, когда грузное тело их хозяина безвольно сползло на сухую, исстрадавшуюся без дождя землю. — Вам надо еще пару тысчонок лет пасти своих овец и глотать гашиш, чтобы понять — почему. Если нам в спину будет сделан хоть один выстрел, сровняю с землей ваш поселок к чертовой матери… — Он говорил тихо, внятно, а гул с той стороны реки все усиливался, приближаясь к позициям роты…

«Дождь так и не пошел…», — с досадой подумал капитан, возвращаясь к КП.

Сзади испуганно хлопнула дверка и мягко заурчал мотор.

На душе Рощина вдруг стало муторно, будто он только что окунулся в чан с дерьмом.

«Вот потому ты до сих пор не генерал», — язвительно подсказал внутренний голос.

* * *

— Это была попытка дать взятку, да? — заинтересованно осведомился замминистра, с трудом заставив себя оторвать взгляд от плоского экрана фирмы «SONY», на котором только что развернулось прелюбопытнейшее с его точки зрения действо.

— Да, — сухо и односложно ответил Барташов, который уже не пытался скрыть своего волнения: ситуация становилась неуправляемой — в игру вступили не предусмотренные сценарием силы, а у него не было способа как-то радикально воздействовать на ход событий, разве что прекратить всю операцию и предупредить капитана Рощина о той ловушке, в которую спустя некоторое время должен был угодить его взвод. «Да и поддержку с воздуха нужно обеспечить…» — подумал генерал, оборачиваясь к собравшимся на площадке. Конечно, за срыв испытаний его никто не погладит по голове, но ведь сюда идет бронетанковая колонна! Еще минута промедления, и там, внизу, начнут убивать ребят из российского погранвзвода.

— Господин командующий! — решительно обратился он к стоявшему рядом генерал-полковнику. — Я считаю необходимым отложить испытания и вызвать поддержку с воздуха. Нужно также предупредить капитана Рощина об изменении оперативной обстановки, чтобы он мог подготовиться к отражению танковой атаки.

— Ты в своем уме, Барташов? — Генерал обернулся и уничтожающе посмотрел на Николая Андреевича. — Это БОЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ, ведь так?

— Да, но соотношение сил… там внизу всего один взвод!

— И ваш супербоец, не так ли, генерал? Там РОБОТ, достоинства и потенциал которого вы так рекламировали. Вот и посмотрим, на что он способен. — Произнеся это, командующий демонстративно повернулся к двухметровым стереоэкранам, на которые продолжало транслироваться изображение с позиций окопавшегося у блокпоста взвода.

— Караван на подходе. Головной дозор двигается к переправе. Танковая колонна возобновила движение вдоль берега. — Это был голос наблюдателя, позиция которого располагалась чуть выше площадки на отвесном выступе скалы.

Барташов побледнел еще больше, но заставил себя поднять взгляд.

Что он мог сделать в данной ситуации, черт побери? Признаться в собственной фальсификации? Расписаться во лжи, сказать им, что Лада вовсе не робот? Николай Андреевич понял, что оказался заложником собственной лжи…

«Ты кто, карьерист или патриот?» — внезапно всплыли в его памяти слова Колвина.

Патриот… Он хотел сделать как лучше, хотел, чтобы наука наконец достигла той высоты, когда обыкновенные ребята перестанут умирать среди политых кровью скал…

Его благими намерениями оказалась выстлана дорога в ад для целого взвода ничего не подозревающих бойцов…

Нет, этого нельзя допустить — в последний момент Барташов все же сумел сделать выбор между собственной совестью и интересами карьеры.

— Господин генерал-полковник… — вновь обратился он к командующему, но тот, к изумлению и досаде Николая Андреевича, лишь раздраженно отмахнулся от него, не отрывая глаз от экрана.

— Отстань, Барташов, ты уже ничего не можешь изменить! — не поворачивая головы, прошипел он. — Испытания состоятся, хочешь ты того или нет!..

Напряжение на площадке достигло своего апогея. Взгляды всех присутствующих были прикованы к экранам, и потому никто не обратил внимания на то, что майор Колышев отошел в сторону и, убедившись, что за ним никто не следит, вороватым движением достал из внутреннего кармана кителя трубку телефона сотовой связи.

* * *

…Взревев мотором, первый БТР выскочил на противоположный склон долины. Рощин видел, как из него выпрыгнули несколько фигур в полосатых халатах — они рассыпались в стороны, как стайка вспугнутых птиц, и, петляя, побежали к кромке воды.

— Горенко, скажи нашей девочке, пусть работает, — коротко приказал Рощин по рации. — Логвин, на исходную, — добавил он, опуская коммуникатор.

Передавать приказ не было никакой нужды. Лада ждала его, ее коммуникатор работал исправно, а все тело буквально превратилось в комок нервов и напряженных мышц.

Она видела БТР и фигуры в халатах, спрыгнувшие с его брони и стремящиеся теперь укрыться в прибрежных зарослях подле брода.

Мягкая, теплая резина оптического прицела облепила ее правый глаз — это патрубок окуляра, горячий от удушливой жары, присосался к коже, мгновенно укрупнив панораму прибрежных зарослей… Бегущие к воде фигурки внезапно выросли, будто подались к ней навстречу, и Лада вдруг поняла — все будет совсем не так, как на огневом рубеже полигона в Гагачьем.

У фанерных истуканов не было лиц… Сейчас же она видела их — потные, небритые, искаженные от тех усилий, что требовал бег по пересеченной местности с полной боевой выкладкой…

Она попыталась вспомнить ту войну, на которой ее фактически убили,

вспомнить свою боль, ненависть, все, что ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ ПРИСУЩЕ ЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЭТИМ ЛЮДЯМ… но ничего не получилось. Она видела лишь искаженные человеческие лица, прыгающие в паутине снайперской оптики, — вместо ненависти была обреченная пустота, вместо воспоминаний, в возвращении которых убеждал ее Вадим Игоревич, из глубин подсознания вдруг начал накатываться странный, уже слышанный когда-то визг, так похожий на скрипящий звук заблокированных тормозов…

Она поняла — сейчас, сейчас ее ударит, нужно что-то делать, как-то защититься…

Палец Лады мягко потянул тугой курок…

Первая фигура моджахеда, уже почти достигшего спасительных кустов, вдруг дернулась, словно налетев на невидимую преграду, и безвольным кулем покатилась к воде, пачкая песок бившей из простреленной головы кровью…

Лада видела это, но уже не могла остановить машинального движения своих рук, и когда следующий «дух» влип в паутину прицельной сетки, ее палец вновь потянул тугую скобу…

Это было похоже на тягостное кровавое наваждение…

Именно в эти секунды, когда глаза застило кровавым туманом, а к горлу подкатил внезапный, неконтролируемый тошнотный спазм, она поняла, что никогда не убивала раньше. Никогда не была ни на какой войне, а главное — никогда уже не забудет этих кровавых брызг, что вылетели прямо ей в лицо, в оптику прицела, вслед за плавным движением курка…

Затвор винтовки выплюнул последнюю гильзу и щелкнул впустую.

Лада медленно опустила оружие, прислонила его к стене и села, не видя ничего вокруг, сжав пылающую голову ледяными ладонями, лишь чувствуя, как струится по спине между лопаток холодный липкий пот.

Выстрелы снайперской винтовки в знойной, предгрозовой тиши прозвучали, как щелчки пальцем по плотному листу картона.

БТР на противоположном берегу выбросил сизое облачко дыма и попятился, натужно царапая сухую, каменистую почву громадными литыми колесами. Его башня нервно дернулась, сначала в одну, затем в другую сторону, и спаренный с пушкой крупнокалиберный пулемет вдруг зашелся длинной оглушительной очередью, наугад осыпав пожухлый прибрежный кустарник свистящим на рикошете смертельным градом свинца.

Рощин, которого затянувшаяся пауза между приказом и первым выстрелом прикомандированного снайпера заставила изрядно психануть,

дал знак ожидавшему команды сержанту, и тот молча, сноровисто пробежал по траншее к вынесенной чуть вперед огневой точке, к которой вел узкий ход сообщения.

Позиции взвода молчали, словно тут и не было никого, а выстрелы снайпера только пригрезились перепуганному механику-водителю БТРа.

В пулеметной ленте моджахеда оказались заряжены трассера, и кустарник по правому берегу вдруг вспыхнул, пожираемый злым, моментально загудевшим пламенем. В душный воздух, заволакивая переправу, взметнулись клубы дыма.

Сержант в этот момент уже плюхнулся на дно стрелковой ячейки и, подхватив заранее подготовленную к стрельбе ПТУР[2], повел плечом, ловя БТР в прицельную паутину.

Облако пыли, взметнувшееся от выстрела ракетной установки, клубясь, окутало окоп, словно в этом месте по иссохшей без дождя земле стеганули огромным прутом; на противоположном берегу сквозь дым от горящего кустарника злобно сверкнул огонь, и тут же накатил грохот…

Когда ветер на минуту разорвал завесу дыма, глазам Рощина предстал покосившийся на обочине проселка, весело полыхающий БТР.

Сержант уже сменил позицию и отряхивал пыль с колен, стоя у устья затянутого маскировочной сетью капонира.

Позиция взвода вновь молчала.

«Не время еще…» — подумал капитан, поднимая к глазам бинокль. Все еще только начиналось. Хотелось быть уверенным, что все это правильно и справедливо. Иначе смерть станет бессмысленной, а жизнь — отвратительной и кошмарной…

* * *

— Ну что, Николай Андреевич, поздравляю! — Командующий повернулся к Барташову, который курил поодаль, нервно уродуя зубами фильтр сигареты. — Пять выстрелов — пять трупов — это уже показатель! — Генерал-полковник вдруг остановился и подозрительно посмотрел на Барташова. — Э, брат, да на тебе лица нет! Перепсиховал, что ли?..

— Там танки… — нашел в себе силы ответить Барташов.

— Слушай, я не узнаю тебя, — покачал головой командующий. — Если твоя машина также снайперски справится с АРГом[3], то про эти танки можно забыть.

Барташов вскинул голову, хотел что-то ответить, но в этот миг у

горизонта прозвучал далекий безобидный хлопок, и с поднебесья вдруг накатил заунывный, выворачивающий наизнанку все внутренности вой…

Те, кто носил погоны, побледнели, гражданские же, знающие о войне лишь по фильмам и кадрам хроники, просто почувствовали — что-то летит прямо на них и от этого «что-то» уже поздно бежать или искать укрытия…

Интуитивно они были правы.

— Ложись!!! — дико заорал Барташов, ничком падая на камни площадки наблюдения, но даже для него уже оказалось поздно — шестнадцать мин, выпущенных из высокоточной залповой установки, накрыли площадку, превратив ее в сплошное месиво из камней, разбитой аппаратуры и трупов…

* * *

— Эй, с тобой все нормально? Ты не ранена? — Голос сержанта Горенко долетал до сознания Лады словно сквозь толстый слой ваты.

Она заставила себя отнять от лица холодные, взмокшие ладони и подняла взгляд.

— Ты чего?! — озабоченно и даже испуганно спросил Горенко, опустившись на корточки перед Ладой. — Зацепило, что ли?

— Да нет… Все в порядке, — ответила она, машинально попытавшись улыбнуться, но губы лишь как-то странно, некрасиво искривились, и улыбка не вышла.

— Слушай, я серьезно, — не отставал сержант. — Сюда ведь не стреляли.

— Да нет… ничего… — Лада вдруг поняла, что не может объяснить ему своего состояния. Она не могла объяснить этого никому, даже самой себе, — что-то оборвалось у нее внутри, словно в голове рухнули возведенные там перегородки, и теперь из глубин подсознания хлынул поток каких-то наполовину стертых впечатлений, событий, которые она совершенно не могла вспомнить…

Руки дрожали.

Она убила. Убила впервые в своей жизни, и этот факт находился вне всяких сомнений.

Ладу трясло, и она никак не могла справиться с этой непроизвольной нервной дрожью. Она не могла объяснить своих чувств, не могла поделиться ими ни с кем.

От продолжения разговора ее спас внезапно возникший в настороженной тишине вой.

Этот звук ей уже приходилось слышать на полигоне в Гагачьем, —

Лада мгновенно поняла, что летит мина, но в этот раз вой оказался намного более надсадным, густым, изматывающим, чем тогда на полигоне…

Горенко метнулся к амбразуре.

— Вот суки… — неизвестно для кого произнес он и вдруг метнулся в противоположную сторону, к выходу из укрепления.

— Перелет, козлы!.. — раздался секунду спустя его голос. — В горы саданули, километрах в трех от нас. Слышь, Малышев, — обратился он к рядовому, который, побледнев так же, как и он, наблюдал за далекой вспышкой среди скал. — Откуда у этих козлов шестнадцатиствольник, а?

* * *

Шестнадцатиствольная установка залпового минометного огня являлась одной из последних разработок в области военной промышленности Китая. Ее особенность заключалась в смертельной точности выстрела — залпом управлял компьютер, способный наводить установку по разным признакам цели, например, выстрел мог быть произведен по аномальному тепловому пятну, устойчивому радарному сигналу и так далее.

Электронной машине было абсолютно все равно, на чьей стороне она воюет и что представляет собой человек, номинально управляющий смертоносным комплексом. Злая шутка высоких технологий? Гримаса судьбы или зловещая закономерность, на которую долгие годы никто не хотел обращать внимания?

Скорее последнее, потому что здесь, неподалеку от таджикско-афганской границы сторонниками движения «Automatic Service» был окончательно проигран спор о том, следует ли совершенствовать машины до того уровня, чтобы ими мог управлять даже младенец.

Боевой компьютер установки, активированный простым нажатием кнопки, которой коснулся грязный палец моджахеда, автоматически сканировал пространство вокруг себя.

Обнаружив вероятную цель, он выдал данные о ней на дисплей оператора. В данном случае вспыхнувший на зеленом рельефном фоне карты алый маркер отмечал пеленг на необычайно сильный, активный сигнал от работы систем спутниковой связи. Приемопередающие устройства были обнаружены среди скал, в трех километрах севернее реки.

Это была та самая площадка, где расположилась представительная комиссия, наблюдавшая за действиями Лады в боевой обстановке…

«Оператору», уставившемуся на яркий мигающий сигнал, последний не говорил ровным счетом ничего. Моджахед просто был зол на весь мир, в

данный момент ему хотелось одного — садануть по экрану так, чтобы самому аллаху стало тошно, точно так же, как и ему в данный момент.

Он проорал что-то по-афгански, и из крытого тентом грузовика в хвосте колонны выволокли европейца со связанными за спиной руками.

Ткнув пальцем в пульсирующую точку, он задал вопрос, который тут же был переведен пленнику на скверный английский. Тот болезненно поморщился, но ответил.

Глаза моджахеда вспыхнули недобрым огнем.

Через минуту шестнадцать стволов изрыгнули в небо воющую смерть.

Фигура, хлопотавшая подле станины шестнадцатиствольной минометной установки, издали походила на дервиша из древних арабских сказаний. Маленький, коренастый, оборванный, в замызганном стеганом халате, он суетился среди взметнувшихся клубов пыли, тряся головой и проклиная шайтана за то, что не может разглядеть результат своей работы.

За головным грузовиком, с которого, собственно, и был произведен залп, застыла длинная колонна из десяти машин.

Внезапно он почувствовал, как за пазухой что-то запищало, задергалось, будто там притаился маленький зверек.

Дико выругавшись на одном из афганских диалектов, он извлек из-за отворота халата «Бенефон-3000» — самый современный на этот день прибор сотовой связи. По его понятиям, этим маленьким телефоном управлял шайтан. Впрочем, залповой установкой то же. Нельзя сказать, чтобы афганский крестьянин, оторванный от мотыги и привычного уклада жизни не утихающей вот уже полвека войной, соблазнившийся жизнью бандита, которая представлялась много проще и слаще рабского труда на клочке скудной земли, был так непроходимо туп, как то могло показаться со стороны. Нет. Возможно, что в других условиях он бы стал кем-то иным, но, увы, Самат родился на войне, был воспитан войной, и единственным его университетом являлась жизнь. Грязными пальцами откинув активную панель, он почему-то воровато огляделся и приложил прибор к уху.

— Самат, это Керим, — услышал он хриплый голос хозяина каравана. — Ты, шакал вонючий, сдурел? Хочешь в яму?! Кто позволил стрелять?! Ты знаешь, сколько стоит один выстрел из этой установки?! Я тебя сгною, падаль!

— Э, шайтан!.. — гневно выдавил в ответ низкорослый афганец — Ала инч!.. — Дальше последовал очередной поток ругательств.

Трубка что-то ответила ему, и Самат, посмотрев сквозь рассеявшуюся пыль по сторонам, опомнившись, перешел на таджикский со скверным акцентом, присущим уроженцам северных областей Афганистана:

— Керим, Махмуда нет! Араги нет! Никто нет! БТР — сгореть! Урус стрелял. Я видел! Там, горы, — их глаза. Прибор показывать — много глаза. Смотрят вниз — смеяться над Самат. Самат попал! — хищно оскалился он.

— Зачехли установку, придурок недоношенный, и жди! — рявкнул из трубки голос Керима. — Пусть караван стоит на месте, пока мы не очистим переправу. Ты понял? Ни одного выстрела, никаких движений! Это оружие на продажу, нам за него заплатили, заруби это себе на носу! Еще одна такая выходка — я с тебя лично шкуру спущу, собака!

* * *

Минут десять на том берегу реки не происходило ровным счетом ничего. Подбитый у переправы БТР уже не полыхал — магниевый сплав выгорает быстро, и теперь изнутри обуглившегося остова машины сочился черный едкий дым. В пожухлой траве, словно брошенные кем-то тряпки, виднелись трупы боевиков в замызганных полосатых халатах. Кустарник по берегу уже выгорел, обнажив обугленные сучья и почерневшую траву, что продолжала истекать струйками дыма, ухудшая видимость и заволакивая брод плотным, удушливым саваном, который рвал и трепал налетающий порывами ветер.

Река на участке брода разлилась до ширины метров в сто. Ее мутные, полные глиняной взвеси воды текли тут чуть спокойнее. Несмотря на недавнюю стрельбу и горящий по правому берегу кустарник, с той стороны реки к привычному водопою спустился одинокий тур и, наклонив голову к воде, начал жадно пить, смешно шевеля толстыми мясистыми губами.

Внезапно он бросил свое занятие и резко вскинул голову, пугливо озираясь по сторонам.

Наблюдавший за ним в бинокль Рощин прислушался.

С левого фланга порыв ветра донес приближающийся рокот.

«Неужели левее брода?.. — мелькнула в его голове догадка. — Но там же глубоко, черт побери…»

— Первый, ты слышишь? — резко спросил он, вскинув ко рту руку с коммуникатором.

— Так точно!

— Держи позицию! Огонь открывать только наверняка!

— Понял вас!

— Орел! — вызвал Рощин приданную его взводу минометную батарею, чьи позиции были расположены в тылу, метрах в трехстах от линии траншей.

— Четвертый на связи!

— Второй квадрат, там подозрительное шевеление. Если сунутся к воде на плавсредствах — накрывай немедленно!

— Так точно!

— Все, пока отбой… — Рощин смотрел на плотную стену не тронутого огнем кустарника и недоумевал, почему молчат таджикские пограничники? Ведь не было слышно ни стрельбы, ничего…

Спустя минуту сомнения капитана разрешились самым неприятным и недвусмысленным образом.

Звук работающих моторов уже стал совсем отчетливым, он приближался к левому флангу взвода с той стороны реки, но все еще оставалось непонятным — что это, колонна грузовиков, БТРы или…

…Стена кустов на противоположном берегу внезапно разломилась, тяжко раздаваясь в стороны, и на каменистый берег выполз, плюясь выхлопом из плохо отрегулированного движка, старый, видавший виды «Т-100» с бортовым номером «27» на башне.

— Это таджики!.. — с явным облегчением доложил Логвин, сверившись с полученным перед отправкой списком позывных и опознавательных маркеров. — Бортовой номер приписан пятой заставе, позывной механизированной группы — «Гром».

— Вызови! — коротко приказал Рощин, которого еще не покинули нехорошие предчувствия. Показалось ему, что на броне танка, за покатой башней мелькнула закутанная в традиционный для афганцев халат фигура с «Калашниковым»?

Лязгая гусеницами и разбрасывая вывороченные с корнем кусты, танк прополз через узкий пляж и с ходу вошел в воду, разрезая речную гладь приваренным к носу волнорезом.

Тишина на позициях стояла гробовая. Над рекой стлался дым, скрадывая очертания бронированной машины.

— Гром-1, вызывает Сокол, прием!.. Тишина.

— Гром-1, — повторил Логвин, пристроившись у радиостанции…

В электронный бинокль капитан видел, как машина погрузилась в воду, так что скрылись траки гусениц и катки. Волны били в борт, облизывая заляпанную грязью броню.

Взревел двигатель, откашливая облака сизого дыма, и по бокам танка с пенным выбросом заработали водометы.

— «Гром-1», подтвердите прием…

Кусты на том берегу продолжали ломаться. У Рощина неприятно похолодело в груди. Пользуясь естественной дымовой завесой, к берегу

выползали еще четыре снабженные водометами «сотки».

Сергею вдруг все стало ясно, словно озарение снизошло. Это был не обычный караван контрабандистов. Очевидно, через границу шла очень крупная партия «товара», и ставки на нее оказались так высоки, что все остальное теряло смысл… И для него уже стало не важно, сдались таджики с расположенной в двадцати километрах к северу заставы или их перебили, — налицо был тот факт, что переправиться через реку можно только тут, — и взвод русских встал у моджахедов, что вели караван, как кость в горле. Видно, и танки, и налет на заставу — все было чистой воды импровизацией, после того, как им сообщили, что у горлышка бутылки появилась пробка…

Тур, что замер как вкопанный, не соображая в окружившем его грохоте, в какую сторону ему бежать, вдруг кинулся в воду и поплыл наравне с головной машиной моджахедов.

— Всем в укрытие! — рявкнул Рощин в коммуникатор. — Танки противника! Приготовиться к отражению атаки!

Логвин опустил микрофон рации, растерянно посмотрев на командира.

— Но это же таджики… — начал было он.

Покатая башня «Т-100» вдруг повернулась, и восьмидесятимиллиметровое орудие звонко, оглушительно гаркнуло; на берегу перед линией траншей взметнулся оранжево-черный куст разрыва, нудно взвыли срикошетившие на излет осколки, по крыше блиндажа с глухим стуком забарабанили комья вывороченной взрывом земли, и пошло, пошло…

Четыре танка, что, прячась за дымом, подползали к берегу, на секунду замерли, поведя стволами, и их орудия зло рявкнули, одно за другим, окутав многотонные машины плотными клубами дыма и пыли.

Словно на той стороне реки разверзлось жерло вулкана.

Головной танк под прикрытием артподготовки поплыл, разрезая мутную, глинистую воду и расталкивая по обе стороны от себя пологую волну.

С берега, от старого блокпоста раскатисто ударил крупнокалиберный «ДШК», словно кто-то, сидя в кустах, равномерно замолотил стальной болванкой по гулкому листу железа. Это Горенко принялся за работу, поливая свинцовым градом затаившихся на броне танков боевиков; за позицией взвода раздались частые хлопки — заработала батарея стодвадцатимиллиметровых минометов, и с поднебесья накатился визг, тонкий, ноющий, вытягивающий нервы в ломкую струну…

Четыре «Т-100» еще раз произвели залп и скатились в воду.

Дым от горящей травы и взрывов заволакивал реку, превращая атакующие танки в смутные контуры, обозначенные злыми, короткими хоботками огня — это били не умолкая пулеметы, обстреливая приближающийся берег.

Грохот стоял адский. В такие моменты кажется, что все, конец, этот ад будет расти и расти, пока не заполонит собой все пространство, всю землю…

Мины с воем обрушились в воду, выбив из речной глади десятиметровые гейзеры; волна приподняла плывущие машины, так что у одной вдруг заглохли водометы, хлебнув воздуха; последний, отставший от остальных танк внезапно застыл, беспомощно покачиваясь на волне, и вдруг, накренясь на один борт, начал резко и стремительно погружаться в мутно-коричневую пучину.

Через откинувшийся башенный люк на броню тонущей машины, дико вопя, выбрался моджахед и тут же задергался, взмахивая руками, когда из его видавшего виды халата вдруг полетели выбиваемые пулями кровавые ошметья.

Еще секунда, и только мутные водовороты обозначили то место, где затонул «борт-32»…

Рощин вскинул бинокль, тщетно пытаясь разглядеть в заволакивающем все обозримое пространство дыму панораму разгорающегося боя.

Головной «Т-100» резко дернулся, выстрелив из орудия; снаряд, выпущенный в упор, попал в блиндаж, и в небо полетели, вырванные из земли словно спички, корявые бревна перекрытия от запасного КП…

Танк, не останавливаясь, вылетел на берег, и его пулемет забился в злобном стаккато, выбивая султанчики пыли из брустверов траншей, не давая высунуть голову укрывшимся там бойцам.

Три отставшие машины приближались, лавируя между водяными столбами, что вздымались из воды от падения мин.

Мутное течение реки уносило кровавое пятно от заблудившегося меж танцующей смерти животного…

Рощин выругался, вскинув коммуникатор, — он видел: сейчас левый фланг сомнут, стоит остальным танкам выскочить на отлогий пляж…

— Гранатометчики, мать вашу!..

Команда запоздала — Горюнов, чья позиция находилась в центре и была выдвинута по направлению брода, сам сообразил, что делать, и в борт выскочившей на берег «сотки» хлопнуло несколько «мух», под дружный

аккомпанемент разрядившихся подствольников.

«Хоть бы одно орудие…» — тоскливо подумал Рощин.

Танк подбросило, будто тот решил потанцевать, земля и камень вокруг вскипели от взрывов, — грохотом, казалось, выворотит барабанные перепонки, — бойцы глохли, и звонкий поначалу рокот «ДШК» теперь звучал в контуженном сознании, как сладкий отдаленный голос…

Бой разгорался, злой, непримиримый, страшный…

* * *

…Барташов открыл глаза.

Боли не было… вернее, она не ощущалась, как и вся нижняя часть тела.

Мучительно скосив глаза, генерал посмотрел в ту сторону, где несколько минут назад возвышались экраны наблюдения и толпились люди.

Там осталась одна покореженная рама, внутри которой по разорванным проводам и расколотым печатным платам еще бегали голубоватые язычки пламени.

Площадка вокруг была забрызгана кровью. В мешанине покореженных предметов и выбитых взрывами камней невозможно оказалось различить ни человеческих тел, ни их фрагментов…

Барташов застонал, пытаясь пошевелиться, и понял, что это не в его силах. Тело больше не подчинялось ему, да и сознание, вернувшееся к генералу, грозило вот-вот погаснуть вновь…

Он уже больше не думал ни о себе, ни о своей карьере, ни о чем, — в эти предсмертные минуты для него вдруг оказалось значимым лишь одно — он обрек всех этих людей на смерть.

Сейчас он бы отдал все на свете за простую возможность выйти в эфир, связаться хоть с кем-нибудь, чтобы попросить, потребовать помощи для погибающего внизу взвода, но, увы…

Генерал беспомощно запрокинул голову, чувствуя, как по щекам текут слезы…

Внезапно сбоку от него, где-то на границе восприятия, промелькнула тень. Барташов собрал все силы, повернул голову, отчаянно выворачивая глаза в ту сторону, где ему почудилась тень, и увидел… Колышева!

Вадим брел, словно сомнамбула, по перепаханной взрывами площадке. Его мундир был порван, испачкан кровью и обожжен, в согнутой руке, которую Колышев заботливо баюкал на груди, оказалась зажата трубка сотовой связи, но, видно, окровавленные, скрюченные пальцы

больше не повиновались Вадиму.

Барташов хотел крикнуть, но не смог — из его горла вырвался лишь булькающий хрип.

Это была расплата. Расплата за все…

Колышев заметил его. Шатаясь, он подошел к Барташову и сел рядом.

— Вызови… вертушки… Вадим… — едва слышно прохрипел генерал.

Колышев посмотрел на него, покачал головой и почему-то усмехнулся…

Был ли это предсмертный бред Барташова?

— Вызову… — долетел до его сознания далекий голос. — Не волнуйтесь, Николай Андреевич. Какой-то сукин сын случайно сделал мою работу… — Он жутковато улыбнулся, заглянув в стекленеющие глаза Барташова. — А вы спите спокойно, генерал, теперь командовать этим парадом буду я…

* * *

Бой разгорался, злой, непримиримый, страшный… Однако для Лады был неведом ужас раскручивающегося на ее глазах действа. Благодаря стараниям Колышева она больше не принадлежала этому миру, для нее не существовало правых или виноватых сторон, государственных границ, своей и чужой земли, у нее не было НИЧЕГО, кроме сумасшедшей панорамы боя, которая перемещалась в располосованном тонкими нитями прицельной сетки окуляре снайперской оптики.

Она видела, как плюхнулся в воду головной танк и поплыл, расталкивая мутную волну, а рядом с ним, высоко задрав голову, плыл обезумевший от грохота тур… Лада отчетливо видела его налившиеся кровью, перепуганные, влажные глаза, пока первый гейзер, взметнувшийся вверх мутным столбом от ударившей в воду мины, не заслонил от нее обреченное животное.

Справа, в соседнем помещении заработал «ДШК».

Звук падающих на земляной пол гильз, удушливый, кислый запах пороха и равномерный, оглушительный грохот возымели на Ладу совершенно неожиданное действие — она вдруг опустила винтовку и растерянно посмотрела туда, где ставшие маленькими и безобидными фигурки падали с брони плывущих танков, сметаемые в мутную воду реки кинжальным фланговым огнем.

Ей вдруг страшно захотелось взвыть, закричать в голос от дикого НЕПОНИМАНИЯ происходящего вокруг.

Испытания были провалены.

Она не сумела стать той хладнокровной боевой машиной, которую так упорно формировал в ней Колышев, — все, что он насильно вталкивал в ее голову, оказалось сметено в один миг оглушительным грохотом бьющегося в жилистых руках Горенко крупнокалиберного станкового пулемета, потому что стоило взглянуть в его перекошенное лицо, как становилось ясно — сержант знал, что и зачем он делает, его душа, может быть, и противилась жестокой, кровавой мужской работе, но он понимал ее неизбежность, а Лада нет…

Колышев уничтожил ее личность, смел самосознание, но не дал взамен ничего, что очнувшийся разум

Лады мог бы принять за точку отсчета в оценке собственных действий…

Она не понимала, что выбора у нее уже попросту нет и на мучительное замешательство отпущено ничтожно мало времени, — на том берегу, у брода, прорезались сквозь густой дым контуры четырех бронемашин…

В этот момент три танка, что все же достигли противоположного берега, форсировав реку, повернули башни и произвели залп по старому блокпосту, откуда не умолкая бил пулемет.

Земля, небо и камни вокруг внезапно встали на дыбы, окрасившись в черно-оранжевый цвет взрыва. Пулемет заглох, но Лада еще успела отчетливо услышать крик рядового Малышева, прежде чем смешанная с камнем земля осела вокруг нее…

* * *

На левом фланге взвода события развивались еще более стремительно и драматично.

После залпа гранатометов атакующих машин осталось только две, но из-за подбитого танка, что накренился, опустив ствол в выбитую перед ним воронку, спустя несколько секунд после взрывов, сбивших траки гусениц с покореженных катков, беспорядочно ударили автоматы; в ответ гулко простучал пулемет, сбивая остатки краски с обуглившегося борта и оставляя на броне глубокие безобразные борозды.

Два оставшихся танка выстрелили из орудий и, выскочив на берег, взревели двигателями, натужно карабкаясь на склон. На их броне уже не было никого — течение реки уносило посеченные осколками и изрешеченные пулеметным огнем трупы.

В этот момент, когда вырвавшийся вперед «Т-100» с четким,

незакрашенным номером «28» на башне, чуть накренясь, принялся вертеться на одной гусенице, утюжа первую стрелковую ячейку, сквозь дым на той стороне реки проявились силуэты четырех БТРов, спешащих на центр позиции роты прямо через брод.

«Вот и все…» — обреченно подумал Рощин, оценив ситуацию.

— Луценко, огонь по броду! Горюнов, если не выдержишь, отходи к КП! — Он отшвырнул коммуникатор и схватил прислоненный к стенке капонира «АКСУ» с под ствольным гранатометом.

— Товарищ капитан, вы куда?! — закричал помкомроты, старший сержант Логвин, забыв про нововведенные уставом «сэр» и «господин».

— Держись за мной, старшой, видишь, ребят давят!

Две «сотки» ползли по позиции левого фланга взвода, плюясь огнем и перемалывая гусеницами осыпающиеся траншеи. Третий застыл у раздавленной стрелковой ячейки с перебитыми траками гусениц, его башня рывками поворачивалась в сторону КП, а из-под днища уже выползали невесть откуда взявшиеся афганцы.

У брода за спиной Рощина замолотил, но тут же захлебнулся пулемет, со стоном легли первые мины.

Узкий, извилистый ход сообщения, что вел от КП к основной линии траншей, оказался разорван дымящейся воронкой, по скатам которой струился горячий песок. Стоило Рощину покинуть командный пункт, как мир вокруг разительно изменился, словно с него смахнули масштабность, и он сузился от панорамы затянутой дымом переправы и протянувшейся вдоль берега позиции взвода до узкой теснины осыпавшегося хода сообщения, злого дыхания сержанта Логвина, шального рикошета одинокой пули, что цвиркнула по обнажившемуся из-под песка камню в сантиметре от головы, и рокота — басовитого, делового, кашляющего…

Танк приближался.

Сминая фланг взвода, он полз по линии траншей прямо на КП.

Впереди мелькнула чья-то тень, и в воронку кубарем скатился рядовой Соломцев — тот самый, за кем наблюдал Сергей накануне атаки. По его лицу, смывая запекшуюся кровь, катились крупные градины пота.

Съехав по откосу воронки, словно ребенок с ледяного сугроба, он, не замечая Рощина и Логвина, вдруг сжался на дне в комок, плотно зажмурив глаза, но автомат не выпустил; его веки были отчаянно смежены, словно он пытался отгородиться таким образом от страшной, грохочущей реальности, что наползала на воронку угловатой тенью «Т-100», а пальцы на ощупь толкали гранату в подствольник «АКСУ».

У Рощина спазмом сжало сердце.

Он никак не мог привыкнуть к таким сценам — сам прошел через это, сотни раз видел со стороны, но никак не приходила к нему та профессиональная черствость, что с годами должна полонить душу солдата. Все равно как в первый раз смотрел он на слезы молодого вологодского паренька, что, дурея от желания жить, упрямо толкал непослушную гранату в затвор подствольного гранатомета, чтобы в следующий момент встать навстречу танку моджахедов.

— Логвин, помоги ему!

— Товарищ капитан!..

— Базаришь много, сержант, выполняй! — с этими словами Рощин ловко, по-крабьи вскарабкался на осыпающийся скат воронки и перевалил через дымящийся гребень, на котором был четко виден след от задницы сползшего вниз Соломцева.

Нырнув в ход сообщения, он приподнял голову.

На левом фланге взвода, в развороченных взрывами и гусеницами окопах шла рукопашная. Грохот «ДШК» затих — боялись попасть в своих, а может быть, танк достал, прямой наводкой, — гадать об этом сейчас не было времени.

Оба «Т-100», что дошли до траншей, ползли теперь к КП взвода, намереваясь соединиться там с атаковавшими брод БТРами.

Один из них пер прямо на него.

Рощин нырнул назад, в расселину хода сообщения,

и присел, уперевшись спиной в истекающую струйками песка стенку траншеи.

Рокочущая тень тяжко наползла на него, закрыла собой белый свет, обдала тошнотным угаром выхлопа, запахом горячего железа и перегретой смазки, — казалось, что тень от гусениц надавила на грудь, вышибая воздух из легких…

В такие секунды в голову лезет всякая нелепица.

Глядя на заляпанное речным илом днище танка, капитан вдруг вспомнил первую машину своего брата Андрея, которую они со Светланой купили, еще только поженившись, году, наверное, в девяносто четвертом или девяносто пятом… Это был старый «Москвич», весь в бурых «пауках» ржавчины, который едва ездил… Смешно, но у него было такое же днище — грязное, местами ржавое, и воняло от него так же — выхлопом и пролившимся через плохие уплотнители нигролом…

Спустя пару секунд Рощин почувствовал беспокойство — было похоже, что закрывшая собой белый свет тень не собиралась уползать.

«Это тебе не на учениях, когда механик-водитель, напуганный не

менее твоего осознанием, что между гусениц, в окопе, скорчился боец, спешит поскорее проехать дальше, услужливо подставляя корму танка под бросок учебной гранаты или ИМа[4]…» — мелькнула в голове капитана здравая мысль.

Он не видел, как танк, застыв на месте, поворачивает башню, лишь по характерному звуку привода понял — сейчас будет выстрел.

Он успел заткнуть ладонями уши и широко открыть рот, когда тень над его головой оглушительно рявкнула, подпрыгнув сантиметров на тридцать, и с тяжким стоном сдвинутой земли ухнула назад, осыпая стенки траншеи.

Полузасыпанный ход сообщения наполнился дымом. Танк газанул, разворачиваясь на одной гусенице, и на контуженного, потерявшего слух и задыхающегося в смешанном с выхлопом пороховом дыму Рощина посыпалась земля.

Развернувшись, танк рывком тронулся с места.

Когда тень начала сползать, Рощин, высвободив из-под земли руку, машинально ухватился за буксировочный крюк. Болезненный рывок едва не заставил его разжать пальцы, — тело капитана вырвало на свет и поволокло вслед за танком.

«Глупо все получилось… глупо и непрофессионально…» — отстраненно подумал он, волочась вслед за машиной по перепаханной гусеницами земле.

В башне танка откинулся люк, и оттуда по пояс высунулась фигура моджахеда. Ухватившись за установленный на башне станковый пулемет, он рывком повернул его ствол, одновременно креня его вниз, в сторону траншей…

— Сука… — не слыша собственного голоса, прохрипел Рощин, подтягиваясь на одной руке. Ухватившись за скобу, он вскарабкался на броню танка позади пулеметчика и прыгнул, расходуя последние силы.

Его автомат остался в засыпанной гусеницами траншее, но в данной ситуации Сергей не думал об оружии — его сбитые, окровавленные пальцы мертвой хваткой сомкнулись на горле моджахеда. Тот задергался, бросив пулемет, и засучил ногами внутри башни, пытаясь дотянуться до навалившегося сзади офицера. Рощин увидел выпученные, уже помутившиеся глаза, перекошенный рот с вывалившимся, прикушенным языком и понял, что тело больше не дергается. Приподняв его, он нашел глазами прицепленный на поясе боевика подсумок с гранатами, отпустил одну руку, дернул кольцо из торчащего наружу запала и, разжав пальцы,

прыгнул вбок, покатившись по пыльной, перепаханной гусеницами земле.

Ударившись о каменистую почву, он обхватил руками голову, зажимая кровоточащие уши.

Безвольное тело моджахеда покачнулось и дряблым мешком сползло внутрь танка. Спустя секунду оттуда полыхнул, вырвавшись через люк, столб оранжевого пламени…

* * *

Сознание вернулось к Ладе самым неожиданным и неприятным образом: помимо боли в груди, сквозь звон в ушах она услышала чью-то отрывистую, злую речь на незнакомом языке…

Пошевелившись, она ощутила, как земля струйками ссыпается с ее тела.

Звуки резко приблизились.

— Урус!.. — Тупой нос армейского ботинка с силой пнул ее в бок.

Превозмогая головокружение, Лада открыла глаза.

Вокруг продолжало грохотать.

Взрывной волной ее вышвырнуло через дверной проем старого блокпоста — наверное, это и спасло ей жизнь, потому что на месте укрепления возвышалась бесформенная куча плитняка, из-под которого доносился явственный, прерываемый болезненным хрипом голос:

— Мама… мамочка…

Заслоняя свет, над ней возникло бородатое, смуглое, обветренное и испещренное морщинами лицо. Конец перепачканного в речной глине тюрбана болтался в воздухе, едва не задевая ее глаза. От человека, что склонился над ней, исходил кислый запах пота…

Присев на корточки, моджахед отложил автомат и, ухмыляясь, протянул руку, коснувшись пальцами ее лица.

Лада не шевелилась, лишь внутри у нее все напряглось…

Иные называют такое состояние «сумерками души», возможно, не до конца представляя себе тайный смысл данной формулировки.

Губы моджахеда дрогнули, растягиваясь в злобной ухмылке.

Рваные клочья черного дыма стлались вдоль самой земли, ветер отбрасывал их, унося к тому берегу вместе с рокотом бронемашин и стонами смертельно раненного, погребенного под руинами блокпоста сержанта.

В этот самый миг, глядя на обнажившиеся в усмешке зубы моджахеда, вдыхая кислый запах его пота, Лада осознала, кто ее враг… И не потому, что тот оказался нечистоплотен и говорил на ином языке, она вдруг

ощутила ту пропасть, что лежала между ними. Присевшего на корточки моджахеда не мучили вопросы бытия. Ему нравилось то, что он делал.

В нем отсутствовало именно то, что так упорно пытался убить в ней Колышев, — душа.

А бессознательный, предсмертный, стонущий бред Горенко, который умирал под завалом камней, бил прямо в сердце, рождая те самые пресловутые «сумерки души», когда мир вокруг вдруг начинает сужаться, грозя схлопнуться до одной-единственной точки в твоем сознании, когда суть вещей постигается за считанные мгновения и становится ясно: твои враги — это те, кто пытается решить твою судьбу, перешагнуть через твой труп или по меньшей мере навязать понятие о том, как надо жить…

Теперь она поняла, что делали эти ребята на позициях старого блокпоста.

Они пытались заслонить свой мир от наглой ухмылки привыкшего к безнаказанности ублюдка, и не важно, был то моджахед, что похотливо тянул к ней свои заскорузлые пальцы, или Колышев, что цинично лгал ей. Они умирали тут не за деньги, не за славу… и она поняла, что ее место среди них, потому что в эти растянувшиеся до пределов бесконечности секунды Лада вспомнила все — свое безысходное детство, нищую юность, Антона Петровича…

Моджахед не понял, что произошло.

Он не знал, что в эти секунды она вновь превратилась в ту самую девочку, что привыкла защищать себя в трущобах большого города, но теперь благодаря Колвину и Колышеву она уже не была тем беспомощным зверьком…

Она стала волком.

* * *

Пальцы моджахеда скользнули по ее подбородку и быстро, воровато коснулись отворота униформы. Лада чувствовала его звериную похоть. Сейчас он перестал быть похож на человека даже отдаленно. Зверь, самец, который дрожит в предвкушении того, как рванет сейчас ткань одежды, обнажая ее грудь…

Ее удар пришелся точно в висок — глаза неудавшегося насильника вдруг помутились, и он кулем повалился набок…

Слева кто-то злобно, шепеляво выругался, Лада поняла смысл незнакомой речи по интонациям выдавленных сквозь щербатые зубы звуков.

Спецы Колышева не зря ели свой хлеб на полигоне под Гагачьим, они

научили Ладу воевать, вдолбили ей все необходимые навыки на уровне рефлексов.

Рванув болтающийся на отпущенном ремне «АКСУ», который, несмотря ни на что, все это время находился при ней, Лада откатилась в сторону, и нога второго моджахеда лишь выбила пыль из земли на том месте, где секунду назад лежала беспомощная женщина.

Она знала, первый патрон в стволе, передергивать затвор не нужно, а ее палец уже машинально скинул предохранитель в положение «автоматический огонь».

Автоматная очередь рванула тишину.

Труп еще падал, а она, откатившись за груду щебня, уже привстала на одно колено, зло и экономно расходуя боеприпасы, как учили, на выдох, под счет «двадцать два», чтоб из ствола выходили короткие, точные очереди по два-три патрона…

На той стороне реки уже показались грузовики каравана. Четыре БТРа были на середине брода, левый фланг взвода заволакивал дым — там шел бой, ревели танки, зло и одиноко бил пулемет, а бронемашины, что шли, утопая по ступицы колес в мутной воде, уже повернули в ту сторону, чтобы, соединившись с танками, завершить разгром…

Отпустив автомат, Лада принялась лихорадочно разгребать камни, из-под которых торчали ствол «ДШК» и белая как мел рука Горенко.

Помощи ждать было неоткуда, но она внезапно пришла… снизу, из-под завала. Куча камней медленно шевельнулась, вздымаясь и осыпаясь по сторонам, — оттуда показались рука, плечо, а затем и голова рядового Малышева.

— Живой?! — Лада бросилась к нему, помогая выбраться на свет.

Он не ответил — очевидно, был в шоке. Извиваясь как червяк, Малышев выкарабкался из-под камней и вдруг с безумной, угрюмой решимостью вновь кинулся на кучу в том месте, где торчала рука Горенко.

— Товарищ сержант… Товарищ сержант… — твердил он побелевшими губами, раскидывая по сторонам обвалившиеся плиты. — Паша!.. Потерпи, не умирай!..

Лада, обдирая пальцы, помогала ему, пока из-под камней не показалась запрокинутая голова Горенко. Его губы шевелились в беззвучном бреду. Лоб пересекал кровоточащий шрам, а неестественно вывернутая рука все еще сжимала гашетку «ДШК».

— Справишься? — коротко спросила Лада, сунув в руки Малышеву индивидуальный пакет.

Тот кивнул, продолжая откапывать ноги Горенко.

Она осторожно разжала пальцы сержанта и взялась за теплую еще гашетку. Упираясь ногами в камни, она вытащила из-под них тяжеленный пулемет вместе с треногой и коробчатым магазином, в котором была уложена едва початая лента.

БТРы уже почти выползли на берег.

Станина «ДШК», помятая взрывом, косо застыла на камнях. Лада присела на корточки, расставив ноги, и повела стволом, ловя в перекрестье прицела борт первой бронемашины. Она знала, что крупнокалиберные снаряды прошьют его, как лист картона.

Пулемет забился в ее руках преданно, зло, неистово, словно был живым, все понимал и ждал, верил, что в этом бою он еще не окончил свой разговор с «духами»…

В этот самый момент, когда в тылу уверовавших в свою победу боевиков оглушительно загрохотал оживший на руинах блокпоста «ДШК», головной танк вдруг окутался бурым облаком взрыва и рывком остановился, не дойдя всего каких-то десяти метров до КП.

Лада не видела скатившуюся за несколько секунд до взрыва с брони танка фигуру Рощина — она была занята БТРами, которые заметались под кинжальным огнем, неуклюже пытаясь развернуться, но, заметив взрыв, поняла — сегодня они здесь не пройдут.

С небес накатывался знакомый зловещий, деловитый стрекот…

* * *

Подняв голову, Рощин понял, что окончательно оглох.

Мутный от контузии взгляд капитана обежал позиции роты.

Последний «Т-100» полыхал в ста метрах от него. Посреди реки застыли четыре подбитых БТРа, а земля на левом берегу, где уже появились грузовики каравана, стояла дыбом, словно по ней какой-то великан беззвучно молотил стотонной кувалдой…

Переведя недоуменный взгляд на серые, пасмурные небеса, Сергей увидел до боли знакомые силуэты падающих из поднебесья вертушек.

Он знал, что их тут не должно быть, но рвущиеся из-под плоских камуфлированных фюзеляжей инверсионные линии ракет, что долбили левый берег, вспучивая взрывами тонны земли, мгновенно убедили его в том, что чудеса еще случаются на этой грешной, злой и негостеприимной земле…

…Он все еще ничего не слышал, когда вернулся на развороченный прямым попаданием КП.

У края капонира, украшенного дымящимися ошметьями

маскировочной сети, он увидел Соломцева и Логвина. Рядом что-то орал в передатчик Горюнов, подле которого, озираясь, стоял незнакомый офицер в мягком летном шлеме.

— Стрижелов! — позвал капитан, опускаясь на перевернутый ящик. — Сгоняй влево по ходу сообщения, там сразу за воронкой мой автомат! Засыпало! — орал он, не слыша собственного голоса. — Горюнов, какие потери?!

Сержант обернулся, пошевелив губами.

— Что?! Говори громче, не слышу!

Отчаявшись докричаться, Горюнов растопырил пятерню и, дважды разжав пальцы в выразительном жесте, чиркнул ребром ладони по суставам.

«Десять раненых…» — понял его жест Рощин, и на душе стало легче. Как говорят в официальных сводках: «Невосполнимых потерь нет». Для капитана, готового к худшему, это могло показаться настоящим чудом…

Наблюдавший эту сцену офицер в летной форме вытащил блокнот и нацарапал карандашом несколько строк. Потом подошел к Рощину и протянул ему бумагу.

«Прилетел за прикомандированным к вашему взводу снайпером по приказу майора Колышева, — прочитал Сергей. — Срочно. Имею при себе оформленный приказ».

«Вот, значит, откуда вертушки…»

— Заберешь раненых, тогда полетишь! — ответил Рощин, хлопнув того по плечу.

По частично обвалившейся траншее бежал Стрижелов, прижимая к груди «АКСУ» капитана, а с развороченных танками позиций к севшим вертолетам уже несли раненых бойцов.

Сергей развернулся, бросая взгляд на окрестности.

Он еще не знал, что произошло на правом фланге в самый критический момент боя, — дым заслонял от него панораму развороченного двумя прямыми попаданиями блокпоста, но одного взгляда на подбитые БТРы, которые застыли в воде, не дойдя нескольких метров до берега и оголившихся, беззащитных в тот момент позиций, было достаточно, чтобы Рощин безошибочно определил — взвод спас именно «ДШК», который в самый критический миг вдруг ожил, выкосив кинжальным огнем подобравшихся прямо к траншеям боевиков и остановив бронемашины…

В этот момент налетевший порыв ветра отогнал дым, и он увидел ту самую женщину-снайпера, которая шла по развороченным воронками

позициям, согнувшись под весом станины «ДШК», а за ней, поддерживая друг друга, шатаясь, брели Малышев и Горенко.

Внезапно она остановилась, опустила пулемет и пристально посмотрела в сторону севших вертушек.

Рощин хотел окликнуть ее, но не успел.

Заметив кого-то в проеме люка, Лада, забыв про пулемет, неестественно выпрямившись, пошла к вертолету.

Сергею не нужно было комментировать каменное выражение ее испачканного кровью и порохом лица. Она знала нечто, прямо относящееся к этому бою. Того, чего не знал и, возможно, никогда не узнает он.

То, что случилось затем, Рощин запомнил на всю жизнь. Лада исчезла в сумеречных глубинах десантного отсека, а секунду спустя на обожженную взрывами траву оттуда, вверх тормашками вылетел человек, только что получивший сокрушительный удар в челюсть.

Капитан понятия не имел, кто бы это мог быть, лишь заметил, как сверкнули в пасмурном свете полудня майорские звезды на его погонах.

Боевые испытания закончились.

Глава 8

Москва. Июль 2028 года

Драгоценные ночные часы утекали, словно вода, сочащаяся в жадный песок. Приближался рассвет, а она сидела в напряженной позе у погашенного монитора, в матовых глубинах которого пряталась смутная тень отражения.

Измученный разум пребывал в жестоком конфликте с физически здоровым телом — нужно бы забыться, уснуть, но сон не шел… В такие минуты он казался чем-то недостижимым, из разряда великих мирских благ, которых она лишена за какой-то неведомый ей самой грех.

Действительность давила своей неизбежностью приближался новый день, и ей предстояло жить, несмотря на явный саботаж измученной психики…

В соседней комнате тускло светил экран и мягко вздыхал насос аппарата насильственной вентиляции легких. Этот тихий звук делал квартиру чужой, незнакомой и враждебной… Она вздохнула, не в силах больше сидеть у погасшего монитора, но и не зная, куда деть себя, как скоротать тоску не только этих предрассветных часов, но и всей своей жизни, которая вдруг превратилась в созданный ее собственным сознанием ад…

«Человек живет и умирает в одиночку…» — эту фразу любил повторять Антон Петрович. Тогда зачем он подобрал ее? Зачем дал вкусить человеческого тепла, а затем продал ее душу дьяволу по имени Колышев?

Она закрыла глаза, и красивые длинные ресницы затрепетали, не желая смыкаться. Словно она боялась погрузиться в пучину беспамятства.

Нет… Теперь память Лады, к сожалению, оставалась слишком тверда — склероз, видимо, больше уже никогда не грозил ей… Она будет помнить все и всегда до мельчайших подробностей, и, понимая это, Лада чувствовала — нужно сломить себя изнутри, снова научиться забывать, прятать накопившуюся сверх всякой меры информацию от самой себя, иначе не выдержит и ее мозг…

Сонный на вид охранник, что сидел развалясь за низким столом-тумбой в просторном коридоре так хорошо знакомой ей квартиры, поднял глаза, уловив за полупрозрачным матовым стеклом дверей смутное движение.

«Шастает, сука, не спится ей…» — раздраженно подумал он.

Лада действительно встала из-за стола и прошла в соседнюю, смежную комнату, где на широкой кровати, в изголовье которой попискивал контрольными сигналами целый комплекс медицинской аппаратуры поддержания жизни, лежал старик. Его лицо уже много дней хранило землистый оттенок смерти, но бойкие синусоиды графиков, скачущих по зеленым экранам мониторов говорили обратное — он жил.

«Разве это можно назвать жизнью?..» — с тоской спросила саму себя Лада, опускаясь на колени возле кровати.

Антон Петрович не мог ответить ей на этот вопрос.

Она села на пол, поджав стройные, красивые ноги, затянутые в дорогую лайкру импортных колготок, положила руки на край постели и оперлась о них головой, чуть наклонив ее, чтобы видеть заострившиеся черты Колвина.

Она знала — за ней следят, но, по сути, ей было все равно. Лада не умела прятать своих чувств, да и жадные взгляды исподтишка — будь то око вездесущих видеокамер или прищуренные человеческие глаза из-за полароидной вставки, затерявшейся меж замысловатых обойных текстур, — не угнетали ее. Пусть смотрят. Она для них — чудовищное порождение секретной технологии почившего в бозе ВПК. Она — их карьера. И лишь для Антона она всегда оставалась той нескладной, забитой жизнью бродяжкой, которую он полюбил перед самой смертью, страстно, как может любить человек, прекрасно отдающий себе отчет в том, что все происходит в последний раз…

Только он всегда видел в ней человека…

* * *

Лада не ошиблась, когда с уверенностью подумала о том, что за ней следят.

Вадим Игоревич Колышев чувствовал себя после памятных боевых испытаний далеко не лучшим образом. И хотя все складывалось в соответствии с его планами, — пусть чуть более жестко и драматично, чем он предполагал, но все же В РУСЛЕ, — он испытывал страх. Обыкновенный, человеческий страх.

А бояться Вадиму стоило. Он обманул командование, убедив их в уничтожении опытного образца. Он опять обманул Ладу, к которой вдруг вернулось тщательно подавляемое в ней самосознание. Вернув находящегося в коме Колвина в эту квартиру, отдав его ей, он тем самым сумел отвлечь внимание Лады от собственной персоны и одновременно

получил очередной рычаг, при помощи которого он мог манипулировать этой женщиной.

Теперь ему осталось завершить финальную часть своей аферы — обмануть настоящего заказчика, ради которого он, собственно, и возился с Ладой, обмануть, получить деньги, бежать и затаиться где-нибудь за границей, пока его не перестанут искать…

Взяв в руки трубку сотовой связи, он дрожащими пальцами набрал номер.

Несмотря на то что на дворе была глубокая ночь, ему ответили сразу.

— Это Вадим, — коротко сообщил Колышев, стараясь дышать ровнее. — У меня все готово… Да, никаких поисков не будет. Она погибла при испытаниях. Все причастные тоже мертвы. Что? Какие дополнительные условия?! Мы ведь договаривались! Деньги в обмен на товар!

— Спокойно, не ерепенься, — ответила ему трубка. — Я не собираюсь покупать кота в мешке, понял? Будут еще одни испытания. Ты должен доказать, что она хороший снайпер. И сообщить, где у нее кнопка.

— Какая кнопка? — раздраженно переспросил Колышев.

— Обыкновенная. Которая выключает твоего робота. В общем, так… На обычном месте тебя будет ждать человек. Он даст данные по объекту, который нужно убрать. Справится твоя девочка без шума и пыли, мы ее купим. Как договаривались. Нет — значит, считай, что любовь не вышла и ты дешево отделался. Убивать мы тебя не будем, — сдержанно хихикнула трубка, — таких, как ты, мочат свои же, рано или поздно.

Глаза Вадима выцвели, став похожими на бельма, но он нашел в себе силы, чтобы побороться еще немного…

— Хорошо… — деревянным голосом сообщил он, сжимая трубку во вспотевшей ладони. — Я хочу получить половину денег наличными в качестве аванса. От того человека, который даст мне координаты объекта.

Некоторое время на той стороне молчали.

— Хорошо, — наконец согласился голос. — Но не думай, что ты сможешь куда-нибудь сдернуть. Мы знаем, где ты окопался, и лучше тебе сидеть в своей берлоге вместе с денежками, пока все не утрясется тем или иным образом. Ты понял?

— Да… — обреченно ответил Вадим.

— Тогда последний вопрос. Где у нее кнопка?

— Подробные инструкции по управлению вы получите в обмен на вторую половину денег, — сжав зубы, ответил Вадим. — Это будет гарантией моей безопасности.

Он ждал, что ему ответят, но на том конце просто отключили связь.

* * *

Лада не слышала этого разговора.

Сидя в тоскливой сумеречной тишине около кровати Антона, она пыталась, но не могла понять тех перемен, что происходили в ее душе.

Ей страшно хотелось вернуться назад, в то состояние, в котором она пребывала до встречи с Антоном Петровичем. Тогда ее мир был узок, желания скромны и прямолинейны, а жизнь пусть тяжела, но понятна.

Сейчас все было совсем иначе. Мир распахнулся перед ней во всей своей многоликости, но не стал от этого менее злым и враждебным. Ладе казалось, что у нее под ногами разверзлась пропасть и она падает в нее, не видя дна и не имея возможности зацепиться в своих мыслях хоть за что-нибудь, чтоб замедлить это безнадежное падение в БЕЗДНУ.

У нее исчезла точка опоры. Смысл жизни, как бы ничтожен и убог он ни был в ее нищем прошлом, вспоминался сейчас как благо, великий, но утраченный дар…

Лада встала, подошла к секретеру, на котором сиротливо горел ночник, открыла дверцу и бессильно облокотилась о столешницу, глядя в черные глубины открытого ящика.

Такой же черной была сейчас ее душа. Мир смыкался вокруг подобно душному склепу. Машины, которые обучали ее по приказу Колышева, впихнули в сознание Лады слишком много знаний, а ее мозг, изголодавшийся, но не потерявший способности мыслить, совершенно неожиданно ПЕРЕВАРИЛ все полученные сведения. И вот теперь она стояла, до крика мечтая вернуть хоть одну иллюзию, но не могла этого сделать.

Иллюзии… Это свойство своей психики человек противопоставляет логике. Иллюзии, вера — они нужны для того, чтобы не сойти с ума. Лада утратила их.

Логика возобладала в ней, сделав черное черным, а белое убрав вовсе…

В глубинах открытого ящика лежал смятый кусочек глянцевого картона. Лада внезапно осознала, что вот уже несколько минут смотрит на него.

Протянув руку, она взяла из ящика скомканную карту, которую бросил туда Антон Петрович, прежде чем идти на встречу с Барташовым.

«Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого».

Ладе вдруг стало жутко.

Она поняла — эта фраза напрямую перекликается с ее чувствами. Это был тезис, аксиома, выложенная в ее душе мозаикой из мрака, и она не могла оспорить данного утверждения, даже если бы страстно захотела сделать это.

Дверь в комнату внезапно приоткрылась.

— Лада, мне нужно поговорить с тобой, — мрачно произнес Колышев, не переступив порога. — Срочно.

Глава 9

29 октября 2028 года. За несколько часов до старта
транссистемного космического корабля «Бета» к Ганимеду

Он всю жизнь боялся медиков. Стоило Семену увидеть стерильную белизну материи, холодный блеск хромированного инструмента, матовое свечение мониторов, как его начинало трясти.

Он не мог объяснить себе это иррациональное чувство страха, когда разумом понимаешь, что тебе хотят добра, но само существо протестует, боится, рвется бежать или совершить какое-либо иное безумство.

На этот раз он лежал спокойно. По крайней мере, Семену так казалось. Собрав все свое мужество, он старался не обращать внимания на оплетающие голое тело провода, монотонные вздохи расположенного в изголовье насоса, низко нависающий над головой, но еще не опустившийся колпак…

В конце концов от долгого, томительного ожидания его начала бить нервная дрожь. В голову тут же полезли разные, совершенно глупые и не нужные сейчас мысли: «Вдруг что-то случится с камерой во время полета — усну и не проснусь или организм не выдержит»…

Вообще-то его уже усыпляли. Дважды. В первый раз на три часа, а в другой — на сутки. Все обошлось. Только ощущение при пробуждении неприятное — холодно.

Не выдержав, он чуть приподнял голову, насколько пустили провода, и выглянул поверх борта криогенной камеры.

Две фигуры в белых стерильных одеждах склонились над чьей-то ячейкой в дальнем конце прохода. Туго натянувшиеся провода создавали неприятное ощущение, будто ему защемило волосы, хотя тех почти не осталось после обязательной стрижки.

— Сэр, не нужно поднимать голову, — мягкий голос раздался совсем рядом, так внезапно, что Семен вздрогнул всем телом от неожиданности. Откинувшись назад, на прорезиненное пористое дно своей ячейки, он скосил глаза и увидел ее — стройную, темноволосую, с короткой стрижкой, в белоснежном костюме, напоминающем медицинский скафандр с прозрачным шлемом-маской.

— Вы кто? — спросил Семен, так и не избавившись от волнения, к

которому вдруг вдобавок примешалось чувство стыда — ведь его одежду составляли только провода…

— Меня зовут Ольга. Я бортовой врач, — ответила она. — Вас что-то беспокоит?

— Нет, — немного резко ответил он. Скорее бы…

Фигуры медиков уже продвинулись по проходу между двумя рядами криогенных камер, и Семену оставалось ждать не так уж и долго. Скосив глаза, он даже смог разглядеть, как мягко и беззвучно опустился один из колпаков в противоположном ряду.

Чья-то жизнь только что попала в ледяные объятия криогенной аппаратуры.

«Скоро… Скоро моя очередь…» — не то со страхом, не то с облегчением подумал он.

Чтобы хоть как-то отвлечься, скинуть растущее внутри напряжение, Семен прикрыл глаза, стараясь не думать о низко нависшем над головой прозрачном колпаке.

Он ведь сам сделал этот выбор, и пути назад уже нет…

«Даже если я сейчас вскочу, оборвав провода, меня уложат обратно. Предупреждали. Давали время подумать. Теперь лежи и не рыпайся», — так он говорил сам себе, пытаясь успокоиться перед неизбежным…

…А началось все не здесь и не сейчас.

Он очень хорошо помнил тот день, когда ему впервые попытались внушить мысль об эмиграции с Земли.

Лето 2028 года выдалось жарким, сухим, пыльным. Над городами плыл смог. В пересохших болотах горели торфяники, и едкий дым, похожий издали на молочные полосы густого тумана, стелился вдоль дорог, заставляя водителей увеличивать скорость, чтобы быстрее миновать удушливые участки. Вообще, Семен считал, что ему повезло по жизни, по крайней мере с рождением. Многие стремились и стремятся на Запад, в Америку, а он нет-нет да и ловил себя на мысли — спасибо судьбе, что родился в России, в глубинке, где еще можно жить. Он не очень хорошо представлял себе, что творится сейчас в таких городах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес или Токио. Судя по телерепортажам, там царил натуральный урбанистический ад… Хотя, возможно, что установленный у дороги аппарат искусственной вентиляции легких скоро станет обыденным атрибутом и для России.

Семен отчетливо помнил, как еще ребенком он ездил с родителями на машине из Пскова, где родился и вырос, в Рязань, где жил дед. Они долго ехали через леса: по его воспоминаниям, это был перегон где-то между

Куньей и Ржевом, — километров триста или четыреста, — ночь, звезды, кругом леса и воздух, такой сладкий, прохладный, что кажется, его можно пить глотками…

Теперь всего этого уже давно нет. Вместо узкой двухполосной дороги, что извивалась из стороны в сторону, повторяя исторический путь хмельного мужика, который когда-то, давным-давно проехал по этим местам, петляя на телеге меж вековых деревьев, сейчас протянулся ровный, как струна, широкий автобан, по которому машина идет плавно, чуть покачиваясь на подвеске, а по сторонам, вместо тех памятных лесов, что запомнились семилетнему мальчику, тянутся поля, редкие полузасохшие перелески, чахлые кустарники, как будто не экономический бум поразил страну после долгого кризиса, а по меньшей мере война прошлась по этим землям.

В тот день он ехал домой, в Псков, повидать родителей.

Прогнав километров триста на своей старенькой, но еще вполне резвой «Вектре» образца 2010 года, Семен свернул на отметке «паркинг», решив вздремнуть полчаса, прежде чем ехать дальше. Зрелище, что предстало его глазам на так называемой «площадке отдыха», оказалось удручающим — горы мусора, наваленные больные деревья, несколько рядов которых и представляли собой «зону отдыха проезжающих». Однако, несмотря на неприязнь, что вызвала в нем эта картина, Семен не изменил своего решения — было раннее утро, и глаза просто слипались от усталости. Вести машину в таком полусонном состоянии — занятие весьма рискованное, — это ему внушил еще отец. Выбрав более или менее чистый участок, Семен заглушил мотор, поднял стекла, опустил спинку сиденья и закрыл глаза.

Тяжелая дремота навалилась сразу, уволакивая сознание в свои темные глубины, — сказывался пройденный уже путь и напряжение ночной трассы.

Впоследствии он не мог вспомнить, что ему снилось, но проспал Семен недолго и очнулся от проникшего в сознание настойчивого позвякивания.

Некоторое время он еще лежал с закрытыми глазами, ощущая, что машина нагрелась, — значит, солнце уже поднялось достаточно высоко, — и пытаясь на слух определить источник разбудившего его шума. Не придумав ничего путного, он открыл глаза и огляделся, почти сразу заметив копошащуюся на ближайшей куче мусора фигуру.

Она и была источником разбудившего его шума.

Присмотревшись, Семен понял, что это женщина, возможно, одних с

ним лет, которая, быстро перебирая руками, раскидывала во все стороны отбросы, извлекая на свет бутылки из-под различных напитков, в основном пивные, и складывала их в драный мешок из черного полиэтилена. Занятие это казалось для нее привычным. Действовала она сноровисто, быстро, словно заведенный для этой работы механизм. Мусор летел по сторонам, несколько пакетов отвалилось в сторону, порвалось, раскидав по асфальту свое содержимое, а женщина продолжала рыть мусорную кучу в поисках скудной, но желанной добычи.

«Кто она?» — с тоскливой брезгливостью подумал Семен, поймав себя на мысли, что мелькающие среди мусора всклокоченная голова и грязные, заскорузлые руки будят не гнев, а чувство какого-то внутреннего стыда, словно он оказался каким-то образом повинен в ее судьбе… Нет, это глупо. Какая-нибудь алкоголичка из близлежащего городка, уже вышедшая из того возраста, когда можно подработать на трассе «плечевой» девочкой… Он не мог иметь к ней никакого отношения, но отчего тогда ее вид и сам факт рытья в мусорной куче так неприятно ударил по нервам?

Наверное, оттого, что она, как ни парадоксально это звучит, достаточно полно и гармонично вписывалась в окружающий пейзаж, отражавший иную сторону реальности.

Земля переполнялась.

Вид Homo Sapiens расширил свой ареал обитания до рамок планеты, уничтожив при этом столько экологических ниш, что Земля год от года неуклонно превращалась в помойку, население росло, и за фасадами офисов и банков, за лазерными росчерками сочных реклам в душном вечернем воздухе вызревало нечто страшное… Это нечто пряталось в подворотнях, беспробудно и угрюмо пило в трущобах старой застройки, плевало на демографические ограничения и плодило себе подобных в пьяном полузабытьи…

С такими мыслями Семен потянулся к ключу зажигания.

* * *

Лада опустила винтовку.

Выстрела не получилось, линию огня совершенно внезапно блокировала невесть откуда взявшаяся нищенка, что вскарабкалась на кучу мусора в поисках пустых бутылок.

Зачехлив лазерный прицел, Лада встала с колена, на которое опустилась для упора при стрельбе, и пошла назад через редкий, чахлый подлесок.

На поляне стоял черный, блестящий свежей заводской краской

внедорожник фирмы «Лендровер». У машины курили, перебрасываясь ленивыми, ничего не значащими фразами, двое парней приблизительно одного с ней возраста.

— Ну что? — спросил один из них, увидев приближающуюся Ладу. — Готово?

Она отрицательно покачала головой.

— Почему? — насупился тот.

— Там оказался случайный свидетель, — ответила она, укладывая оружие в багажник.

— Ну и что? Тебе есть разница — шлепнуть одного или двоих?

— Есть, — коротко ответила Лада. — Поехали.

Оба ее сопровождающих выбросили окурки и уселись в машину.

— Ну, и что теперь? — хмуро осведомился тот, что сел за руль. — Опять гоняться за ним по трассе?

Лада развернула карту, внимательно посмотрев на маршрут.

— Обгони его и высади меня вот тут, — она отчеркнула ногтем место сразу за постом ДПС. — Он будет вынужден сбросить скорость у поста. Чтобы не гоняться, я подсяду к нему в машину. Меня подберете вот тут, — ее ноготь скользнул по карте, остановившись на окраине того города, который был отмечен как конечный пункт поездки Семена.

— Ну ты даешь… — покачал головой водитель, но спорить не стал. — Что, грохнешь его прямо в его машине? Клево. Только смотри не запачкайся — мыть тебя негде… — хохотнул он.

Лада промолчала в ответ. Опустив стекло, она прикурила, выпустив сизую струйку дыма в образовавшуюся щель.

В ее душе по-прежнему царил мрак.

* * *

Когда Семен съехал с площадки отдыха, уже давно наступило утро. Проспал он, наверное, часа два, а может, и больше, но не отдохнул, а только загнал усталость вглубь, сделал ее немного тупее. Наверное, потому и мрачные мысли не отпускали. Опустив стекло, он закурил. Воздух, что ворвался в салон, минуя кондиционер и систему очистки, пах не утренней прохладой, а стойкой гарью от дымящих неподалеку торфяников. День обещал быть жарким.

Вести машину по широкой, удобной дороге не составляло труда, и он не заметил, как машинально погрузился в думы.

Водилась за ним такая черта. Еще в детстве Семен мог застыть с недонесенной до рта ложкой, задумавшись о чем-то своем, чем неизменно

вызывал строгое замечание матери:

— Ты, как отец, гоняешь свое даже за столом. Километры летели быстро, убегая в задние зеркала ровной цепочкой указательных столбиков, лазерные дальномеры, связанные с бортовым компьютером «Вектры», позволяли Семену немного расслабиться даже за рулем — случись что, и тоненькое попискивание зуммера загодя предупреждало его о внезапном препятствии или недопустимо сократившейся дистанции.

Уже подъезжая к Пскову, он позвонил домой. Трубку подняла мать.

— Мам, привет! — сказал Семен, одной рукой удерживая руль, а другой прижав к уху трубку мобильного телефона.

— Сеня?! Ты откуда звонишь? — обрадованно спросила она, узнав его голос.

— С трассы, мам. Что у нас на обед?

— Господи, да мы с отцом только встали!.. Что же ты не предупредил, что приедешь? — Она, видимо, зажала трубку ладонью, и он услышал, как ее голос глухо позвал: — Коля, Семен звонит! Иди скорее, брось ты там свой компьютер!

«Она все такая же…» Эта мысль обдала теплом, хотя он не мог сказать, что живет в отрыве от них, — та тысяча километров, что разделяет Рязань и Псков, уже не расстояние в современном мире, но одно дело общаться по видеофону, а другое — говорить и чувствовать при этом, как сокращаются между ними те самые километры…

— Ладно тебе, мам… Не волнуйся. Может, что купить по дороге?

— Да нет, Сеня, все есть. Ты скоро будешь?

— Ну еще минут сорок ехать… — ответил он, мысленно прикинув оставшийся путь. — Часам к одиннадцати появлюсь, не раньше.

— Ну хорошо, ты только не гони, ладно?

— Не волнуйся… — Он не удержался от улыбки, глядя на показания спидометра, где зеленые цифирки мельтешили по отрезку между отметками «190» и «200». — Все, мам, пока. Ждите.

Скорость он действительно скинул, перестроившись в крайний правый ряд движения. Не потому, что так просила мать, а из-за воспоминаний детства. Хотя пейзажи за приоткрытым окном и изменились почти до неузнаваемости, но в душе ощущался детский восторженный трепет. Наверное, это чувство и есть отражение слова «Родина». Те места, что в любом виде и в любое время будят в душе тепло. Здесь он родился, вырос, и этот маленький провинциальный городок так же, как и его окрестности, навсегда останется той единственной частичкой огромного мира, где обитают самые чистые и невинные чувства.

С такими мыслями он пересек границу поста на въезде в Череху — бывший поселок при воинской части, который теперь разросся до размеров города-спутника, отыскал глазами знакомые ворота военного городка, покрашенные в неизменный зеленый цвет, где служил уже в звании полковника ВДВ его дядя, родной брат отца. Здесь, как ни странно, мало что изменилось с той далекой поры, когда он десятилетним мальчиком ездил вместе с бабушкой к дяде на присягу. Тогда будущему полковнику было всего восемнадцать, а на этих самых воротах еще красовались две ярко-красные пятиконечные звезды. Теперь они исчезли, как и то государство, в котором он родился, но которого не помнил…

* * *

Лада понимала: ей нужно сделать выбор. Вернее, ей казалось, что она его уже сделала: мрак вокруг все сгущался, и она серьезно полагала, что теперь уже все равно, каким способом она будет выживать в этом мире.

Колышев больше не темнил перед ней. Казалось, что смерть Барташова сломила его. Вызвав Ладу на разговор, он просто пообещал ей деньги. Деньги на лечение Антона Петровича и полную правду о том, что произошло с ней с того момента, как бампер грузовика ударил ее в грудь.

Два этих стимула, сложенные вместе, заставили ее согласиться… В душе Лады царили все те же сумерки. Полуправда о себе, беспомощный Антон Петрович под надзором аппаратов поддержания жизни, обрывки рвущихся наружу воспоминаний о прошлом, — как далеком, так и недавнем, — все это вместе взятое еще больше усугубляло ее состояние, возводило в сознании Лады некие стены, в очертаниях которых угадывался тупик. Была ли для нее принципиальная разница, каким способом она вырвется из него?

Еще несколько часов назад ей казалось, что — нет. Весь мир был враждебен и недостоин ее сожаления. Как обошлись с ней, с Антоном, так же она и ответит. Цинично и хладнокровно.

Какая разница, кто запутается в тонкой паутине снайперской оптики, если это приведет к желанному результату и она поможет Антону Петровичу выкарабкаться из цепких объятий смерти, как он помог ей вырваться из состояния морального и физического уродства?..

— В чем его вина? — вдруг спросила она вслух. От неожиданности водитель слегка притормозил.

— Ты о ком? — подозрительно взглянув в зеркало заднего вида, спросил он.

— О человеке, которого я должна убрать, — спокойно уточнила Лада.

— Неправильный вопрос, — покачал головой водитель. — Тебе должно быть по фигу, кого валить. — Он снова метнул беглый взгляд в зеркало. — Или я не прав?

Лада не ответила, глядя на приближающиеся щиты с надписями «ДПС».

Машина начала притормаживать, уходя к обочине.

— Фишка он, — внезапно произнес сидящий за рулем «Лендровера». — Просто фамилия из телефонного справочника. Твой, а заодно и наш тест на профессиональную пригодность, усекла?

Скрипнув тормозами, машина остановилась.

— Ну так что, ты… — Водитель обернулся, но Лады уже не было в салоне. Хлопнув дверцей, она пошла прямо к застекленному зданию поста ДПС.

— Слышь, Серж, она что, сдать нас решила? — беспокойно спросил молчавший до сих пор пассажир.

— Не суетись, — одернул его водитель, заметив, как рука напарника потянулась к бардачку, где лежало оружие. — Тебе ведь ясно сказано — пусть действует, как хочет, лишь бы к вечеру был труп. Нам-то что за дело. — Он широко зевнул, откинувшись на спинку сиденья. — Мы с тобой чистые, это она в дерьме.

* * *

Сразу за постом Семена остановили.

Подчиняясь властному жесту сотрудника дорожно-постовой службы, рядом с которым стояла женщина в темных солнцезащитных очках, он свернул на расширенную площадку для осмотра большегрузных машин. Опустив стекло, Семен молча подал офицеру свои документы.

— Все в порядке, — несколько секунд спустя, мельком взглянув на закатанные в пластик бумаги, произнес тот. — Вы девушку до города не подкинете?

Откровенно говоря, как любой водитель, которому приходится много ездить, Семен никогда не брал случайных попутчиков, но в этот раз, несмотря на правило, он кивнул. Наверное, сказалась близость родного города — здесь он чувствовал себя дома, да и почему бы нет? Должен же он время от времени совершать необдуманные поступки? Иначе жизнь может стать совершенно скучной и предсказуемой.

— Здравствуйте, — поздоровалась она, положив на заднее сиденье достаточно объемистую дорожную сумку. — Спасибо, что не отказали.

Вопреки ожиданию Семена, она села назад, рядом со своим багажом.

— Будем знакомиться? — спросил он, поворачивая ключ в замке зажигания. — Меня зовут Семен.

— Лада, — сдержанно представилась она, не снимая очков, хотя в салоне «Вектры» за тонировкой стекол царил прохладный полумрак.

— Вам в городе куда? — тронув машину с места, осведомился Семен.

— В госпиталь. Военный, — негромко уточнила она.

— Вот как? Хорошо. Я живу совсем рядом.

Машина резко ускорилась, выходя на полосу движения. В зеркало заднего вида Лада заметила, как ушел с обочины сопровождавший их «Лендровер».

Все казалось простым до безумия. Сквозь материал сумки она явственно ощущала вес лежащего внутри автоматического пистолета с навинченным глушителем.

Тихий, сухой хлопок на ближайшем светофоре, безвольно сползающее тело, щелчок закрывшейся дверцы, и вот она уже в сумеречной прохладе другого салона…

«Что мне до него?» — внутренне содрогнувшись, подумала Лада, глядя на аккуратно подстриженный затылок ничего не подозревающего Семена. Чтобы отогнать противоречивые, мятущиеся мысли, она попыталась вызвать в своем сознании образ умирающего Антона Петровича, дать своей угасающей решимости рассмотреть эту мысленную картинку, но эффект оказался немного иным, чем она втайне надеялась.

Она действительно увидела Антона в своих мыслях, но отчего-то не решилась посмотреть в его глаза.

«Я должна… должна!»

Семен, перестраиваясь из ряда в ряд, кинул беглый взгляд в зеркало заднего вида.

Его пассажирка сидела бледная как смерть.

— С вами все в порядке? — осторожно поинтересовался он. — Быть может, остановить?

— Нет-нет… — запротестовала она. — Сейчас пройдет.

— Были на войне? — интуитивно догадался Семен, немного снижая скорость. Он спросил это, проведя очевидную параллель между «военным госпиталем» и ее внезапной смертельной бледностью.

Этот вопрос застал Ладу врасплох, но она и так выглядела не лучшим образом, так что очередное замешательство не отразилось на ее лице.

— Да… — после короткой паузы ответила она. Кровь ломилась в виски гулкими горячими волнами. Она вдруг отчетливо вспомнила вставшую на дыбы землю, протяжный стон пытавшегося выбраться из-под

камней Малышева, наглую ухмылку моджахеда, руку Горенко, который продолжал сжимать в онемевших пальцах гашетку «ДШК»…

Это было началом ее нового самосознания. Вспомнив те мысли, что рождали страшные, растянутые в бесконечность минуты боя, Лада вдруг поняла — она предала саму себя в тоскливой тиши осиротевшей квартиры. Колышев, как змей, вновь мягко обвил ее тенетами лжи, ненавязчиво сбил ее мысли в нужное ему русло…

Дрожащими пальцами она достала сигарету.

— У вас можно курить? — тихо спросила Лада.

— Конечно.

Она приспустила стекло и щелкнула зажигалкой.

«Лендровер» висел на хвосте неумолимый, как судьба.

Она не боялась. *Она не могла*.

Лада машинально открыла сумку. Зажигалка тихо стукнула о рифленую рукоять автоматического пистолета. Рядом лежали паспорт, водительские права, разрешение на пистолет и небольшая сумма денег. Все это она получила от водителя «Лендровера» на случай проверки. По его словам, все документы были настоящими…

…Свернув на развязке влево, Семен оказался на новой набережной реки Великой. Ее построили недавно. Пологие берега, которые раньше покрывал сосновый лес, теперь плавились знойным маревом, одетые в белоснежный, свеженький бетон. Вместо узкой, с выбоинами и ямами дороги вдоль реки тянулась широкая набережная, в конце которой маячили два моста. В туманной дымке знойных испарений сверкали затерявшиеся среди небоскребов центра позолоченные купола древнего кремля.

Раньше город утопал в зелени, но теперь и сюда добрался смог. Многочисленные выхлопы от тысяч машин конденсировались меж домами, превращая воздух в угарный газ. Загазованность оказалась столь велика, что ему пришлось поднять все стекла и включить фильтрацию воздуха. Высаженные вдоль набережной деревья не могли радикально улучшить ситуацию — от многодневной жары их листва пожелтела и скорчилась, вылезая желтыми пятнами осенней проказы на пыльную зелень подстриженных в форме шаров крон.

Их дом стоял на противоположном берегу реки, недалеко от дамбы. Родители купили его, когда он еще был ребенком, и несколько лет Семену вместе с ними пришлось прожить на стройке, пока отец и мать делали ремонт, связанный с капитальной перепланировкой довольно старого строения. Теперь эта прозорливость родителей, отказавшихся в свое время от стандартных удобств квартиры, помогала им выжить в стремительно

меняющемся мире.

…Его мысли прервал светофор. Свернув направо, Семен проехал мимо здания школы, где учился, и еще раз повернул в тихую улочку, одну из немногих, которые перенесли в третье тысячелетие тот облик, какой он помнил с детства. Дом в два этажа стоял на краю старого парка, напротив претенциозного входа в центральный военный госпиталь.

Припарковав машину на площадке перед корпусами из стекла и бетона, что подпирали небеса наравне с окрестными «свечками» — жилыми комплексами нового тысячелетия, он заглушил мотор и повернулся.

— Ну вот, мы на месте.

Семен мог поклясться — на лице его странной спутницы промелькнула растерянность, словно та не знала, что ей делать дальше…

— Спасибо.

Она открыла дверь, вышла из машины и застыла, оглядываясь по сторонам.

Пока Семен закрывал машину, она не ушла. Сняв солнцезащитные очки, Лада отступила на несколько шагов, остановившись в тени высокого забора. На мгновение она действительно растерялась, не представляя, как быть, что делать дальше, и панически выискивая глазами сопровождавший их «Лендровер».

— Вход вот там, — тактично подсказал ей Семен, замкнув дверцу машины.

— Что? — Она вздрогнула, вырвавшись из глубин своих мыслей. — Нет, мне еще рано. Подожду тут.

Семен пожал плечами, собираясь идти, но внезапно все же задержался.

То, что его попутчица вела себя весьма странно, не пугало его. Он лично не знал, что такое война, но не раз видел, как воспоминания о ней коверкают души людей. Семен оказался достаточно проницателен и человечен, чтобы заметить — она не в себе, ей плохо, одиноко до такой степени, что это видно невооруженным глазом.

— Послушай, пойдем, мать напоит тебя кофе. Отец тоже будет рад видеть нового человека. Заодно и подождешь у нас, — предложил он, протянув руку, чтобы взять ее объемистую сумку.

Лада посмотрела на него так, словно Семен показался ей редким образцом безумца, но это выражение лишь секунду присутствовало в ее глазах.

Это искреннее участие со стороны человека, которого она должна

была убить, окончательно сломало остатки ее решимости. Осознавая, что совершает полнейшее безрассудство, она позволила Семену взять сумку, и при этом по ее красивым, тонко очерченным губам впервые после второго рождения скользнула тень той улыбки, что была присуща маленькой бродяжке, заблудившейся в джунглях многомиллионного города.

Ее сознание возвращалось…

— Пойдем. — Семен свернул в парк, который тоже заметно поредел за эти годы, — от многих деревьев остались лишь невысокие пеньки, а молодая поросль нездорового, желтоватого цвета выглядела совсем плохой заменой тем вековым деревьям, которые стояли тут когда-то сплошной стеной.

За восемь месяцев, что он не был тут, за невысоким забором из красного кирпича произошли кое-какие изменения. Когда-то здесь располагался частный сектор, потому его родителям, купившим этот дом еще в середине девяностых прошлого столетия, удалось отстоять его и прилегающий клочок земли по праву частной собственности. Они не согласились продать его ни государству, ни строительным компаниям, как и несколько соседних семей, — вот так и вышло, что почти в центре современного города, на краю старого парка сохранились три невысоких частных дома, которые были почти не видны под раскидистыми кронами переживших строительный бум деревьев.

Для Семена этот старый парк и дом за красным кирпичным забором всегда ассоциировались с неким райским уголком, местом отдыха для души и тела, маленьким оазисом настоящей зелени, случайно сохранившимся средь стекла и бетона.

Впрочем, пройдя по аллее, он с грустью понял — парку долго не жить, — смог уже добрался и сюда, под тенистые кроны. Воздух больше не пах прелой листвой и свежестью — он казался душным и тяжелым.

Открыв калитку своим ключом, Семен пропустил Ладу вовнутрь и прошел по гравийной дорожке, заметив, что к боковому фасаду дома, на уровне второго этажа пристроена опирающаяся на облагороженные «под мрамор» бетонные столбы застекленная оранжерея. В ней, несмотря на полдень, ярко горели лампы дневного света, и сквозь кристально прозрачные стекла, лаская глаз, виднелась буйная свежая зелень.

Мысленно порадовавшись за отца, у которого такая пристройка была давней и заветной мечтой, он, охваченный нетерпением от предстоящей встречи, легко взбежал по ступенькам и толкнул дверь…

* * *

— Старайтесь лежать спокойно. — Руки медика пробежали по напряженному торсу Семена, поправив датчики системы жизнеобеспечения. — Не нужно волноваться, — отпускал он дежурные фразы, от которых Семен еще больше напрягся. — Думайте о чем-нибудь приятном, расслабляющем. Погружение в сон займет некоторое время. Всего хорошего.

Это прозвучало как приговор. Колпак криогенной камеры начал опускаться.

Он стиснул зубы, пытаясь унять мучительный озноб.

Потом закрыл глаза и принялся дышать, глубоко и ровно.

Господи, скорее бы уснуть…

А тот далекий теперь уже день, от которого его отделяли не только несколько сот километров вакуума и прочная крышка низкотемпературного гроба, но и месяц жизни, продолжал всплывать в памяти…

* * *

— …Как ты думаешь жить дальше, сынок?

Семен вздрогнул, оторвав от тарелки удивленный взгляд.

Отец, как всегда, в своем духе. Молчит, молчит, а потом как спросит что-нибудь эдакое… Он едва не подавился от неожиданности, смущенно посмотрев на Ладу, которая сидела напротив за круглым обеденным столом.

— Что значит «жить дальше»? — переспросил Семен, переведя взгляд на отца. — А сейчас мы что, не живем, по-твоему?!

— Ну мы с матерью, положим, живем, а ты? — не успокоился он.

— Коля, ну не начинай за столом, — попыталась одернуть его мать.

— Какая разница? Ладно, Семен, ешь… — Он махнул рукой и потянулся за пультом дистанционного управления, чтобы включить телевизор, который стоял тут же в столовой, прямо на барной стойке.

Мать отчего-то печально посмотрела на сына, потом перевела взгляд на Ладу, вздохнула в ответ каким-то своим мыслям и принялась сосредоточенно есть.

«Что это на них нашло вдруг?» — не без тревоги подумал Семен. Ему было неудобно — пригласил человека в дом, а тут начинаются какие-то непонятные внутрисемейные разборки…

Однако Лада, похоже, не обращала особого внимания на происходящее. Она ела, изредка бросая взгляд на экран телевизора.

Новости, что транслировал один из информационных каналов, показались Семену вполне заурядными. За последний год-два постоянные сообщения о катастрофах, экологическом кризисе, вспыхивающих тут и

там локальных войнах уже успели набить оскомину, приесться до уровня каждодневной информационной обыденности. Несколько лет назад общество взволновали две проблемы — массового клонирования и начала широкой колонизации лун Юпитера, но первая из них не продержалась и года, а вторая быстро перешла в разряд дорогостоящей рекламы.

— Послушай, пап, что случилось? — наконец не выдержал он.

— А ты не слышишь? — удивленно вскинул брови отец и демонстративно прибавил громкость:

— …по данным западных информационных агентств, закончен орбитальный монтаж второго в истории Земли американского космического крейсера «Франклин Рузвельт», — уверенный, хорошо поставленный голос ведущего теленовостей, вырвавшись из динамиков, завибрировал в воздухе столовой. — Российский МИД в лице своего главы Николая Строганова выразил озабоченность американским военным присутствием на орбитах Земли. По его словам, теперь «полицейские акции» со стороны Соединенных Штатов могут принять угрожающий миру и стабильности характер.

На экране появилось изображение пресловутого крейсера Военно-космических сил США. Семен не в первый раз наблюдал за лениво плывущим на фоне голубого шарика Земли космическим левиафаном, но в этот раз картинка неприятно поразила его воображение. По просочившимся в прессу слухам, на борту «Рузвельта» в отличие от его печально известного предшественника «Трумэна» базировалось около полусотни ракет класса «космос-земля», и не исключено, что часть из них могла быть оснащена боеголовками с ядерным зарядом.

Отец молча и угрюмо смотрел в экран, машинально барабаня пальцами по столу.

— Запуск в эксплуатацию второго военного космического корабля вызвал бурную и противоречивую реакцию во всем мире, — продолжал вещать из-за кадра ведущий. — Реакция европейских стран, особенно членов Североатлантического союза, оказалась более чем сдержанной, лишь в Лондоне сегодня утром прошли акции протеста, и у здания американского посольства собралась внушительная толпа сторонников мира… Как заявил сегодня на своей пресс-конференции Председатель Народно-демократической партии Китая Мао Линь, его народ осуждает действия администрации Белого дома. Он заверил собравшихся репортеров, что Китай готов к адекватным действиям и если американское присутствие в космосе будет по-прежнему наращиваться, угрожая его родине, то он лично возглавит программу по созданию аналогичной

орбитальной конструкции… Однако главной сенсацией сегодняшнего дня оказалась реакция со стороны Афганистана на запуск в эксплуатацию очередного американского военного крейсера. В официально опубликованном заявлении президент Афганистана Джафар Соргат объявил о рассекречивании ядерного потенциала своей страны. По заявлению Джафара Соргата, Афганистан вот уже более пяти месяцев обладает арсеналом баллистических ракет, часть из которых оснащена современными системами управления и способна достать сегодняшнюю орбиту «Рузвельта»…

Семен поперхнулся. Вот это новость… Он посмотрел на отца, затем на мать, потом на экран.

Такие новости могли выбить из колеи кого угодно, а как действует на его родителей мировая нестабильность, он помнил еще с детства. Отец, глядя в экран, лишь сокрушенно покачивал головой, продолжая машинально постукивать пальцами по столешнице. Мать же, наоборот, заводилась, и Семен видел в ее глазах искорки гнева и раздражения.

Разговор за столом не клеился. В самой атмосфере столовой витало нечто гнетущее и недосказанное. Семен отодвинул пустую тарелку.

На экране шел очередной репортаж. Прямая трансляция из Кабула.

Он заметил, как окаменело, напряглось лицо их гостьи. Лада сидела вполоборота к экрану телевизора, но ей не нужно было смотреть на экран — один звук чужой речи заставил ее побледнеть. Значит, он не ошибся, она действительно была на войне.

Кто такие моджахеды, Семен знал со слов дяди. Сейчас с экрана на него смотрели смуглые мужчины, демонстрируя небрежно переброшенные через плечо традиционные автоматы Калашникова, и их кривые усмешки в объектив видеокамеры с брони заляпанного грязью БТРа, который, видимо, уже стал у них основным общественным транспортом, выглядели более чем зловеще…

— Смотри, Семен, — вдруг тяжело вздохнул отец, мрачно кивнув на экран, — дождались. Теперь пальцы этих козопасов тоже лежат на ядерных кнопках…

— Ну, пап, не переживай так сильно, — машинально ответил Семен, пытаясь успокоить его. — Не так страшен черт…

— Для них война — это образ жизни, понимаешь? — не дал договорить ему отец. — Национальный вид спорта, как гольф для англичан и бейсбол для американцев. — Глянув на пустые тарелки, которые собирала со стола мать, он потянулся за початой пачкой сигарет. — Весь потенциал России или Америки представляет меньше опасности, чем

единственная ракета в таких вот руках… — закончил он свою мысль, прикурив сигарету.

— Сделать кофе? — не удержавшись от сокрушенного вздоха, спросила мать.

— Да, миленькая, сделай…

Семен любил смотреть на родителей в такие секунды. Они уже давно не замечают той нежности, с какой обращаются друг к другу. Но сейчас это очень заметно: черты лица у отца вдруг разглаживаются, становятся мягче, а мать, хотя он знал, что внутри у нее все кипит, — мать молча включает чайник и насыпает кофе в кружки, она видит, как тяжело переживает новости отец, и сдерживает свое негодование, не желая подливать масла в огонь.

— Не нервничай… — проходя мимо отца, она едва уловимо касается его плеча. — Выпей таблетку.

Лада, не принимавшая участия в разговоре, смотрела на них, а в груди стоял ком.

Если существовало в мире провидение, то оно вело ее от беды к беде, оберегая тем не менее от роковых, непоправимых ошибок. Надо было ей сесть в машину к Семену, войти в этот дом, чтобы понять — жизнь не ограничивается узкими рамками ее личного сознания, она намного превосходит черно-белое восприятие вещей.

У нее не получилось быть волком.

Лада вдруг поняла — она ничего не знает о жизни, ведь всего час назад она не подозревала о тысячах и тысячах душ, что сосуществуют рядом, живут за стенами каменных или бетонных коробок, — мир простирался вокруг, и она не знала его. До встречи с Колвиным ее сознание спало, ограничившись наполовину звериными, рефлекторными рамками убогого существования. Еда, сон, жара, холод, опасность — вот те несколько понятий, что определяли ее жизнь в городских трущобах…

В чем-то Колышев допустил промах.

Ее внутренний мир не просто остался жив под уничтожающим информационным прессингом — он болезненно потянулся к свету. Лада вдруг вырвалась из трясины на зыбкую поверхность жизненного болота и шла словно слепец, ощупывая податливую, колеблющуюся почву перед собой…

— Покажешь оранжерею? — долетел до ее сознания голос Семена.

Его отец погасил окурок и кивнул. На экране телевизора — дымящиеся ошметья дюраля и люди с носилками. Очередная авиакатастрофа…

* * *

В оранжерее ярко светили лампы, воздух нес сладкие флюиды прелых листьев, на кончиках тонких веточек влажно поблескивали слезинки росы. Скрытый где-то вентилятор с тихим шипением гнал воздух, заставляя листву дрожать и волноваться под его слабыми, ненавязчивыми эманациями.

Мать Семена тронула Ладу за плечо.

— Пойдем, я покажу тебе свое хозяйство, — предложила она. — Пусть мужчины поговорят.

Лада остановилась, не дойдя пары шагов по выложенному диким известняком проходу до торцевого окна, за которым волновалась пожухлая от жары листва старого клена.

— Здорово тут у вас, — призналась она, с наслаждением вдыхая воздух. — Как в раю…

Они отошли в сторону, но из-за стены экзотических растений до слуха Лады по-прежнему долетали голоса. Она не хотела подслушивать, но так получилось, что ее сознание воспринимало почти все, о чем говорили отец и сын.

— …Слушай, пап, что случилось? — повторил Семен свой вопрос. — У вас с мамой все в порядке?

— У нас — да.

— Тогда в чем дело? — спросил он, опускаясь в плетеное кресло у окна. — Почему вы такие мрачные? Что за похоронное настроение? Из-за этого крейсера? — Лада не видела его лица, но ощутила, что в этот момент Семен усмехнулся. — Ну не решатся они, пап, да и к чему? Нам-то что до их игр, ты ведь не президент, я не депутат, а мать не первая леди страны… Это не наши игры, понимаешь?

Отец кивнул, потянувшись за сигаретами.

— Игры не наши, это точно, — задумчиво ответил он, прикуривая. — Это не игры, Семен, — это жизнь. Знаешь, почему «Рузвельт» на орбите?

Семен промолчал. Откуда ему знать все хитросплетения закулисной политики?

— А я знаю. Потому что всю жизнь большинство из нас прожили по принципу — не мое дело. И мы с матерью тоже не остались в стороне. Это называется — кухонная демократия, может, слышал такой термин? Когда на кухне собираются несколько человек и костят на чем свет стоит и правительство, и Думу, и все на свете.

— Ну и что? — скептически переспросил Семен.

— Ничего, — признался отец. — На этом все и заканчивается. Проходит ночь, наступает день, и снова нужно выживать, работать, кормить семью, и сколько бы справедливого, умного или гневного ни было высказано ночью, оно так и оседает там, на стенах кухни. Мы разучились верить в то, что этот мир — наш, он существует для нас, а не мы для него.

— И что мне делать? — Семен начал понемногу заводиться. — Взять флаг и выйти на улицу? Стоять сутки напролет у американского посольства с корзиной тухлых яиц и орать во всю глотку, какие они козлы?

— Нет, — покачал головой отец. — По большому счету это нужно было делать нам, моему поколению. Но тогда все казалось другим. Страна была в кризисе, все проваливалось куда-то к чертям собачьим, и нам с матерью казалось главным одно — выжить, накормить тебя, не обозлиться, не осатанеть в этой ежедневной борьбе с нищетой, хамством, беспределом… Отсюда и появился этот дом, и наши немногочисленные друзья, и твое одиночество без сестер и братьев… Понимаешь, Семен, это целая философия части нашего поколения. Представь, мы жили в стране, где декларировалось всеобщее равенство. Мы были молоды. Нас воспитывали в духе той страны, и лично я верил в то, что мне говорят. И вдруг, вернувшись из армии, я понял что-то не так. Тогда я был далек от понятий государственных переворотов, смены общественного строя, капитализм, социализм — все было разложено в моих мозгах по своим полочкам еще в школе. Жизнь представлялась ясной и незыблемой…

— Честно говоря, мне трудно представить…

— И слава богу, Семен… Слом сознания — это, скажу тебе, жуткая вещь. Она творит с людьми такое… — вздохнул он, стряхивая пепел. — Мы разделились, распались, разошлись по разные стороны пропасти в считанные годы. Говорят, гражданская война — это верх человеческой жестокости, когда брат идет против брата, а сын — против отца. Может быть… Я не воевал — нас отнесло от этого, но было хуже, сынок. Наступил гражданский раскол. От гарантированной всем поровну среднестатистической нищеты к мгновенному расслоению на очень богатых и очень бедных. Наступила причина, следствием которой могла быть гражданская война.

— Ну это естественный процесс, пап. Менялся строй, ломались устои…

— Да… — согласился он. — А меж жерновов оказались люди…

— Зачем ты сейчас рассказываешь мне все это?!

— Чтоб ты понял. Тебе жить дальше. Я буду плохим отцом, если заставлю сына наступать на те грабли, что однажды уже оставили шишку

на моем лбу.

— Наше поколение многие называют потерянным… — вдруг глухо произнес он. — Но они ошибаются, эти аналитики. Мы прожили трудную, но по-своему счастливую жизнь. И в самые плохие минуты уповали на то, что разум победит, наши дети встанут на построенное нами, как на прочный фундамент, и будут жить… Но мы ошиблись, понимаешь?! — Он вдруг резко обернулся и посмотрел на сына. — Думаешь, это старческий маразм? Нет, Семен, я вижу то, чего не видишь ты: страна поднялась, а весь мир вокруг рухнул. Слишком поздно мы опомнились. Жить в мире, которым правит страх, — худшей судьбы я бы не пожелал детям своих врагов.

— Какой страх, отец? — Теперь Семен понимал, что он имеет в виду, но продолжал упрямиться.

— Ядерное оружие в руках стран, чье общество построено на терроре кланов и междуусобицах!.. Прокоммунистический Китай, люто ненавидящий Америку, и американские крейсеры на орбитах Земли. Исламские фанатики, что сеют террор по всему миру, — теперь и они потрясают ракетами. Ты знаешь, что такое фанатизм, сын? Это когда вбитые тебе в голову чувства полностью подавляют всякий разум! — не дождавшись ответа, резко произнес он. — В 1963-м, когда я еще не родился, Земля уже стояла на пороге ядерной войны. Знаешь, чего тогда требовал Китай от своего «старшего брата» по коммунизму — Советского Союза? Они требовали, чтобы мы нанесли превентивный ядерный удар по Америке и странам Запада, с тем чтобы «построить на обломках капитализма новое счастливое общество».

— Так и что теперь? Не жить?! — Семен уже не на шутку начал злиться. — Волков бояться — в лес не ходить!

— Да, но, отправляясь в лес, умный человек возьмет с собой средство против этих самых волков или выберет тот лес, где их меньше!

— Не понимаю!

— А ты подумай!

Подумай… Очень легко так сказать. Внутренне, подспудно Семен понимал, что отец прав — жить в нашем мире при некотором внешнем благополучии становится страшно. Но что делать? Куда от этого денешься?! Он интересовался историей и знал, что во времена Хрущева на Западе, где люди в то время были информированы больше, чем в России, и ясно представляли себе масштаб нависшей над миром угрозы, они рыли под своими домами ядерные убежища, складировали там продукты и оружие, во времена кубинского кризиса даже ночевали там… К чему же

тогда его подводит отец, который с раннего детства талдычил сыну, что главным инструментом для выживания у любого человека является разум?.. Он что, предлагает зарыться под землю, как кроту, и сидеть там в ожидании апокалипсиса?!

Нет, зная родителей, зная себя, Семен понимал — это не выход…

Заметив его замешательство, отец вернулся за стол.

— Сынок, ты должен эмигрировать с Земли… — вздохнув, произнес он.

В груди у Семена вдруг что-то оборвалось, будто там внезапно образовался вакуум.

Да что он такое говорит, на самом-то деле!

— Эмигрировать?! — машинально переспросил он. — Куда, позволь тебя спросить?!

— На Ганимед, — твердо, не раздумывая, ответил отец, и по его уверенному тону Семен понял, что они с матерью провели не одну бессонную ночь, обсуждая этот вопрос, — вот откуда тревога в их голосах по телефону, настойчивые просьбы о встрече…

«Опять они хотят решить за меня мою же судьбу!» — раздраженно подумал он. Ганимед… Это звучало по меньшей мере смешно, — как они могли предлагать ему улететь туда, если билет на межпланетный лайнер в один конец стоил больше, чем он зарабатывал за год! Не говоря уже о виде на жительство и прочих заморочках типа теста на АЙ-КЬЮ и иных достаточно жестких ограничениях…

— Послушай, Семен, это в последний раз… — Голос отца был тверд.

— Да, я понимаю, вы хотите мне добра.

— Это так. В свое время мы не пустили тебя в мелкий бизнес, заставили пойти по пути наибольшего сопротивления. Ты теперь жалеешь об этом?

Здесь он не мог возражать или спорить. Семен не жалел. В его дипломе было черным по белому написано «Инженер-конструктор опорно-двигательных систем и манипуляторов сервоприводного типа». Сегодня, когда начался промышленный бум роботостроения, эта специальность (к слову сказать, любимая и желанная) стоила любой сети мелких магазинчиков.

— Хорошо, давай подойдем к проблеме объективно… Что нужно для эмиграции?

— Прежде всего деньги, — буркнул Семен, не желая даже обсуждать данную тему. Улететь с Земли? Внутренне все его существо возмутилось против подобной перспективы. Бред какой-то! Да что я буду делать на

лунах Юпитера?!

— О деньгах позже, — отмахнулся от его аргумента отец.

— Тесты, анкета, образование, здоровье… — вздохнув, перечислил Семен строки из рекламы. Все равно эта идея казалась ему заранее обреченной на провал, так почему бы и не ответить на пару-тройку вопросов?..

— Вот именно, — кивнул отец, согласившись с оглашенным списком требований. — Давай рассуждать здраво, — предложил он. — На Ганимед может улететь очень ограниченное количество народа, и прежде всего туда попадают люди умные, с высоким уровнем интеллекта, духовно богатые, имеющие высшее образование и современные специальности. Теперь подумай, каким будет общество, составленное из таких личностей?

Лада, скрытая стеной растений, вздрогнула.

Мать Семена на минуту оставила ее одну, в дальнем углу оранжереи, спустившись вниз, чтобы заново поставить чайник. Было видно — она нервничает по поводу разговора отца с сыном и ей невыносимо ожидать его окончания.

Лада стояла, всматриваясь в едва прикрытый чахлой зеленью урбанистический пейзаж, что простирался за панорамным окном зимнего сада, и невольно продолжала прислушиваться к долетающим до ее слуха фразам. Ей казалось, что этот пожилой человек разговаривает с ней, а не с собственным сыном…

— Не знаю, — откровенно пожал плечами Семен, отвечая на предыдущий вопрос. — Пап, я не верю в утопии. Подумай сам, началось третье тысячелетие, и проповедовать идеи Сен-Симона *сейчас* по меньшей мере наивно, согласись

Он не согласился, чего и следовало ожидать.

— В любом случае, даже если допустить, что девяносто процентов той информации о колонии Ганимеда, что поступает на телевидение и прессу, не более чем рекламный трюк, даже в этом случае там живут умные люди, отдающие себе отчет в том, что они делают, внутренне и физически здоровые, свободные от большинства пороков цивилизации, таких, как наркотики, войны, расовая и религиозная ненависть… Если Земле суждено погибнуть или превратиться в отстойник для неудачников и дегенератов, то возрождение цивилизации в конце концов начнется именно оттуда, с одной из колонизированных лун Юпитера!..

Его речь была страстной и убежденной.

— Я допускаю, что на Ганимеде нет райских кущ, как то живописуют рекламные ролики, да и глупо в это верить, ведь с момента основания

колонии прошло всего двадцать лет. Думаю, что там едва ли появилась первая растительность, способная выжить вне герметичных оранжерей. Но это не пугает, а радует меня, — люди там оказались ближе к земле, они сумели оценить, что значит для человека каждое растение, каждая кроха зелени. Не думаю, что они способны без оглядки и удержу начать вдруг уничтожать ту экосистему, что создают своим потом и кровью. Значит, следуя элементарной логике, Ганимед и подобные ему поселения до определенного времени останутся зелеными оазисами, где живут люди, осознающие значение живой природы… Это еще один плюс. И в-третьих, хочу тебе заметить, колония, в которую не сливают помои, а собирают сливки цивилизации, надолго останется уникальным хранилищем генофонда, поставщиком неординарных личностей…

У Лады вдруг начала кружиться голова.

Очевидно, что она больше, чем другие, была подвержена понятию «логика». Ей внезапно приоткрылась дверь в тайный, неизвестный доселе мир, который ее разум воспринял сразу и без оглядки, воспринял именно так, как то пытался внушить Семену отец, — как мечту…

— Послушай, — долетел до нее резкий ответ Семена. — Все равно, раз такой разговор случился, скажу прямо: даже при невероятном стечении обстоятельств, допустим, я пройду все тесты, окажусь пригоден по здоровью и психической карте личности, найдется какой-то мифический спонсор, который вдруг согласится профинансировать мой отлет, даже в этом случае я вас не брошу.

— Глупо, Семен! — с внезапной резкостью в голосе заметил отец. — Я не собираюсь повиснуть гирей на твоих ногах. Пора бы понять, что мы с матерью не из разряда тех родителей, что приковывают детей к своей постели, ломая их судьбу. Лично для меня будет легче от одного сознания, что этот мир может идти своей дорогой, а ты пойдешь своей. А что касается денег, сынок, то мы уже решили этот вопрос. — Лада услышала тонкий шелест протянутых Семену бумаг.

— Что это? — подозрительно спросил он.

— Почитай. Это договор-завещание. Ты же знаешь, строительные компании давно точат зубы на наш участок.

Лист плотной пластбумаги дрогнул в его руках.

«Наш дом?! — со смятением подумал Семен. — Неужели отец…»

Да, это было именно так.

Пробежав глазами по ровным машинописным строчкам, он понял, что дом и вся принадлежащая ему территория отходили во владение агентства по недвижимости, как при обычном завещании, написанном по последнему

члену семьи. Это означало, что мать и отец будут жить тут, как и прежде, пока не скончаются. Только после их смерти сюда сможет подойти первый бульдозер…

Единственным условием, при котором вступал в силу данный договор, была полная оплата со стороны агентства всей подготовительной процедуры тестирования и его непосредственного отлета на Ганимед.

У Семена вдруг отчего-то запершило в горле.

Он в одну секунду припомнил все: детство, юность, то, как родители вкалывали, на его глазах превращая старую развалину в надежный, удобный дом, который всегда с неизменной гордостью называли не иначе как «наша крепость».

Видимо, отец почувствовал, что творится сейчас в душе сына, подошел к нему, тронул за плечо и сказал:

— Тебя никто не заставляет, Семен. Просто подумай. Подумай обо всем, что услышал сегодня. В конце концов существует пространственная связь, и звонок с Ганимеда ничуть не хуже разговора по сотовому. Будь взрослым и будь мужчиной, подумай о той семье, которая у тебя рано или поздно появится, о своих детях, об их будущем. И не забывай, чему я тебя учил в детстве. Главный инструмент выживания человека — это его разум, способность предвидеть и загодя принимать решения.

Что он мог ответить ему?..

…Стоя у окна, Лада плакала, не осознавая, что делает. Она уже поняла: ей многое придется потерять и еще больше переоценить в своей жизни… Слишком горько оказалось думать о том, что она была марионеткой. Всего несколько часов назад ее выстрел мог смять, скомкать жизнь этих людей, как ненужную бумагу…

Она не имела морального права находиться тут.

Она хотела бы подойти к отцу Семена, но не нашла в своей душе ни слов, ни сил.

У нее была своя жизнь. Где-то поблизости ее возвращения ожидали двое в «Лендровере»… За тысячу километров отсюда в вязкой, наполненной страхом тишине квартиры сидел Колышев — окончательно свергнутый с пьедестала божок… В одной из комнат той же квартиры лежал подключенный к аппаратуре поддержания жизни Антон Петрович…

Спустившись вниз, Лада огляделась, но матери Семена нигде не оказалось — ни в столовой, ни в коридоре.

Облегченно вздохнув, она взяла свою сумку, ощутив вес спрятанного в ней оружия, и вышла, плотно притворив за собой дверь.

* * *

Машина поджидала ее на краю парка.

Двое, что сидели в сумеречной прохладной тиши салона, напряженно смотрели в одну и ту же сторону: на красный забор с металлической калиткой, откуда должна была появиться Лада.

— Почему она вошла внутрь? — нервно комкая край носового платка, спросил тот, что был за рулем.

Его спутник промолчал. Он уже высказал все, что мог, по данному поводу и теперь просто ждал развязки событий.

Она появилась внезапно.

Бесшумно отворилась калитка, и в тени парковой аллеи прозвучали ее шаги.

На этот раз на ней не оказалось солнцезащитных очков. Лада шла, не оглядываясь назад и не озираясь по сторонам. Ее губы были сжаты в горестную, упрямую линию, кисть правой руки тонула в глубинах перекинутой через плечо дорожной сумки.

— Там пистолет, — без колебаний констатировал водитель.

— Это ничего не меняет, — негромко ответил пассажир. — Я справлюсь сам. Нет смысла рисковать.

— Но…

— Никаких протестов. Я был прав, — открывая дверь машины, произнес он.

В этот момент Лада, уловив звук отчетливо клацнувшего замка, начала резко поворачиваться, и одновременно на темной ткани дорожной сумки в такт ее движению выросла небольшая выпуклость, там, где изнутри в нее уперся пистолетный глушитель.

Она завалила все. Все испытания, тесты, все, что только было возможно завалить. Позволила обвести себя вокруг пальца, и теперь ей уже было все равно. Она понимала, что приговорена тем непонятным, неведомым ей кругом обстоятельств, что сомкнулся вокруг нее жестоким, неразрывным кольцом.

Двое из «Лендровера» наверняка поджидали ее тут.

В ее душе царила абсолютная пустота. Покинув дом, Лада вдруг отчетливо поняла, что там, вместе с отчаянным бессилием, осталась и ее непрожитая жизнь. Теперь она уже точно не сможет ничем помочь ни себе, ни Антону, — скорее всего именно тут, в этом парке будет поставлена жирная точка в списке ее мучений…

Она не ошиблась.

От звука хлопнувшей сбоку дверцы по ее коже прошел озноб.

Поворачиваясь на звук, она одновременно чуть надавила на курок, так, что палец заныл на упругой собачке спускового механизма…

— Лада!..

«Это НЕ ТА МАШИНА!..» — метнулась в ее сознании отчетливая запоздалая мысль, но рефлекторное движение пальца уже невозможно было остановить — ткань дорожной сумки прорвалась маленьким обгорелым пятнышком…

Из простреленного радиатора «Волги» с правительственными номерами ударила шипящая тоненькая струйка перегретого тосола…

— Антон!..

Костюм с чужого плеча мешковато сидел на его исхудавшей фигуре. Лада остановилась, словно обезумев… Она НЕ ВЕРИЛА ТОМУ, ЧТО ВИДЕЛА…

Это был Колвин. Похудевший, с землистым лицом, заострившимися чертами — точно такой, каким она видела его несколько дней назад, неподвижного, застывшего в состоянии между жизнью и смертью, под постоянным попискивающим контролем реанимационных аппаратов…

Это был он…

Тонкие дрожащие пальцы Лады непроизвольно поднялись к лицу, зажимая рот. Сумка, соскользнув с ее плеча, глухо стукнула о землю.

Живой…

— Антон… — вдруг поверив в его реальность, горестно выдохнула она и, уже не состоянии удерживать брызнувшие слезы, кинулась к нему.

— Ладушка… — Он неловко прижал ее к себе, сам еще не до конца веря в то, что все происходит на самом деле.

В салоне министерской «Волги» водитель в чине полковника контрразведки сидел, потрясенно переводя взгляд со струйки бьющего вертикально вверх пара из простреленного радиатора машины на Антона Петровича и Ладу, которые, не замечая ничего вокруг, стояли, опершись о простреленный капот, и смотрели друг другу в глаза, не говоря больше ни слова.

У них не было слов. Да они в некоторых ситуациях ни к чему для людей, чьи души только что прошли свой личный тест на ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

— Ну, Антон Петрович… — наконец, очнувшись от транса, пробасил полковник, открывая дверь. — С меня ведь врачи голову снимут, ей-богу!

Казалось, они по-прежнему не слышат его.

— Как же, Антон? — тихо спросила Лада, наконец оторвав мокрое от

слез лицо от его плеча.

— Я просто очнулся, Ладушка… — так же тихо ответил он, проведя дрожащей рукой по ее короткой стрижке. — Очнулся и позвонил куда нужно… — За скупыми словами Колвина таилось много больше, чем пространный рассказ о свершившихся в ее отсутствие событиях. Лада слишком хорошо представляла себе, КАК ЭТО БЫЛО…

— А Колышев? — вздрогнув, спросила она.

— Его арестовали. С этим иудой еще будут разбираться. А тобой заинтересовались в службе внешней разведки… — вдруг виновато сообщил он.

— Ага… — Она вдруг горько улыбнулась сквозь слезы. — Я никуда не гожусь, Антон. Я не смогла доказать, что я…

— Ты доказала, Ладушка… Ты доказала то, что ты — Человек…

За их спиной в салоне «Волги» тонко пискнул зуммер связи.

— Да? — ответил полковник, сняв трубку внутреннего радиотелефона. — Да, это я. Операция закончилась. Да, все в порядке. Все, что говорил о ней Колышев, подтвердилось, — чуть понизив голос, доложил он. — Реакция феноменальная. Она сумела изменить траекторию выстрела буквально в момент вылета пули. Да, своими глазами видел. Что? Нет времени? Почему?

— Американцы произвели подвижку спутников на орбитах Ганимеда, — ответил ему голос в трубке. — Это значит только одно — они знают про объект. Так что смотри, у нас осталось времени всего ничего. Вербуй как хочешь, но если слухи о ее возможностях не преувеличены, то она нужна мне в составе группы.

— Сомневаюсь… — еще тише ответил полковник, покосившись на Ладу и Колвина. — Она не пройдет медицинского осмотра. У нее ведь половина костей — биомеханические протезы…

— Это не твое дело. Внедрим на борт нелегально. Главное, чтобы она не отказалась. И еще… — выдержав паузу, добавил голос. — Смотри поосторожнее с Колвиным. Напортачишь — голову сниму.

Часть III. Луны Юпитера

Глава 10

Ганимед. 25 августа 2029 года. Район станций атмосферной переработки

— Двенадцатый, здесь Седьмой. Выхожу в точку десантирования…

— Седьмой, слышу вас хорошо.

Десантный модуль ВКС США резко накренился, описывая петлю над местом предполагаемой посадки. Внешне летательный аппарат напоминал иссиня-черного, отполированного до блеска жука-скарабея — выдвинутые из-под брюха телескопические посадочные опоры делали его разительно похожим на это древнее насекомое, а два вращающихся в шарнирных искателях прожектора, чьи лучи жадно облизывали клубящуюся паром и пылью поверхность Ганимеда, сильно напоминали вывороченные в разные стороны, горящие недобрым, ослепительным огнем глаза какой-нибудь мифической твари.

Внизу, в районе контрольного купола станции переработки атмосферы, порывистый ветер рвал тяжкий саван молочно-желтых испарений, свивая из эфемерной субстанции спиральные фигуры смерчей, которые блуждали меж навигационных огней телеметрических вышек, словно покинутое пастухом стадо…

— Приготовиться! — Резкий голос командира десантно-штурмовой группы заставил бойцов вскочить, придерживаясь за идущие под потолком отсека поручни, и выстроиться в две шеренги по обоим бортам машины, напротив закрытого зева десантной рампы.

Тяжелый модуль мотало в вихрящихся турбулентных потоках, будто щепку в водовороте океанской бури; впервые в своей практике два пилота не смогли осуществить посадку при первом заходе — на их пути внезапно выросло препятствие в виде перевернутой бесноватым ветром емкости из-под химических реактивов…

— Второй заход, сэр, — доложил по внутренней связи командир спускаемого аппарата.

Лейтенант Броган кивнул, хотя пилот и не мог этого видеть. Офицер, так же как и солдаты, стоял в проходе меж двумя рядами покинутых противоперегрузочных кресел. Его экипировка серого цвета напоминала нечто среднее между космическим скафандром и обычной амуницией десантника. В этот момент его кислородный аппарат был спущен ниже

подбородка, открывая широкое загорелое лицо с крупными угловатыми чертами.

Броган считался профи высшей пробы. Он прошел все мыслимые «горячие точки» Земли и боролся за право попасть в экипаж «Гарри Трумэна». На испытаниях, предшествующих его появлению на борту, врачи удивлялись железному здоровью и абсолютной уравновешенности психики этого офицера.

Сейчас, глядя на застывшее лицо Рилла Брогана, по которому метались красноватые блики от предупреждающих сигнальных огней, что вспыхнули по всей площади отсека за несколько секунд до того, как модуль начал окончательное снижение, нельзя было в точности определить, что за мысли роятся в голове командира десантно-штурмовой группы, но в глубине его серых глаз таилось в данный момент нечто, что могло бы не только заинтересовать, но и обеспокоить тестировавших его на Земле психологов.

В глазах Брогана почти отсутствовал белок.

Они были серыми, с черной поволокой. Непомерно расширившиеся зрачки поглотили почти всю площадь глазных яблок — то же самое можно было наблюдать во взгляде его подчиненных, таких же, как он, молодых, десятки, если не сотни раз проверенных на психическую совместимость и устойчивость, — они казались собранными, дисциплинированными и… неживыми.

В их взглядах, устремленных в одну точку, а именно к закрытой десантной рампе, не отражалось никаких чувств Солдаты, которые готовы выполнить свой долг. Солдаты, призванные защитить нацию. Отменные бойцы, у которых присутствовал свой неписаный кодекс чести. Профессионалы.

Девять месяцев в тесных отсеках космического корабля, наедине с самим собой, чернотой бездонного космоса и ровно сияющими шеренгами сигналов на неживых приборах.

Девять месяцев личного ада для каждого из них…

«Гарри Трумэн» оказался способен доставить свой экипаж почти что на другой конец Солнечной системы, но он не мог сохранить в такой же целости их души, как сохранил физически сильные, здоровые тела…

Этот корабль не конструировали для транссистемных перелетов. Он был первенцем, и, как у любой ПЕРВОЙ модели, многие его составляющие оказались отданы не в угоду людям, а в дань надежности и функциональности.

— Приготовиться!

Сигнал, раздавшийся по внутренней связи, привел к заметному оживлению среди застывших как изваяния фигур. Они скупыми заученными движениями натягивали укрывающие пол-лица кислородные маски и опускали пластиковые забрала боевых шлемов, которые вставали на место с резким чавканьем герметизирующих уплотнителей.

Не было ни привычных по земным операциям ободряющих шуточек, ни лишних жестов — ничего, будто Дальний космос действительно пожрал их разум, оставив там лишь черноту…

Солдаты действовали четко, слаженно, и когда десантная рампа дрогнула и начала открывать свою пасть, первая двойка спокойно, деловито шагнула вперед и выпрыгнула в вязкую, наполненную беснующимся туманом мглу

Они были готовы встретиться лицом к лицу с любой мыслимой опасностью.

Где-то в невидимой отсюда фиолетовой вышине, среди заметных даже днем звезд двигалась по своей орбите смутная темная тень «Гарри Трумэна», совершившего свой тайный беспрецедентный рывок к Ганимеду.

Новый, недавно созданный на лунных стапелях транссистемный корабль «Бета» разгрузился и убыл к Земле два месяца тому назад. До прибытия «Альфы» оставалось меньше двенадцати часов.

* * *

— Купол молчит, сэр! — доложил компьютерный техник, вытаскивая контактные разъемы из кабеля связи, змеящегося по стене полусферического здания. — Либо внутри никого нет, либо они не в состоянии выйти на связь.

Выслушав техника, Броган устремил свой взгляд вперед, туда, где в десятке метров от них сиротливо горел направленный параллельно земле прожектор. «Скверно…» — подумал он, глядя, как Хогинс прячет свой тестер. Лейтенант знал — в куполе должны находиться два оператора. План изъятия объекта предполагал их молниеносный захват и нейтрализацию при помощи специального препарата. Очнувшись через несколько часов после убытия группы, те даже и не вспомнили бы о их посещении…

По бокам от командира застыли двое десантников. Стволы их автоматических штурмовых винтовок были направлены в разные стороны.

— Эндрюс, Шеборт, — вперед! — приняв решение, скомандовал он. — Действуй, Марк, — обратился он к технику.

Три фигуры короткими перебежками двинулись ко входу в купол.

Ветер по-прежнему заунывно выл, заблудившись в узких проходах между постройками процессорной станции. Его шквальные порывы гнали по мертвой земле песок и камни.

— Двенадцатый, докладывает Седьмой, — проговорил Броган в коммуникатор. — Никого не обнаружил. Связь с куполом не установлена. Осуществляю попытку проникнуть внутрь.

— О'кей, Рилл, ты все делаешь верно. Держи нас в курсе. Объект севернее тебя, приблизительно в полутора километрах от процессорной станции. Мы уже готовы принять груз на борт. Постарайся сработать без инцидентов.

Пока он докладывал на борт о ходе операции, техник достиг шлюзовой камеры купола, и минуту спустя массивная плита внешнего люка дрогнула, отодвигаясь в сторону.

Двое десантников, припав на одно колено под прикрытием выступающих по бокам шлюза надстроек, направили свое оружие внутрь открывающейся переходной камеры.

Там было пусто.

Группа захвата вошла в шлюз, и плита медленно поползла на место.

* * *

— Это все? — Лейтенант Броган посмотрел на темно-коричневую кляксу от пролитого кофе, которая растеклась по скошенной панели пульта управления и уже высохла на нем, покрыв сенсорные переключатели тонкой липкой пленкой.

— Так точно, сэр. В помещении никого. По штату тут должны находиться двое сотрудников.

— Марк, что, по твоему мнению, тут произошло? — обратился он к технику, который колдовал над панелью компьютера.

— Они потеряли связь с автоматами, работающими на леднике. Туда отправился дежуривший в тот момент оператор, некто Андрей Загулов, русский по национальности. Его сменщица, Дженифер Руш, оставалась в куполе. Никаких дополнительных сведений о ней нет. Только запись о том, что Загулов пошел проверить ретранслятор телеметрических сигналов.

— Хорошо. Мы выходим. Группа захвата покидает здание! — произнес он в коммуникатор, опуская герметичное забрало своего шлема. — Двигаемся в сторону ледника. Соблюдать максимальную осторожность — там могут оказаться люди.

«Едва ли мы найдем их живыми», — подумал про себя лейтенант, переступив порог шлюза. С момента последней записи в журнале дежурств

прошло уже около шестнадцати часов. Человек в скафандре мог прожить на поверхности Ганимеда вдвое или даже втрое больше, невзирая на ядовитую атмосферу в районе переработки, но, следуя логике, оставалось спросить — почему они не устранили неполадки и не вернулись в купол?

Личный опыт подсказывал Брогану только один ответ: ни Загулов, ни Руш не смогли вернуться, потому что были мертвы.

По какой причине?

Это как раз и предстояло выяснить лейтенанту.

* * *

На поверхности, вне стен купола продолжал царить сущий ад.

Казалось, что рожденные тут человеческим вмешательством стихии только и ждали того момента, когда приборы прекратят свой неусыпный контроль над их буйным перерождением. Вот тут-то процессы новообразования атмосферы и почуяли волю.

Если сутки назад все происходящее в районе ледника можно было назвать контролируемой рукотворной катастрофой, то теперь в окрестностях купола, похоже, вовсю властвовала слепая стихия, сбросившая с себя узду каких-либо коррекций.

Расположенные по кругу семь процессорных станций уже не просто ревели, они выли, вторя дикому свисту ветра.

Эпицентр бури исторгал во все стороны миллионы тонн ядовитой газообразной смеси, и аппараты первичной переработки уже не могли справиться с количеством поступающего к ним отравленного новорожденного воздуха.

— Пользуйтесь тросами! — приказал командир, обнаружив ведущие в сторону ледника мономолекулярные канаты, которые не мог поколебать даже неистовый ветер. Они лишь гудели, пропуская мимо себя тонны стремительно летящих в разные стороны воздушных масс.

Сержант Шеборт двигался на правом фланге группы.

Как и Броган, он был высок, имел монументальное телосложение, уравновешенный характер и немного грубоватые, броские черты лица, которые в данный момент скрывали опущенные светофильтры герметичного шлема.

Не найдя каретки, он передвигался, просто перебирая своими здоровыми ручищами по тросу. Автоматическая винтовка, направленная стволом вниз, болталась у него за спиной. Ремень оружия был отпущен таким образом, что сержант мог в любой момент открыть огонь — для этого ему требовалось лишь совершить резкое движение плечом, и оружие

тут же оказывалось у него в руках.

Упрямо шагая вперед в клубящейся желтовато-серой мгле, сержант не испытывал ни страха, ни беспокойства. Ради этих минут они преодолели чертову уйму пространства, и он, помня о том, сколько им пришлось пережить в тесных отсеках «Гарри Трумэна» на пути сюда, просто не мог позволить себе проявлять сейчас какие-либо эмоции.

Он был уверен в себе, в своем командире, в своих подчиненных, в космическом корабле, что поджидал их возвращения на орбите, наконец, в своей стране, интересам которой он служил… Эта уверенность питала их всю дорогу сюда, заставляя здоровых мужиков, ютящихся в тесных отсеках, отделенных от бездны космоса лишь относительной защитой корабельной обшивки, день за днем повторять про себя, как какую-то ритуальную молитву: «Я СОЛДАТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ»…

Это звучало гордо, но по мере того, как Земля растворялась в глубинах космоса, а корабль погружался в безмолвный мрак Великого Ничто, чувство гипертрофированного патриотизма уже не казалось таким незыблемым и вечным, наоборот, их страна, оказывается, — лишь пятнышко на глобусе Земли, а сама Земля — только слабая искра в бездонном мраке, а вот этот самый мрак как раз бесконечен, вечен и необъясним…

Выходит, что, перебирая руками по мономолекулярному тросу, сержант Шеборт ТОЛЬКО ДЕЛАЛ ВИД, ЧТО ПОЛНОСТЬЮ СПОКОЕН.

На самом деле его душу грыз страх. Страх перед вечностью, непостижимость которой он вкусил в полной мере на борту «Гарри Трумэна».

И те существа, что пришли из этого мистического, подавляющего мрака, не могли ассоциироваться в разуме Шеборта с милыми, долгожданными братьями…

* * *

— Сэр, я что-то обнаружил! — Голос Марка Хогинса, компьютерного техника группы, прозвучал взволнованно, если не сказать — испуганно.

— Стой на месте! — мгновенно отреагировал Броган. — Я иду к тебе. Шеборт, подстрахуй нас!

— Есть, сэр.

Преодолевая сопротивление ветра, который по мере продвижения группы к леднику стал несколько слабее, лейтенант Броган, согнувшись, пошел по направлению сигнала от рядового Хогинса, который выделялся

на небольшом экране внутри его гермошлема яркой пульсирующей точкой.

— Что ты разглядел, Марк? — спросил он, ободряюще хлопнув рядового по плечу.

— Вот там, сэр, с наветренной стороны ретранслятора телеметрии! — хрипло произнес Хогинс, направляя в ту сторону свет от своего фонаря. — Мне кажется, это катафот скафандра.

Действительно, у подножия ретранслятора, от которого до ледника оставалось не больше трехсот-четырехсот метров, лежала какая-то бесформенная серая масса, больше похожая на кучу старого обветшалого тряпья, чем на человеческую фигуру, но там, среди смутных, мягко и как-то неприятно очерченных контуров действительно весело блеснул огонек световозвращающего покрытия.

Броган хорошо знал инструкции. Как бы ни хотелось ему самому пойти туда, чтобы выяснить, в чем дело, он был вынужден отдать этот приказ Шеборту:

— Майкл, посмотри, что это такое.

Сержант медленно отделился от их группы и пошел по направлению ретранслятора.

— Всем внимание, — предупредил остальных бойцов Броган.

Внезапно сбоку от него, со стороны ледника, сквозь туманную мглу начало пробиваться какое-то зарево. Свечение имело малиновый оттенок. Лейтенанту показалось, что его возникновение как-то связано с движением Майкла Шеборта — словно сержант переступил некую незримую черту, и сразу же сбоку появилось это неприятное, призрачное сияние.

Впрочем, в первый момент он отметил его появление лишь краем сознания — все мысли и внимание командира оказались сосредоточены на бесформенной куче у подножия ретранслятора.

Преодолевая сопротивление ветра, Майкл подошел почти к самому основанию ажурной многометровой конструкции. Мимо него в воздушном потоке пролетело несколько обломков легкого вулканического туфа, потом порыв ветра, словно забавляясь, поднял с земли мутный пылевой смерч и осыпал сержанта шуршащим дождем песка.

Бархан такого же песка намело у подножия ретранслятора телеметрии, вот почему лежащий у его подножия предмет имел такие сглаженные, мягкие очертания — он оказался почти полностью засыпан частичками бурой колючей пыли…

Майкл присел на корточки и осторожно провел рукой по вершине этой своеобразной песчаной дюны.

Неистовый ветер радостно подхватил его усилие, слизывая

освобожденный рукой сержанта песок.

— Что там, Майкл?! — раздался в коммуникаторе голос лейтенанта Брогана.

Шеборт медленно закрыл глаза.

«Спокойно, сержант… спокойно…»

Аутотренинг уже не мог помочь — все его возможности оказались исчерпаны давным-давно, еще на борту «Гарри Трумэна».

Майкл разлепил внезапно отяжелевшие веки и вдруг отрешенно подумал о том, что он знал — будет именно так. Этот вселенский мрак не мог породить ничего родственного, совместимого с родной, уютной Землей.

ОТТУДА могли прийти только враги, потому как ни одно нормальное существо не сможет существовать среди этой кричащей пустоты…

Из-под песка на него смотрело посиневшее лицо мертвого человека. В его широко раскрытых, остекленевших глазах застыло выражение нечеловеческого ужаса. Лицевой щиток шлема был разбит.

Вдребезги.

— Майкл, черт тебя раздери, что с тобой?! Голос лейтенанта привел Шеборта в чувство.

— Я думаю, что это Загулов, сэр, — поднявшись с колен, произнес сержант. — Он мертв. Его кто-то убил.

Свечение на леднике разгоралось все ярче — теперь его уже было невозможно игнорировать.

— Шеборт, возьми себя в руки! — резко приказал Броган. — Он мог просто упасть и разбить забрало!

— Да, сэр.

В голосе сержанта прозвучали незнакомые командиру нотки.

Он на мгновение ощутил растерянность Шеборт не верил ему. Впервые за много лет, что они провели вместе, в словах сержанта прозвучало открытое сомнение. Броган вдруг ощутил, насколько напряжены нервы у всего взвода, как давит на людей неизвестность, помноженная на абсолютнейшую чуждость простершегося вокруг мертвого мира…

Вызвав десантный модуль, он потребовал от пилота связь с бортом «Трумэна».

— У станции телеметрии обнаружен труп одного из операторов, — доложил он. — Со стороны ледника наблюдаю странное свечение малинового цвета.

— Рилл, вы должны взойти на ледник, — раздался в ответ голос

командира корабля. — Задача твоего взвода — изъять оттуда прямоугольный объект внеземного происхождения. У нас осталось мало времени. Слишком мало! — резко повторил командир. — Броган, ты должен это сделать, «Трумэн» не может прятаться от следящих систем Ганимеда до бесконечности. Как только будете готовы, вызывайте свой модуль, — на нем есть специальное устройство, которое выполнит функцию погрузчика. Тебе ясно?

— Сэр, мы не нашли второго оператора, — осторожно напомнил командиру Броган. — Здесь происходят непонятные вещи. Возможно, что Загулов погиб не в результате несчастного случая.

— Я все понимаю, — ответил ему Кински. — Но у нас приказ, Рилл. Вторым оператором пусть занимаются местные власти. Наша задача — изъять объект и исчезнуть, пока нас не обнаружили. Это все. Выполняйте.

— Так точно, сэр… — голос Брогана чуть дрогнул. Он повернулся, посмотрев в сторону малинового сияния.

— Двигаемся к леднику, — приказал он.

Цепь людей снова пришла в движение, повернув прямо на источник призрачного света.

Сержант Шеборт на секунду задержался, бросив взгляд на оставленный ими труп. Песок уже почти полностью скрыл расколотое забрало и искаженное мгновенной агонией лицо.

Он вдруг подумал о том, что на Земле они никогда не поступили бы подобным образом.

Там они были солдатами США, крутыми парнями, охранявшими интересы справедливости, а тут…

Тут они оказались маленькими, эгоистичными пылинками, утратившими чувство справедливости, вцепившимися мертвой хваткой в понятия «приказ» и «субординация», только ради того, чтобы не думать, заглушить разросшийся до непотребных размеров страх и не признать, что они испуганы.

* * *

Малиновый свет разрастался, становясь четче, осязаемее, — вернее, осязаемой казалась подкрашенная им мгла клубящихся испарений, но и источник этого зарева явно приближался.

Растянутая же цепь взвода, наоборот, сжималась. Солдаты непроизвольно все плотнее подходили друг к другу, стремясь рассмотреть в малиновой мгле смутный контур идущего по правую или левую руку товарища.

Броган двигался в центре цепи. Он шел прямо на источник света, в то время как его подчиненные понемногу загибали оба фланга, стараясь взять ЭТО в кольцо.

Собственно, он первым и увидел, как в мутной, вихрящейся мгле вдруг проступили какие-то сюрреалистические контуры…

Лейтенант застыл на месте, а потом вдруг начал непроизвольно пятиться, делая это абсолютно машинально, потому как разум офицера на мгновение выключился, опустел, сделав его похожим на один из бестолково застывших неподалеку автоматов очистки.

Впрочем, этот ступор длился недолго — ровно столько, сколько потребовалось ледяной дрожи, чтобы пробежать по его телу крупными мурашками ужаса…

Из подсвеченной кровавым светом мглы навстречу ему выползало нечто чудовищное, адское…

Разум Брогана вдруг включился с болезненным ощущением безысходности. Его затопила смертная тоска, как только он попытался понять, что же это такое. Огромных размеров тварь, чьи конечности, покрытые влажным туманным конденсатом, размеренно двигались, вызывая представления о твердых хитиновых оболочках биомеханической конструкции, что вышла из-под пресса неведомых, чужеродных процессов эволюции где-то на краю Вселенной, потому что оцепеневший разум лейтенанта не мог допустить мысли о том, что ЭТО родилось где-то здесь…

Она была огромна, и столь же велико оказалось его инстинктивное неприятие.

Лейтенант не знал, что за злую шутку выкинуло его подсознание.

А шутка оказалась действительно злой.

Он с детства увлекался фантастикой. Это не было отражено в его личном деле. Какой смысл отражать там все, что касается видео, телевидения и книг — этих незримых спутников каждого нормального человека. Разве психологи Министерства обороны, будь они хоть семи пядей во лбу и сто раз провидцами, — разве в состоянии были они оградить лейтенанта Брогана и всех его подчиненных от той полуосознанной и в большинстве своем дешевой, антиинтеллектуальной видеоинформации, что день ото дня, год от года питает наше подсознание, формируя в нем спящие фантомные образы тех, кого по всем правилам мы никогда не сможем встретить в реальной жизни?

Человечество, к сожалению, привыкло учиться лишь на своем горьком опыте.

Мы не показываем детям порнографию, пытаемся оградить их от кровавых сцен откровенного насилия, но разве задумался кто-то на Земле, что в преддверии выхода в Дальний космос на миллионах экранов телевизионных приемников год от года в подсознании людей тщательно формируется, а затем культивируется образ коллективного врага, который придет оттуда…

И вот он пришел.

Из мутной багряной мглы на лейтенанта Брогана медленно выходил Чужой Организм во всем жутком, потрясающем, отвратительном, УЗНАВАЕМОМ обличий.

И все же у Рилла хватило выдержки, чтобы не надавить на гашетку своего оружия.

— Боже… — выдавили побелевшие губы лейтенанта, и его ледяной шепот заполнил собой молчание эфира. — Я вижу его… Он идет прямо на меня!..

* * *

Этого не должно было произойти. Никак. Никоим образом…

Броган сам не понимал, ни в ту секунду, ни впоследствии, почему отлично подготовленный взвод, который на Земле мог выстоять в самом немыслимом бою, погиб в этом розовом тумане буквально в течение нескольких минут.

События разворачивались стремительно и страшно — ими нельзя было управлять, их оказалось невозможно предугадать и предотвратить…

Справившись с ледяным ужасом, что буквально парализовал его в первый миг, когда он увидел выступающее из тумана испарений ксеноморфное существо, Броган все же сумел взять себя в руки, хотя и продолжал машинально пятиться назад…

— Майкл… — хрипло и отрывисто произнес он в коммуникатор. — Я вижу его… Огромное… Насекомое…

— Сэр, я не понимаю вас! — внезапно раздался ответ Шеборта. — Тут никого нет!

Левый фланг взвода замедлил свое движение. Бойцы, которые слышали диалог командиров, останавливались без команды и начинали озираться вокруг, пытаясь хоть что-то разглядеть в клубящейся малиново-молочной мгле. Те, кто находился по правую руку от Брогана, наоборот, продолжили движение, и первый из шести бойцов уже ступил на грязно-коричневую ноздреватую поверхность клубящегося испарениями льда.

Шеборт после сообщения лейтенанта остановился, зло и пытливо

вглядываясь в туман. Термальная оптика его скафандра работала на полную мощность, позволяя взгляду сержанта проникать за плотную завесу мглы, — он видел алый пульсирующий тепловой контур Брогана, который продолжал пятиться, отступая от ледника, но перед ним в инфракрасном спектре не наблюдалось ничего, что хоть как-то подходило под определение «ксеноморф», — на краю ледового языка сиротливо били несколько газовых гейзеров… и больше ничего!

— Сэр, перед вами никого нет! — твердо произнес Шеборт. — Это в лучшем случае галлюцинация… — уже не так уверенно добавил он.

— Не дури, Майкл!.. — ответ лейтенанта прозвучал на срывающихся высоких нотах. Дыхание Брогана было тяжелым и прерывистым. — Оно продолжает двигаться прямо на меня! Я не сошел с ума, я ВИЖУ ЕГО!!!

— Я иду к вам, сэр! — принял решение сержант. — Взвод, стой! — приказал он. — Никому не двигаться! Рилл, если ты включишь термальную оптику, то убедишься, что перед тобой никого нет… — немного тише добавил он, осторожно, но достаточно быстро продвигаясь в ту сторону, где находился Броган.

«Это срыв… Это нервный срыв…» — твердил про себя Майкл, моля всех богов, чтобы лейтенант как можно скорее пришел в себя…

Так получилось, что на пути Брогана, за его спиной оказался Марк Хогинс — компьютерный техник взвода. Вот уже больше минуты он топтался на месте, до онемения пальцев сжимая волокнистый материал, которым был обшит приклад его автоматической винтовки.

Марку было страшно. Его нельзя было судить за этот полумистический ужас, который холодным язычком облизывал его сердце. Он привык иметь дело с жестоким, но ПОНЯТНЫМ противником. Марку было нипочем, если бы пришлось работать под плотным огнем или бежать, петляя меж разрывов, ползти, идти врукопашную, мокнуть или мерзнуть в засаде… но только не переминаться с ноги на ногу на чужой планете, перед лицом чего-то неведомого, непонятного его разуму, оставшись вдруг наедине с самим собой и этим розовым туманом, без четких команд, осознавая, что оттуда, если верить прозвучавшим в эфире словам лейтенанта, на него надвигается нечто ужасное…

И оно появилось…

Сначала сквозь мглу прорезался отраженный свет, посылаемый габаритными катафотами скафандра, затем прорисовался смутный силуэт лейтенанта Брогана, который медленно пятился, направив свое оружие куда-то во мглу, а потом…

Готовый вырваться вскрик застыл в горле Марка ледяным комом.

На лейтенанта наступала исполинских размеров тварь.

Неторопливое движение ее длинных членистых ног было размеренным, отвратительным и… несло в себе какую-то жуткую неизбежность…

Но хуже всего оказалось не это. Справа и слева от наступавшего на лейтенанта насекомоподобного существа внезапно из тумана выступили другие, совершенно не похожие на данного ксеноморфа силуэты… С одной стороны Марк увидел двухметровую сгорбленную фигуру, которая отдаленно напоминала собой человека, — по крайней мере, он различил две руки, ноги и некое подобие головы, больше похожей на горб, что вырос прямо на плечах существа…

Марк резко повернулся в ту сторону и увидел два глаза, что пылали, резко выделяясь на темном фоне «горба», сверля его, Марка, страшным, пустым, пронзительным, нечеловеческим взглядом…

Это оказалось уже немного больше, чем могла выдержать психика солдата, откровенно измотанная многомесячным полетом средь полнейшего мрака и пустоты.

Он непроизвольно попятился, заметив, что фигур вокруг уже великое множество. Они были самыми разными — одни приземистыми, другие высокими, гуманоидными или, напротив, не имеющими ничего общего с обликом прямоходящих двуногих; около десятка совершенно невозможных созданий проявилось вдруг из туманной мглы… и объединяло их только одно — молча и целеустремленно они двигались вперед, на лейтенанта Брогана и застывшего в нескольких метрах за его спиной Хогинса…

Через секунду Марк понял — он сейчас сойдет с ума.

Головогорбое существо, что находилось к нему ближе других, вдруг начало поднимать обе руки, оканчивающиеся трехпалыми кистями, и простерло их к Марку, но заледеневший от ужаса Хогинс по-своему истолковал этот жест — оно тянуло свои корявые пальцы к его горлу!..

Здесь кончалась компетенция разума. Марк был солдатом, и в силу вступили выработанные в нем рефлексы воина…

— Лейтенант!! — резко закричал он, оттолкнув Брогана, который, по мнению Марка, совершенно утратил всякую волю. Вскинув автоматическую винтовку, Хогинс закрыл командира и нажал на спуск.

Все его существо жаждало этого мига.

Он слишком долго боялся и боролся с самим собой. Его страх, непонимание и неприятие этих молчаливых силуэтов сосредоточились сейчас на дрожащем пальце, что давил на гашетку оружия, и вырвались прочь с коротким, злым язычком огня…

* * *

Шеборт тоже увидел их, одновременно с тем, как Марк, оттолкнув в сторону лейтенанта, открыл огонь. Сухая, размеренная очередь «АР-20» прозвучала как гром среди шипения извергающихся гейзеров и завывания рождающейся неподалеку бури…

Пули прошли сквозь насекомоподобного ксеноморфа, словно тот был соткан из пустоты, и ударили в грудь Шеборта.

Майкла откинуло назад, он взмахнул руками, падая навзничь и чувствуя лишь тупую саднящую боль в простреленной груди да слыша резкое шипение воздуха, что под давлением выходил из перебитых пулями шлангов скафандра…

Последнее, что увидел сержант, был Броган, который, опомнившись, навалился сзади на обезумевшего Хогинса, чья винтовка продолжала изрыгать огонь и смерть, посылая веерную очередь в сторону ледника и замершей в ожидании команд цепи взвода…

А странные, совершенно невозможные существа продолжали идти навстречу ополоумевшему солдату, будто их не касалось ничто из происходящего вокруг и пули, изрыгаемые «АР-20», были для них сродни легкому дуновению ветра чужого и негостеприимного мира.

Лишь малиновое сияние в центре ледника вдруг вспыхнуло с новой силой и начало угасать, словно лишившись сил…

* * *

— Борт-010, вызывает Двенадцатый, ответьте!

— Борт на связи.

— Эриксон, в чем дело? У меня отсутствует связь с Броганом!

— Сэр, там что-то происходит… — Пилот спускаемого модуля поправил коммуникатор, нервно всматриваясь в мерцающие экраны. — Сильная облачность блокирует телеметрию. Моя позиция слишком далеко. Связи нет уже больше пяти минут, но приборы показывают, что там идет бой, сэр!..

— Выясни, в чем дело. Мне нужна связь с Броганом, любой ценой!

— Есть, сэр!..

Эриксон повернул голову, посмотрев на своего второго пилота, который застыл в соседнем кресле, напряженно слушая короткий диалог с капитаном «Трумэна».

— Ну, что, Люк, за работу?

Второй пилот машинально кивнул.

Эриксон взялся за сенсорные рычаги. Его губы были сжаты в плотную бледную линию. Он вдруг поймал себя на мысли, что в душе нет ни грамма той спокойной решимости, какую он обычно испытывал на Земле. Словно годы прокрутились назад и он вновь тот самый молодой выпускник летной академии, что поднимает вертолет на свое первое боевое задание…

Этот безобидный, невзрачный кусок чужой планеты, укутанный вихрями молочного тумана, обласканный суровым порывистым ветром, с удивительной скоростью подавлял психику, высасывая жизненные силы…

Посадочный модуль, что стоял чуть поодаль от куполообразных сооружений станции, медленно оторвался от мертвой, каменистой почвы, затем на секунду завис, покачиваясь в нескольких метрах над унылой землей Ганимеда, и полетел, преодолевая сопротивление ветра, туда, где среди тумана бледно-розовым пятном растекалось странное сияние и время от времени короткими, злыми вспышками били выстрелы автоматического оружия…

* * *

Двое рядовых, Эндрю Ролинг и Оскар Сенвур, оказались первыми, кто ступил на ледник в этой злополучной малиновой мгле. Они всегда работали парой и сейчас двигались, не выпуская друг друга из пределов визуального контакта.

Клубящийся туман вокруг оказался наполнен микроскопическими частицами туфа и пыли, отчего создавалось полное впечатление, что вокруг тебя разлит какой-то первобытный газообразный суп… Радиоволны глохли в этой субстанции, несущая частота хрипела и щелкала, искажая голоса и скрадывая смысл слов.

Достигнув ноздреватой грязно-коричневой поверхности льда, оба солдата, не сговариваясь, остановились в ожидании дальнейших команд на радиочастоте.

Спустя минуту Оскар, который стоял ближе к центру позиций взвода, тряхнул головой и оглянулся в сторону смутно виднеющегося в десятке метров силуэта напарника.

— Эндрю, ты слышал? — прохрипели наушники коммуникатора.

— Нет. Чертовы помехи. Я уже оглох от них.

— Я слышал голос взводного… Постой… Он говорит, что на него кто-то движется!..

— Не психуй, Оскар! — Ролинг на всякий случай на пару шагов приблизился к напарнику.

— Я не психую… Он что-то кричит, но я не разберу слов!..

Эндрю подошел ближе, и в его коммуникаторе сквозь скрежет помех внезапно тоже прорвался искаженный до неузнаваемости голос:

— …Я НЕ СОШЕЛ С УМА!.. Я ВИЖУ ЕГО!!!

— Черт! — Оскар вскинул винтовку, дико, затравленно озираясь по сторонам, но вокруг не было ничего, кроме клубов испарений. В этой пляске сюрреалистических теней могло почудиться все, что угодно…

Пытаясь осмотреться, найти хоть какой-то малый разрыв, прореху в окружающей его плотной облачности, Оскар сделал несколько шагов вперед и внезапно взмахнул руками, споткнувшись обо что-то лежащее на льду…

— Эндрю!..

Его напарник оказался рядом.

— Спокойно, я здесь!

Возникшим из тумана препятствием оказалось тело в гражданском скафандре. Оно лежало лицом вниз, окруженное бьющими из-подо льда гейзерами пара.

— Это второй оператор со станции… — безошибочно предположил Эндрю, который, как оказалось, обладал большим запасом хладнокровия, чем Оскар, что присел на корточки, нервно озираясь вокруг, но почему-то не решился коснуться упавшего навзничь тела, а лишь сильно сжал в руках автоматическую винтовку.

— Черт… — брезгливо выругался Ролинг, перевернув тело.

Лицевой щиток забрала был цел, но, очевидно, скафандр потерял герметичность где-то в другом месте. Кислородный аппарат не работал, избыточного давления не было, и ядовитые испарения ледника сумели проникнуть внутрь…

Эндрю несколько секунд смотрел на часть обезображенного лица, что виднелось из-под съежившейся в бесформенный комок кислородной маски. Угадать пол и расовую принадлежность этого человека уже не представлялось возможным.

— Оскар… — начал было он, но осекся, заметив, что его напарник медленно поднимает оружие, вперившись диким, безумным взглядом в клубы постоянно меняющих свои очертания испарений.

— Эндрю… Я вижу… Кто-то идет там!

В этот момент в десятке метров от них, с той стороны, где должен был находиться центр взвода и лейтенант Броган, внезапно раздалась длинная очередь из «АР-20».

Рядовой Ролинг не успел ничего предпринять — его напарник внезапно дернулся, опрокидываясь на спину, и Эндрю с ужасом увидел

аккуратное пулевое отверстие в забрале Оскара и растекающуюся по нему изнутри кровь…

Он машинально подхватил обмякшее тело, но Оскару уже не мог помочь ни один медик — Сенвур был мертв, — шальная пуля пробила забрало…

Шальная?..

Эндрю вдруг понял — его трясет.

Смерть шла за ними по пятам от самого купола процессорной станции, она была вокруг, ею пропитался этот страшный клубящийся туман мертвой планеты, и Эндрю вдруг с леденящим ужасом понял — взвод угодил в ловушку, засаду и отсюда нет выхода…

— Лейтенант!!. — дико заорал он, позволив телу Оскара сползти на ноздреватый лед.

«АР-20» продолжала бить за пеленой клубящихся облаков, рассылая короткие, экономные очереди во мглу, — еще одна пуля с визгом ушла в рикошет совсем неподалеку, и этот резкий звук привел Эндрю в чувство…

«Засада» — это понятное, емкое, зовущее к действию слово показалось ему спасением от неизбежного безумия. Оно делало окружающую мглу совершенно враждебной, но ПОНЯТНОЙ. На них напали…

Словно подтверждая его дикую догадку, откуда-то сбоку рявкнул подствольный гранатомет, и сумрак рванула ослепительная вспышка, которая на секунду вырвала из розовой мглы четкий контур выступающего прямо на него странного головогорбого существа с двумя неправдоподобно большими горящими глазами…

Эндрю хрипло заорал, не то от страха, не то от облегчения, и попятился, выпустив в надвигающийся из мглы чужеродный организм длинную веерную очередь доброй земной смерти…

— Подавись, ублюдок… — прохрипел он, отступая в глубь ледника.

Беспорядочный автоматический огонь уже бесновался со всех сторон, и, перекрывая его, с поднебесья на укутанный туманом ледник рушился немного иной, но тоже вполне рукотворный и осмысленный звук — то был надсадный вой турбин спускаемого модуля…

* * *

— Я ничего не вижу, сэр… НИЧЕГО! — Капрал Эриксон вцепился взглядом в приборы, чувствуя, как тело сотрясает непроизвольная дрожь, — внизу, буквально под ним шел ожесточенный бой, а он был вынужден держать модуль на высоте в несколько десятков метров,

медленно, мучительно медленно прощупывая рельеф под собой при помощи наполовину ослепших сканеров.

— Приказываю осуществить захват объекта любой ценой! — пришел приказ с борта «Гарри Трумэна». — Действуй, капрал!

Напарник Эриксона хмуро посмотрел вниз, где мрачную мглу рвали яростные вспышки выстрелов.

— Мы не можем бросить их! — внезапно произнес он, обращаясь к Эриксону.

Командир спускаемого модуля хмуро кивнул. Он был полностью согласен с мнением своего второго пилота — бросить погибающую группу, которую ты только что десантировал на поверхность, — это никак не укладывалось в рамки его понимания воинского долга…

— Снижаемся, Люк… — коротко приказал он. — Включи всю бортовую сигнализацию, дадим ребятам ровно пять минут на отступление.

Повторять дважды не было никакой необходимости. Оба пилота не в первый раз вместе участвовали в боевых операциях и вполне доверяли друг другу.

Пространство вокруг посадочного модуля залил резкий, ослепительный свет — это разом включились все прожектора, сигнальные огни и навигационные знаки, — казалось, что сам корпус модуля ритмично вспыхивает, освещая клубящуюся вокруг мглу, взывая этими вспышками ко всем, кто сейчас находился внизу…

— Девять метров… Восемь… Пять…

За выпуклым бронестеклом лобового иллюминатора вихрилась желтоватая муть плотных испарений. Чем ниже погружался модуль в этот молочный суп, тем хуже работали бортовые приборы электронного слежения — сигналы от датчиков искажались, радио- и радарные волны отражались от миллионов взвешенных в воздухе твердых частиц породы, которые носил бесноватый ветер, и в конце концов Эриксон понял, — доверять приборам больше нельзя, еще пара метров, и полагаться придется только на собственную интуицию да на ту скупую информацию, что дает взгляд, брошенный сквозь бронестекло кабины…

— Люк, я ничего не вижу! Выпусти метеоракеты! — отчаянно потребовал он.

Палец второго пилота послушно утопил нужную клавишу.

Расположенные под плоским брюхом модуля оружейные пилоны пришли в движение.

— Внимание! — скорее для очистки совести, нежели надеясь на то, что его действительно услышат, произнес Эриксон. — Говорит борт-010.

Время эвакуации — пять минут. Двигайтесь по сигнальным посадочным огням. Я выпускаю метеоракеты, сейчас мы проредим эти облака!

Залп ракетной установки на секунду добавил в общую какофонию света ослепительный оранжевый сполох. Разрывы, как и положено, легли вокруг модуля, описав окружность радиусом в сотню метров. Газ, выбрасываемый из взорвавшихся боеголовок, мгновенно вступил в реакцию с клубящимся вокруг туманом, заставляя его редеть, на глазах превращая в короткий, моросящий дождь.

Видимость резко улучшилась — словно невидимая рука смахнула установленные вокруг ширмы.

Модуль действительно висел в двух метрах от неровной, усеянной крупными камнями почвы Ганимеда. Впереди простирался грязный, желто-коричневый ледник, сзади, сразу за модулем возвышалась башня ретранслятора телеметрии, а вокруг…

Эриксону показалось, что он сошел с ума…

Никто не бежал к открывающейся в хвостовой части модуля десантной рампе…

Бежать было некому…

Вокруг словно камуфлированные холмики были разбросаны вывернутые в неестественных позах тела бойцов… Никто из них не шевелился, не подавал никаких признаков жизни. Только тут до помутившегося сознания пилотов дошло, что они уже несколько минут не слышат выстрелов и не наблюдают редких вспышек огня…

Внизу все было кончено.

Эриксон вдруг почувствовал, как на голове под мягким летным шлемом начинают шевелиться коротко стриженные волосы.

От ледника, равнодушно шагая среди трупов, двигались какие-то абсолютно невозможные с точки зрения биологии существа. Они шли прямо на зависший у самой земли модуль, и те, кто имел подобие рук, протягивали их прямо к лобовому иллюминатору, за непрочной защитой которого сидели два совершенно невменяемых в этот момент человека…

Рука Эриксона медленно потянулась к приборам связи.

Он уже понял — это конец.

— Всем, кто меня слышит!.. — хрипло произнес он на открытой частоте. — Говорит борт-010 ВКС США. Спасайтесь! На вас напали! Это чужие формы жизни! Они идут со стороны процессорных станций! Все, кто меня слышит, — СПАСАЙТЕСЬ!!! — Он перевел дыхание и добавил: — Они уже рядом… Мой взвод погиб. Мы принимаем бой…

Через несколько минут действие реактивов закончилось и плотный

туман вновь укрыл район злополучного ретранслятора телеметрии, но еще некоторое время там, у самого ледника бесновался огонь, выбрасывая в тусклое серо-фиолетовое небо тонны камней вперемешку с глыбами льда…

Потом, когда кончились ракеты и оружейные эскалаторы взвыли впустую, свидетельствуя о кончине бортового боезапаса, модуль, похожий на сумасшедшее солнце, окутался яростным огнем реактивных двигателей и резко пошел к Земле, туда, где сквозь плотный туман смутно угадывалось движение множества фигур.

Взрыв, отбросивший многотонную башню телеметрии на несколько сот метров, ощутили во всех поселениях российского сектора.

Операторы станций связи, принявшие за несколько минут до этого совершенно дикое и невозможное с их точки зрения сообщение с какого-то мифического борта-010, слышали взрыв и почувствовали явное колебание почвы…

Минуту спустя все передатчики Ганимеда заработали, принимая сообщение на волне в двадцать один сантиметр:

— Внимание! Говорит командир спускаемого модуля поддержки! Всем, кто меня слышит! С вами говорит борт-011 Военно-космических сил США! На колонию совершено нападение со стороны неземных форм жизни! — Голос неизвестного пилота был полон неподдельного ужаса, словно он видел что-то, чего не могли воспринять ни ошалевшие от неожиданности операторы со станций слежения Ганимеда, ни люди, которые, ничего не подозревая, занимались своими повседневными делами… — Предлагаю всем лицам, населяющим российский сектор освоения, начать немедленную эвакуацию собственными силами!.. — срывающимся голосом произнес эфир. — Мой базовый корабль выходит сейчас на низкую орбиту… Свяжитесь с ним! Скажите полковнику Кински, что взвод Брогана погиб! Они идут от ледника к ближайшему поселению!.. Бог мой, я их вижу!.. Они… Они ужасны! Спасайтесь, кто как может, мой модуль попытается их задержать!..

Больше передача не повторялась…

Это казалось похожим на бред.

Бред сумасшедших военных, но тем не менее российский сектор освоения мгновенно охватила паника.

Все знали, что такое «Гарри Трумэн», и если упоминание о каких-то неземных формах жизни казалось опасностью отдаленной и нереальной, то ракеты «Трумэна» и репутация его командира могли заставить бежать кого угодно.

На дорогах, ведущих из российского сектора освоения, образовалась

короткая давка.

Связи с Землей не было. Она появится только через шесть дней, а до прибытия «Альфы» в район парковочных орбит оставалось чуть менее двух часов.

Глава 11

Район низких орбит Ганимеда. Борт крейсера ВКС США «Гарри Трумэн». 25 августа 2029 года…

Полковник Джон Кински нервно мерил шагами узкое пространство боевого мостика «Гарри Трумэна».

— Что он несет, этот кретин?! — взорвался он, когда динамики громкой связи передали обращение со второго спускаемого модуля поддержки, который занимал позицию ожидания в пятидесяти километрах южнее проклятого ледника.

Операция по тайному изъятию объекта провалилась…

Лучшие парни, обученные, подготовленные, — все мертвы, целый взвод, замены которому уже нет и не будет…

— Свяжитесь с ним! Передайте, чтобы немедленно возвращался! И дайте мне наконец видео, черт побери!

— Есть, сэр! Одну секунду!

Он сел за стол, узкая столешница которого, исполненная в форме полумесяца, плавно перетекала в наклонные приборные панели, венчавшиеся ровной шеренгой контрольных мониторов.

Глаза командира вновь впились в скупые строки радиоперехвата, которые удалось выудить из невообразимого треска помех.

Из этих разрозненных, отрывочных фраз было совершенно невозможно составить представление о том, с чем столкнулись внизу его парни, но ясным казалось одно — их всех, включая Брогана, охватила самая настоящая паника.

Левый глаз полковника внезапно дернулся — раз, другой, третий, пока он раздраженным движением ладони не зажал своенравное веко.

— Зонд над слоем облачности! — доложил один из присутствующих на мостике офицеров. — Пошло изображение!

Все взгляды впились в экран.

С высоты в четыре километра прозрачная, более разреженная, чем на Земле, атмосфера Ганимеда просматривалась на несколько сот километров в разные стороны, вплоть до укутанных сиреневой дымкой, более выпуклых, чем привык наблюдать человеческий глаз, линий горизонта.

— Где сейчас Одиннадцатый?

— Вот он, сэр! — Часть изображения мгновенно укрупнилась, и у

Кински потемнело в глазах.

— Что он делает?! — заскрежетал зубами командир.

Черная тень модуля скользила по бесплодной равнине, приближаясь к небольшому городку. Внизу были видны несколько гражданских легковых машин, которые, не разбирая дороги, неслись в сторону городка, поднимая за собой плотные клубы пыли.

Модуль настигал их своей тенью. Нет… Не их…

— Дайте же, черт подери, увеличение! Изображение еще более укрупнилось.

По равнине вслед за машинами шагало какое-то существо. Кински оно показалось каким-то зыбким, полупрозрачным, что ли… Его подчиненные молчали, оцепенело глядя на экран, пока от черной точки спускаемого аппарата в размытый силуэт не ударили два инверсионных следа от выпущенных неуправляемых ракет.

Из мертвой почвы выросла ярчайшая вспышка. Ударной волной качнуло парящий на высоте нескольких километров зонд, и изображение поплыло, теряя резкость.

— Что это было?

— Трудно сказать, сэр… Наши сенсоры не зафиксировали там ничего! Но с такой дистанции мы можем верить лишь видеоряду… Возможно, что аппаратура модуля фиксирует структуру этого существа?

— Прикажите ему возвращаться! Немедленно!..

Кински знал — ему отпущено совсем немного времени на принятие решения. Все тщательно разработанные на Земле планы полетели к черту… Он был настолько уверен в успехе миссии Брогана, что сейчас находился в полнейшей прострации, — и нервный тик оказался верным подтверждением тому.

Нужно было понять этого человека. Кински был потомственным военным — с армией его связывало все, у полковника имелись свои незыблемые идеалы, которые вошли в сознание мальчика в тот день, когда семилетним ребенком он переступил порог закрытого армейского колледжа для детей высшего командного состава.

С тех пор он не переставал верить в справедливую силу оружия, которым управляли люди, верные национальному долгу. Разумная, всесокрушающая сила — это был тот идол, которому поклонялся Кински, и убеждения никогда не подводили его… до сегодняшнего дня.

Наладивший изображение зонд показывал теперь окраину городка. Той твари, по которой нанес ракетный удар пилот модуля, нигде не было видно, зато на ведущей в город магистрали вдруг показались два

тупоносых вездехода с включенными мигалками, которые вылетели за границу крайних зданий и перегородили дорогу. Кински не нужно было читать надписи на борту этих машин — он и так знал, что это силы колониальной полиции.

— Нам удалось связаться с Одиннадцатым! — доложил офицер с поста внешней коммуникации. — Он подтвердил прием. Борт возвращается!

Кински тяжело облокотился о пульт, мрачно вперившись в экран, на котором прокручивалось повторное, укрупненное изображение той твари, по которой вел огонь посадочный модуль. Увеличение не помогло — картинка не стала более детальной, наоборот, повтор записи оказался еще более смазанным и непонятным, чем прямая трансляция.

И тем не менее Кински понял — все рухнуло. Случилось нечто совершенно непоправимое. Речь больше уже не шла о каких-либо секретных операциях. Судьба распорядилась совсем иначе — все карты брошены на стол, и их присутствие на орбите Ганимеда вдруг приобрело совершенно иной, еще более зловещий смысл.

Кем бы ни оказалась эта многоногая, смахивающая на паука-переростка тварь, — ей явно не место на мертвых равнинах колонии. Она не могла быть исконной формой жизни — до сих пор Ганимед считался мертвым планетоидом, и только появление людей привнесло сюда само понятие «жизнь»…

Для Кински это могло означать лишь одно: тот объект, что им предстояло тайно изъять с поверхности ледника, оказался вовсе не безобидным артефактом, как утверждали в Пентагоне…

— Сэр, на связи руководитель колонии. Они вызывают нас на частотах «международной волны», — доложил вахтенный офицер «Трумэна» по каналу интеркома.

— Давай… — машинально согласился капитан. Он очень хотел, но не мог проигнорировать данный вызов.

Сбоку от него засветился один из экранов. Корабль как раз пересекал зону аномалий искусственного магнитного поля Ганимеда, и изображение оставляло желать лучшего — и без того бледное, перекошенное лицо Альфреда фон Дюрге периодически начинало двоиться, искажаясь помехами.

— С кем я говорю? — резко осведомился немец.

— На связи борт крейсера ВКС США «Гарри Трумэн», — с ледяным спокойствием ответил Кински.

— Вы вторглись в территориальное пространство колонии Ганимеда.

Я требую, чтобы вы немедленно прекратили снижение! Уходите в зону высоких орбит.

— Это невозможно, господин фон Дюрге. Правительство Соединенных Штатов послало меня защищать жизнь американских граждан на Ганимеде. Я собираюсь исполнить свой долг.

— На чем основано ваше вторжение, черт побери?! — Фон Дюрге был озадачен, взбешен и испуган одновременно. — Мне докладывают о каком-то спускаемом модуле, что открыл стрельбу из ракетных установок! Люди охвачены паникой!

— Колония в опасности, — лаконично ответил Кински. — Я собираюсь блокировать район процессорной станции по переработке атмосферы.

— Кински, вы сумасшедший!.. — Теперь в голосе главного администратора колонии звучал не гнев — там сквозили отчаяние и растерянность. — Вы не смеете трогать агрегаты переработки. Если там случится отказ основных систем, я буду вынужден эвакуировать все население под землю! У меня «Альфа» на подходе к парковочной орбите! — не то сообщил, не то взмолился он. — Вы уничтожите Ганимед одним своим присутствием!

Лицо Джона Кински залила краска.

— Советую начать эвакуацию немедленно, — сквозь зубы ответил он. — Боюсь, что отказ систем переработки атмосферы уже произошел. Там погибли мои люди, и я намерен выяснить обстоятельства их смерти. А вам, фон Дюрге, советую прекратить истерику. Вы не знаете того, что знаю я. Боюсь, что вы еще поблагодарите бога за то, что мы оказались тут вовремя! Двадцать моих лучших парней уже погибли — ЭТО О ЧЕМ-ТО ГОВОРИТ ВАМ?! — ледяным тоном осведомился он. — В районе станции переработки произошло вторжение чужих форм жизни, ЭТО ВАМ ПОНЯТНО?! — Кински уже не мог сдерживать себя. — Свяжитесь с «Альфой» и приостановите парковку. Пусть ждут. А сами убирайтесь под землю! Мой экипаж в состоянии решить возникшие проблемы!

Он с силой отжал клавишу связи, словно та была в чем-то повинна, и еще несколько секунд сидел, тяжело дыша и глядя в матовую черноту погасшего экрана.

— Больше не связывать меня ни с кем — ни с колонией, ни с «Альфой»! — распорядился он по интеркому.

Взвод Брогана погиб. Эта мысль сверлила разум Джона Кински, словно металл хирурга, вгрызающийся в плоть… Девять месяцев пустоты высосали из него жизнь точно так же, как и из других. Проклятый космос

оказался столь черен и глубок, что в нем тонул рассудок. Нельзя сказать, чтобы потеря двадцати человек, даже самых лучших во всей армии, могла ввергнуть полковника в столь жуткую депрессию. Беда заключалась в том, что Кински подспудно ощущал — им допущена какая-то ошибка. Ошибка, недосмотр, просчет, в результате которого он лишился половины личного состава…

Впрочем, на случай провала у него был особый приказ — уничтожить объект. Это был единственный луч света в окружившем капитана мраке. Уничтожить и тем самым поставить жирную точку в разрастающемся прямо на его глазах безумии…

Раздумья полковника нарушил тонкий зуммер интеркома.

— Слушаю.

— Сэр, докладывает вахтенный офицер систем внешнего наблюдения. Прибывший на парковочную орбиту грузопассажирский корабль «Альфа» только что произвел выброс двух аварийно-спасательных капсул! Интервал между стартами — шесть с половиной минут!

— Траектории?

— Упираются в район космодромов российского сектора, сэр!

— Следи за ними!.. — буркнул полковник, переключая канал связи. — Лейтенанта Моргана, — потребовал он.

— Сэр? — спустя несколько секунд почтительно осведомился другой голос.

— Ричард, готовься к вылету. Как только вернется посадочный модуль, ты погрузишь в него свою машину. Старт немедленно, по готовности. Я не доверяю штатному экипажу «Трумэна»… — понизив голос, признался он. — Мне нужна информация, на которую я бы мог положиться, понимаешь? Ты выведешь свой вертолет на патрулирование российского сектора. Меня интересуют две капсулы, которые только что были выброшены с борта «Альфы».

— Сэр, но русские…

— Русские не будут возражать, Ричард, — на удивление мягко заверил его командир. — Во-первых, их нет — весь сектор уже начал эвакуацию, а во-вторых, они не в состоянии помешать нам. Сейчас на Ганимеде нет силы, способной противостоять «Гарри Трумэну». Мы прибыли сюда с миссией защитить этот мир от инопланетного вторжения, сынок… — внезапно заявил полковник, чем вверг офицера в состояние шока. Никто на борту толком не знал истинной цели их полета, и теперь слова командира произвели на Моргана такое впечатление, как будто на него вылили ушат ледяной воды. — Взвод Брогана погиб… — тем временем продолжил

полковник. — Теперь только мы стоим между Землей, Ганимедом и пришельцами.

Канал речевой связи не мог передать смертельной бледности, что покрыла лицо офицера, выслушавшего этот приказ-откровение. Он еще не знал о том, что Кински безумен так же, как и он сам. Космос пожрал их разум, но им всем на борту «Гарри Трумэна» и вне его еще предстояло узнать об этом…

Ровно через час вертолет Моргана, открывший беспорядочный огонь на улице оставленного жителями города, будет сбит двумя точными выстрелами из снайперской винтовки.

На Ганимед действительно пришло безумие, и его источником стали отнюдь не чуждые формы жизни…

Ганимед. Российский сектор освоения. Два часа спустя после прибытия «Альфы»…

— Ну, хорошо… — Наумов присел на широкий пластиковый подоконник. — Пусть будет по-твоему. — Он снизу вверх посмотрел на освещенное багряными бликами пожара лицо Лады. — Я сам понимаю, — вдруг с нехорошей, усталой усмешкой выговорил он, — что тут все не так, как должно быть… Но меня послали сюда выяснить, что происходит на самом деле, а что, позволь спросить, тут делаешь ты?! — Голос Наумова невольно поднялся до высоких нот. — Ты находишься тут с оружием в руках, сбиваешь вертолеты Военно-космических сил…

Лада нервно передернула плечами.

— Я защищалась… — вдруг с угрюмой, не свойственной ни женскому лицу, ни голосу интонацией произнесла она. От пристального взгляда Наумова не укрылось то, с какой силой в этот момент сжались ее пальцы, продавив жесткий, волокончатый материал поглощающего отдачу приклада.

— Хорошо, допустим… Но перед этим ты угнала аварийную капсулу с борта «Альфы», ведь так? — с ледяным спокойствием уточнил Наумов.

— По-моему, мы оба спустились сюда на аварийных капсулах, — отрезала она.

— Здесь произошло ЧП, — сухо ответил полковник на ее выпад. — И я в нем пытаюсь разобраться по заданию Патрика Гормана…

— Здесь произошло самое заурядное вторжение… — с усталым безразличием в голосе ответила ему Лада. — Со стороны американского крейсера… — Достав сигарету, она прикурила и опустилась на корточки около оконного проема, за тройным стеклом которого продолжали плясать,

освещая пространство разрушенной улицы, оранжевые языки пламени.

— Очень хорошо… — Наумов испытующе посмотрел на Ладу. — Значит, ты в курсе дела? — предположил он. — Тогда объясни мне, что здесь происходит?!.

Она безразлично пожала плечами, глубоко затянувшись.

Наумов вдруг ощутил гнев. Ему не нравилось, что эта девочка так презрительно молчит. Он считал себя вправе знать, кто она такая и что делает тут.

Словно угадав его мысли, Лада подняла взгляд и тихо сказала:

— Виктор Сергеевич, пусть все остается, как есть. Вам незачем ломать голову. Так будет лучше… для всех.

— Я не понимаю…

— Это не нужно понимать, — упрямо повторила она. — Любая информация имеет цену, порой неадекватную. Просто забудьте, что встретились со мной. Большего я бы не хотела говорить.

— Значит, ты тут не случайно? — повторил свой вопрос Наумов. — Ты знала, что тут случится?

Лада посмотрела на него почти умоляюще. В ее взгляде, растерявшем в данный момент свою упрямую жесткость, промелькнуло обыкновенное человеческое сожаление по поводу его настойчивого желания знать то, что, вероятнее всего, приведет к фатальным последствиям для них обоих.

— Лада… — Голос Наумова внезапно утратил командные нотки. — Я не совсем понимаю, кто ты, почему оказалась здесь, но там, наверху, на парковочной орбите, сейчас висит «Альфа», на борту которой две тысячи погруженных в криогенный сон колонистов. Если их не разбудить в течение трех дней, большинство людей погибнут. Это не угроза и не шутка, — серьезно предупредил он. — Корабль должен покинуть орбиту через восемьдесят шесть часов. Иначе он не сможет достичь Земли. Но бортовой ресурс «Альфы» не рассчитан на обратную транспортировку двух тысяч человек. Если космопорт российского сектора не заработает в ближайшие сутки, то «Альфа» превратится в огромный орбитальный склеп… — Высказав это, Наумов, к своей досаде, понял, что она не спешит реагировать даже на такую достаточно вескую, с его точки зрения, информацию.

«Может быть, ей плевать на все?..» — с сомнением подумал полковник, чувствуя — он не в состоянии правильно оценить то, что скрывается за усталым безразличием этой молодой женщины, которая так внезапно и необычно возникла на его пути…

Действительно, на лице Лады не отражалось той борьбы чувств, что

шла сейчас в ее душе. Лишь блики от оранжевых языков пламени плясали по матовой коже, превращая ее лицо в загадочную подвижную маску.

Ганимед был ее мечтой. Мечтой, что родилась внезапно, но заполнила все существо. И вот она тут… Стоило ли преодолевать неизмеримую бездну пространства, чтобы оказаться одной в гулкой пустоте здания?..

Здесь шли те же самые процессы, что и на Земле. Сюда тоже добрался страх… Она обвела взглядом полумрак комнаты, которая несколько дней назад служила детской. Совсем недавно тут жил ребенок. Даже экзотический цветок в вазе еще не увял. На полу валялась оброненная второпях мягкая игрушка.

Что хотел от нее угрюмо смотрящий в окно полковник? Кем он был? Лада чувствовала, как опять, который уже раз за свою короткую жизнь, она стоит на краю медленно разверзающейся перед ней пропасти обстоятельств. Она мечтала убежать от них, стать выше… но не получилось.

Она не хотела, чтобы «Альфа» превратилась в орбитальный склеп. Больше того, она не желала зла никому. У нее, как и у той маленькой девочки, что скиталась по заснеженным улицам огромного города, осталась одна сокровенная мечта — обрести себя в каком-то неведомом ей, уже ставшим в ее сознании мифом покое… На секунду ей показалось, что такое забвение может дать ей Ганимед — красивая сказка, рассказанная почти незнакомым ей человеком на далекой Земле…

На улице глухо пророкотал мотор, потом показалось, что скрипнули тормоза. Наумов обеспокоенно вытянул шею, пытаясь разглядеть сгустившийся за пляшущими языками пожара сумрак…

Ничего не разглядев, он вновь повернулся к Ладе.

Штурмовой автомат, небрежно перекинутый ремнем через плечо скафандра, черным зрачком ствольного компенсатора вниз, к полу, вдруг живо напомнил ей капитана Рощина — страшный, но неотделимый от ее сознания эпизод далекой земной жизни… Частичка тяжелого становления ее новой, «послеоперационной» души…

— Вы действительно хотите знать? — спросила она, продолжая прерванный долгой паузой диалог.

Наумов откровенно пожал плечами, прислушиваясь к тишине.

— Я обещал Горману, что сделаю все возможное для разгрузки «Альфы», — ответил он. — Вполне логично, что я не могу топтаться тут с тобой, но, уходя, я бы действительно хотел знать, кому подставляю спину.

Лада кивнула. Это было вполне обоснованное желание.

— Центральный сектор, парковая зона, перекресток Третьей

радиальной и Пятой кольцевой улиц, — произнесла она. — Двадцать часов местного времени. На протяжении пяти последующих за отлетом «Альфы» суток.

Наумов вздрогнул, резко повернувшись к ней.

— Ты?!. — недоверчиво переспросил он, доставая из нагрудного кармана скафандра сложенный вчетверо листок с текстом радиосообщения. Развернув его, он пробежал глазами строки последней радиограммы, что принял вахтенный офицер «Альфы», прежде чем между Землей и Ганимедом оказалось Солнце.

Все было верно. Она была тем человеком, что должен поступить в его распоряжение на Ганимеде…

— Да, полковник, — тихо подтвердила она, и Наумову показалось, что в ее голосе прозвучало сожаление. — Но только мной больше нельзя играть. — Лада подняла глаза, хмуро, исподлобья взглянув на него. — В этой шифровке все верно, за исключением одного пункта: меня действительно внедрили на борт для дальнейшего использования на Ганимеде в составе вашей спецгруппы, но я никогда бы не вышла в условленный пункт связи…

— Почему? — сухо осведомился Наумов.

— У тех, кто планировал операцию, больше нет рычагов, чтобы управлять мной. — Лада старалась говорить спокойно, но ей не удалось скрыть от полковника горькую дрожь, что пронизывала ее речь едва уловимыми интонациями. — Единственный человек, что был мне добр, умер на Земле за несколько недель до старта «Альфы». Я улетела сюда, чтобы жить… Здесь обитала моя мечта…

При этих словах Наумов побледнел. Он очень ясно понял, о чем идет речь. На секунду это показалось ему нереальным, а потом…

— Ты использовала военное ведомство?!. — сделал он очевидный вывод из ее слов. — Просто чтобы добраться до Ганимеда?!.

— Я даже не сравняла свой счет… — тихо, но внятно ответила она. — Так что не нужно таращить на меня глаза, — внезапно отрезала Лада, заметив выражение лица Наумова. Отвернувшись к окну, она добавила: — Меня использовали намного большее количество раз. Я просто забрала часть долга.

— И ты тоже не в курсе, что здесь произошло? — настойчиво переспросил полковник.

Лада продолжала смотреть в окно, где угасал бесноватый пожар.

— Отчего же… — ответила она, не поворачивая головы. — Сюда добрались полоумные военные — это я представляю совершенно точно, и

для меня вполне достаточно данного знания… Мечты больше нет…

— «Гарри Трумэн» не прилетел сюда просто так! — с трудом сдерживая переполнявшие его эмоции, напомнил Наумов. Он никогда не отличался склонностью к работе в контрразведке и скорее был человеком действия, предпочитая исполнять приказы, а не мучительно вынашивать их. Теперь он пожалел, что в свое время не уделял должного внимания развитию аналитического мышления. Тот клубок загадок и противоречий, что копошился сейчас в мозгу полковника, явился бы хорошим упражнением для более изощренного рассудка. — Почему он появился здесь, нарушив с десяток международных договоров?! — высказал он вслух мучивший его вопрос. — Что заставило американцев пойти на такой риск?!.

Лада повернула голову и пристально посмотрела на него.

Возможно, она хотела что-то ответить или возразить, но в этот момент в напряженной тишине здания вдруг раздались одинокие гулкие шаги…

* * *

…Шаги в гулкой пустоте покинутого людьми дома, даже такие, крадущиеся, осторожные, звучали громко, отдаваясь шелестящим эхом.

Наумов привстал, одной рукой машинально ухватив изготовленное к стрельбе оружие.

Лада повернула голову, тоже прислушиваясь.

По лестнице поднимался человек. Он старался ступать осторожно, но не являлся профессионалом в вопросах маскировки.

Полковник кинул молниеносный взгляд на Ладу и распластался по стене около дверного проема. Она не шевельнулась. Изготовленная по спецзаказу крупнокалиберная снайперская винтовка осталась стоять прислоненной к стене, у оконного проема.

Наумов откровенно не понимал этой женщины, да и вообще все, что случилось с ним конкретно и с людьми в колонии Ганимеда, казалось ему нереальным и противоестественным. Словно кто-то взвел до отказа огромную пружину и поместил ее внутрь колонии, — вокруг очага напряжения мгновенно образовалась зона отчуждения, все, кто мог, просто бежали из российского сектора, бросив дома, вещи, в надежде, что их минует чаша сия, но… все казалось тщетным, и единственное, что понимал в данный момент полковник Военно-космических сил России, — это то, что никому на Ганимеде не избежать роковых последствий в том случае, если эта пружина все-таки разожмется…

Космические расстояния — понятие, которое люди еще не успели

осознать, но почувствовали в полной мере. Думал ли он, ложась в камеру низкотемпературного сна на орбите Земли, что полет к новому месту службы приведет его к столь загадочным и непредвиденным проблемам?

Конечно же, нет. Но парадокс — он лег в камеру анабиоза в предвкушении одного мира, а очнулся от ледяных объятий низкотемпературного сна совершенно в ином, хотя прошло всего десять месяцев…

Мир Ганимеда оказался неузнаваем. В нем не нашлось ровным счетом ничего из рекламных телевизионных роликов, которые постоянно крутили на Земле.

…Шаги прокрались по коридору этажа, на минуту — смолкли за дверью соседней квартиры и внезапно вновь прорезались в стылой, сторожкой тишине здания.

Бледно-желтое пятно света от фонаря метнулось по косяку приотворенной двери, легло на стену, секунду дрожало на ней и вдруг поползло вниз, четко высветив фигуру сидящей на корточках у окна Лады…

В коридоре раздался невнятный вздох, но она опять-таки не шевельнулась, будто ее мозг обладал стопроцентным самоконтролем над телом, только глаза вдруг сначала сузились, а потом вдруг как-то неестественно напряглись, расширились, словно отражая невероятную, сногсшибательную странность некоего события…

Наумов резко шагнул вперед, одновременно вскинув ствол штурмового автомата.

В коридоре стоял молодой мужчина. Его лицо казалось бледным и осунувшимся, но не выглядело испуганным — скорее он был озадачен…

— Лада?! — мучительно напрягая память, вдруг произнес он, глядя на девушку и совершенно проигнорировав Наумова. — Черт побери… — потрясенно произнес он, машинально отклонив в сторону направленный ему в грудь ствол штурмового автомата. — Вот уж не думал, что мир действительно так тесен!..

По лицу Лады скользнула легкая тень улыбки.

Наумову вдруг показалось, что она в шоке… только тщательно, до судороги мышц лица пытается скрыть данное обстоятельство.

— Здравствуй, Семен… — тихо произнесла она.

Машинально прислоненная к стене снайперская винтовка вдруг поехала вбок и упала с неестественно громким, прямо-таки оглушающим лязгом — звуком, от которого все трое вздрогнули.

— Так… — Наумов опустил автомат, поднял винтовку Лады и,

перекинув свое оружие через плечо, стволом вниз, решил, что ребусов для него на сегодня достаточно. — Вы кто такой? — резко, но не грубо спросил он, обращаясь к неожиданному свидетелю их маленького рандеву с американским вертолетом.

— Я? — Семен внезапно усмехнулся, весело и заразительно. Это движение губ так резко диссонировало с той напряженностью, которая в буквальном смысле слова витала в воздухе небольшой детской комнаты,

что Наумову стало не по себе. — Я вообще-то тут живу, не в этой квартире конкретно, но в этом доме, а вот откуда свалились вы? — Он окинул взглядом их похожую экипировку и оружие.

— Оттуда, — Наумов сделал неопределенный жест в сторону фиолетово-черного неба, на котором нездоровой красно-коричневой полосой рдел исполинский серп Юпитера. — А я думал, что все жители покинули сектор, — как бы между прочим заметил он, испытующе взглянув на Семена.

— Да, жители эвакуированы, — подтвердил тот, вновь оборачиваясь к Ладе, которая, очевидно, в данный момент интересовала его намного больше, чем полковник. — Я не отношу себя к категории «жителей», — все же добавил он. — Прилетел я совсем недавно и еще не понял, нравится мне тут или нет…

— Ну, а ты, моя случайная попутчица, как ты попала сюда, да еще и в таком виде? — спросил он, окидывая Ладу с ног до головы выразительным взглядом, под которым вдруг что-то дрогнуло на ее, как казалось Наумову, каменном, волевом лице, не способном к естественной мимике. Губы Лады внезапно тронула тень улыбки.

— Сбежала… — вдруг тихо произнесла она, словно школьница, оправдывающаяся за нарушение дисциплины.

— Откуда? — переспросил Семен, для которого ответ не показался совершенно очевидным, как для Наумова, например.

— С Земли, — уточнила она.

* * *

Семен подошел к окну, выглянул наружу, где по сгоревшему остову вертолета все еще метались робкие язычки голубоватого пламени, и, обернувшись, вопросительно посмотрел на Наумова.

— Вы можете объяснить, что происходит? — внезапно спросил он.

— Я хотел задать тот же вопрос вам, — мрачно ответил полковник. — Почему российский сектор не выходит на связь с «Альфой»?

Встречный вопрос на секунду смутил Семена, но он быстро

сообразил, что полковник, очевидно, знает еще меньше, чем он сам.

— К сожалению, мне будет трудно дать исчерпывающую информацию, — ответил он. — Я находился очень далеко отсюда, когда все началось. Вероятно, население сектора, а возможно, и вся колония сейчас эвакуируется в специальное подземное убежище…

— С чем это связано? — резко спросил Наумов. — С появлением «Гарри Трумэна»?

— Не знаю, — покачал головой Семен. — Я получил сигнал тревоги и приказ возвращаться к ближайшему поселению пять часов назад… — сообщил он. — Вот заскочил по дороге забрать документы. Честно говоря, меня здорово напугал сбитый вертолет. По рации передавали о каком-то военном корабле, но я не думал, что все так серьезно…

— Ты видел поблизости людей?

— Тут неподалеку космопорт сектора. Мимо меня к нему проехало несколько машин… Они очень торопились, мы едва сумели разойтись на дороге.

— Ясно. — Наумов повернулся к Ладе. — Ты идешь? — без обиняков спросил он. — Мне нужно связаться с бортом «Альфы». Думаю, что из космопорта это возможно.

Она на секунду растерялась. Внутри разлилась неприятная сосущая пустота. Все, чем она грезила, на что надеялась и о чем мечтала, — все оказалось грубо смято и откинуто в сторону, будто ее надежда не более чем мусор после вчерашней вечеринки…

— Ты идешь или нет?

Лада так и не ответила ему, но встала, подобрав оружие.

— Подкинешь до космопорта? — спросил Наумов, обернувшись к Семену.

— Да, конечно… — Тот выглядел совсем сбитым с толку. — Думаете, все так серьезно, полковник? — снова повторил он свой вопрос…

В этот момент, заглушая конец его фразы, прочные стекла в тройных пластиковых рамах вдруг тонко задребезжали.

Со стороны пустыни, откуда пришли Лада и Наумов, внезапно показалось голубоватое зарево, и оттуда начал накатываться вой. Еще секунда, и яркий, раскаленный болид идущего на посадку спускаемого аппарата пронесся, словно огненная стрела, над самыми крышами покинутых людьми зданий…

* * *

На улице, между домов чувствовалось слабое дуновение ветра. В

воздухе висел едва ощутимый неприятный запах, и трудно было понять — пахнет ли это от сгоревших пластиковых деталей обшивки вертолета или ветер несет этот запах издалека, от расположенных к северу станций атмосферной переработки…

Машина, на которой приехал Семен, мощный внедорожник, смахивающий на миниатюрный вездеход, стояла у подъезда соседнего здания. Проехать дальше ему помешал обугленный остов вертолета, который перегородил собой всю улицу от стены до стены.

Покосившись на сбитую военную машину, от которой все еще поднимался дым, просачивающийся сквозь трещины в расколовшейся от удара обшивке, Семен залез в кабину и завел двигатель. Наумов сел назад и тут же опустил боковое стекло, положив автомат на колени. Лада колебалась недолго — распахнув переднюю дверь, она села рядом с водителем.

Тронув машину с места, Семен свернул в соседнюю улицу, объезжая вертолет.

— А я не знал, что ты служишь в Военно-космических силах… — произнес он, искоса посмотрев на Ладу. — Слушай, а все-таки как ты оказалась тут? Если брать на веру теорию вероятности, то шансов на нашу встречу считай что и не было…

— Я же сказала, что бежала с Земли… — ответила она. — Я нигде не служу. Мне ПРИШЛОСЬ надеть эту форму… — в ее словах прозвучали раздражение и досада.

Семен пожал плечами, вцепившись в руль. Машина как раз выскочила на перекресток, и ее занесло, когда он слишком резко повернул колеса.

— Ты так странно исчезла тогда… — напомнил он, справившись с управлением. — Честно говоря, я даже пытался узнать о тебе через госпиталь, но мне ответили, что не видели никого похожего на тебя…

— Я не была там, — немного помедлив, подтвердила Лада, поворачивая расположенное рядом с ней зеркало заднего обзора так, чтобы видеть Наумова. Полковник сидел, напряженно глядя в окно, и, похоже, ни капли не интересовался завязавшимся разговором. — Извини, Семен, я солгала тебе тогда, на Земле. Но я не жалею… — Ее голос прозвучал глухо и взволнованно, мгновенно растеряв всю свою жесткость. — Не жалею, потому что иначе меня бы не было здесь… — спустя несколько секунд добавила она.

— Наша встреча на Земле и твой прилет сюда как-то взаимосвязаны?! — искренне удивился Семен.

— У меня были большие проблемы… — Казалось, голос Лады

блуждает в бездне каких-то ведомых только ей воспоминаний. Он звучал глухо и неровно. — В тот день, когда мы встретились, я стала невольной свидетельницей разговора между тобой и твоим отцом, — призналась она, а Семен, который не вызывал ее ни на какие откровения, вдруг почувствовал себя не совсем удобно — словно злой шутник, переодевшийся в рясу священника и затаившийся в кабинке для исповеди… — Тогда мне все казалось черным, и выхода из этого не было. — Она запрокинула голову, задумчиво глядя в окно на удаляющуюся группу многоэтажных домов, меж которых все еще маячил силуэт сбитого вертолета. — У меня никогда не было настоящей семьи, и обо мне никто не заботился так, как о тебе. Я ни во что не верила и ничего не ждала от жизни. Твой отец задел меня за живое, он нарисовал Ганимед такими красками, каких я не встречала в своей жизни. Он убеждал тебя, но я слышала ваш разговор, и этот мир остался в моем сознании именно таким, как он преподносился тебе. Мечта… — Она усмехнулась, наверное, осуждая собственную наивность. — Мир, населенный умными, гармоничными людьми. Мир без войны, ненависти, нищеты и злобы. Он вошел в мою душу как драгоценный образ, и я уже не смогла избавиться от него. — Глаза Лады вдруг потемнели. — Понимаешь, мне нипочем было не попасть сюда обычным порядком, даже в том случае, если бы я каким-то чудом нашла нужную для отлета сумму денег. Поэтому, когда мне предложили улететь, пусть инкогнито, для участия в операции военного ведомства, я колебалась только в одном — на Земле оставался единственный дорогой мне человек. — Она на секунду умолкла, будто собираясь с силами для следующей фразы…

Семен тактично промолчал, лишь изредка поглядывая в ее сторону на ровных, не требующих повышенного внимания участках дороги. Ей необходимо было выговориться. Не зная ни одной из тайн ее жизни, он, как тогда, на парковочной площадке перед госпиталем, вдруг почувствовал — она одинока и беззащитна, хоть и носит военную форму и может, не дрогнув, сбить огромный боевой вертолет двумя точными смертельными выстрелами… Было в ней что-то располагающее, человечное, хотя проступало это «что-то» совсем внезапно и тут же исчезало под напряженной, наигранной маской безразличия к собственной судьбе…

Он не знал, о каком человеке идет речь, но понял, что тот действительно был ей дорог, как никто другой в этой жизни…

— Когда он умер, до старта «Альфы» оставалось меньше месяца… — дрогнувшим голосом продолжила она. — Я была в отчаянии — вместе с ним погиб мой мир… Единственное, что осталось во мне, — это скорбь и

та мечта, что заронил в мою душу твой отец. Поэтому я согласилась… Но я не собиралась выполнять никаких миссий или поручений. Я просто хотела отсечь от себя все прошлое, забыть его, начать новую жизнь в новом мире… — Произнося эти слова, Лада смотрела куда-то в сторону, мимо проносящихся за ветровым стеклом пустынных пейзажей Ганимеда. — Как видишь, не получилось… — со вздохом заключила она. — Меня встретил мертвый, пустой мир и вертолет с «Гарри Трумэна», которым управлял сумасшедший пилот… Пока она говорила, впереди показались огни космопорта. Под колесами внедорожника гулко и мягко застучали стыки огромных бетонных плит, которые выстилали отведенный под посадочные поля участок равнины. Вдалеке показались и начали стремительно расти фигурки людей, освещенные резким, неприятным светом бьющих со специальных решетчатых вышек прожекторов.

— Езжай к диспетчерской, — попросил Наумов, тронув Семена за плечо. — Мне нужно связаться с «Альфой» и с кем-нибудь из руководства колонии.

Тот кивнул, резко повернув вправо. Теперь они ехали мимо длинных взлетно-посадочных полос, в конце которых возвышались ребристые ангары для «Буранов». Около одного из них суетилась группа людей, человек в двадцать, многие из которых бегали вдоль огромных полуоткрытых створов, размахивая руками и что-то крича. Издалека эта суета казалась безобидной и немного нелепой, но опытный взгляд Наумова сразу же дал ей точное и безжалостное определение — паника.

Машина резко скрипнула тормозами и остановилась подле крыльца унылого двухэтажного здания с огромными панорамными окнами, за которыми горел свет. На крыше строения медленно вращалось несколько параболических радарных антенн.

— Приехали, — сообщил Семен, выбираясь из машины.

Люди вдалеке продолжали что-то кричать. От стоянки в сторону ангара по взлетному полю полз мощный тягач. На его подножке тоже повисли несколько человек, а сзади волочился случайно размотавшийся из бухты буксировочный трос.

Внезапно та группа людей, что толпилась на краю посадочных полей, в освещенном прожекторами круге, всколыхнулась, будто горсть листьев под порывом осеннего ветра. И опять издалека все показалось вполне безобидным — маленькие, машущие руками фигурки вдруг бросились врассыпную, разбегаясь по бескрайней равнине посадочного поля, словно насекомые в лесу или в поле, спасающиеся от тяжелого сапога случайного путника…

Наумов пристально посмотрел в ту сторону, но не разглядел ничего, кроме бегущих в разные стороны людей.

— Пошли, — коротко приказал он и толкнул дверь здания, даже не оглянувшись, чтобы проверить, следуют ли за ним Семен и Лада.

* * *

В диспетчерских отсеках офисного здания космопорта не оказалось никого, кроме одного насмерть перепуганного человека. Наумов, который первым вошел в широкие стеклянные двери, заметил его не сразу — тот сидел, скорчившись в кресле за одним из компьютерных терминалов, и что-то тихо бормотал, уронив взлохмаченную голову на ладони рук.

— Эй, парень… — Наумов осторожно потряс его за плечо и на всякий случай отступил на шаг назад.

Тот резко вскинул голову, дико озираясь по сторонам.

— У меня нет заправленных «шаттлов»! — вдруг истерично выкрикнул он, глядя на вошедших людей красными от обилия лопнувших капилляров глазами.

— Успокойся. — Наумов отпустил автомат, позволив тому свободно повиснуть на ремне, и поднял руки, развернув их ладонями к перепуганному мужчине. — Нам не нужны «Бураны». Мы хотим связаться с руководством колонии. Ты можешь установить связь с кем-нибудь из администрации? Как тебя зовут?

— Виктор… — ответил он с дрожью в голосе.

— Отлично… Значит, мы с тобой тезки… Не психуй… — Произнося эти слова, Наумов начал медленно приближаться к терминалу. За большим панорамным окном тем временем группа людей, что разбегалась от ангара, вконец рассеялась, превратившись во множество отдельных точек, разбросанных по бесконечности бетонного поля.

— Они… Они… — Оператор привстал, с ужасом выглядывая поверх пульта. Протянув руку в отчаянном жесте, он указал в сторону полураспахнутых ворот ангара, которые как раз в этот момент дрогнули, выпучиваясь наружу под напором идущей изнутри силы… Еще секунда, и массивные створы, которые почему-то остановились на половине своего хода, сорвало с направляющих, и они тяжко рухнули, плашмя ударив по бетонному покрытию…

Изнутри ангара прорвалось пламя, и оттуда, словно голова мистической твари, показался объятый отсветами бушующего сзади неистового огня белоснежный нос «Бурана».

Ровно секунду он медленно полз, преодолевая порог выдавленных

наружу ворот, а затем совершенно внезапно сорвался с места, неуклюже подпрыгнув на объятых пламенем литых резиновых колесах многоосных шасси и, все ускоряясь, понесся по летному полю, пересекая разметки рулежных дорожек, паркингов и сортировочных площадок для прибывающих грузов…

— Ложись!!! — дико заорал Наумов, увлекая в падении на пол ополоумевшего от страха оператора.

Объятый пламенем «Буран» стремительно несся по полю, прямо к его краю, где располагалась сплошная стена автоматических грузовых терминалов, над которыми торчали длинные решетчатые стрелы разгрузочных кранов…

Лада рухнула на колени, одной рукой увлекая за собой Семена, а другой машинально зажав рот, чтобы не закричать. Она слишком хорошо поняла, что произойдет в следующую секунду.

Орбитальным многоразовым челноком управлял отнюдь не пилот. Иначе этот человек не стал бы запускать двигатели реактивной тяги в замкнутом помещении ангара, где часть не успевшего сгореть топлива из сопел выплеснулась на обшивку и подожгла ее… Ни один нормальный пилот не сделал бы такого…

Многотонная машина, больше похожая в данный момент на детскую петарду, запущенную из шалости каким-то ребенком, пронеслась по бетонному полю, перечеркнув его поперек страшным, дымящимся следом обугленного покрытия, на котором продолжали гореть, словно разметочные огни, куски оторванной обшивки и фрагменты расплавившихся опорных колес шасси.

В следующий миг тупой, обтекаемый нос «Бурана» врезался в сплошную стену двухэтажных грузовых терминалов и начал сминаться, будто был сделан из тонкой белой фольги…

Взрыв, полыхнувший мгновение спустя, заставил тяжело содрогнуться землю и здания… Лада видела, как по всей протяженности бетонного поля взрывная волна выбивала стекла в прожекторах, заставляя те вспыхивать снопами искр и тут же гаснуть, погружая в сумрак огромное пространство космодрома…

Затем упругая отдача взрыва накрыла офисные здания. Семену на миг показалось, что пол, на котором он лежал, вырвался из-под него, норовя встать дыбом, он ощутил резкую боль в ушах и почувствовал, что его приподнимает вверх. Широко раскрыв глаза, он машинально вцепился в стойку привинченного к полу кресла, с ужасом наблюдая, как брызнуло серебристой метелью осколков огромное панорамное окно той комнаты,

откуда они наблюдали за происходящим…

Грохот адской волной прокатился по растерзанному полю, попутно выбивая все уцелевшие стекла, и ушел вдаль басовитыми, рокочущими раскатами, будто отголосок далекой грозы…

На Ганимеде еще ни разу не было гроз…

Разломившийся пополам остов «Бурана» ослепительно полыхал, поджигая окрестные терминалы, на складах которых было полно пищи для разбушевавшегося огня… Этот чудовищный факел, ставший погребальным костром для объятых паникой, пытавшихся спастись людей, освещал окрестности на несколько километров, и в его неверном, мятущемся свете были хорошо видны разбросанные тут и там, лежащие ничком, будто оброненные ребенком тряпичные куклы, маленькие фигурки тех, кто так и не добежал до спасительных укрытий…

* * *

Говорят, что экстремальные обстоятельства не только будят в людях не свойственные обычной жизни силы. Внезапно нагрянувшая беда вскрывает души участников событий, будто нож консервную банку, ясно показывая хранящееся в ней содержимое, какое обычно бывает закрыто оболочкой условностей, манер поведения — тем, что мы привыкли подразумевать под словом «имидж»…

Ожесточенные, испуганные и обескураженные люди мгновенно показывают — кто есть кто.

— Я же говорил им… говорил… — Извиваясь, как пораненный червяк, оператор, назвавшийся Виктором, старательно пытался отползти в сторону, подальше от выбитых взрывной волной окон, за которыми простиралось страшное сумеречное пространство взлетных полей.

Семен встал с пола, обеими руками держась за голову. Она гудела, словно колокол, по которому со всего размаха ударили кувалдой. Из порезов на его лице сочилась кровь.

Окинув взглядом помещение, в котором оказались перевернуты кверху дном все не закрепленные у пола предметы, он с видимым усилием отнял руки от кровоточащих ушей и склонился над Ладой, которая, как ему показалось, потеряла сознание.

Наумов встал достаточно резко, и крошево битого стекла посыпалось с него, вторя треску разбушевавшегося на улице пожара тонким, жалобным перезвоном.

Оглядевшись по сторонам, он увидел, что на части терминалов продолжают искриться контрольные огни, и, не тратя времени на слова и

уговоры, резко поднял за шиворот потерявшего всякое соображение оператора.

— Связь, живо! — приказал он. — И прекрати ныть! Как ни странно, но его резкость подействовала на

Виктора самым благотворным образом. Он энергично закивал, вцепившись дрожащими пальцами в скошенный угол компьютерной консоли. Затем, не издав ни звука, он переместил продолжавшие дрожать пальцы на сенсорную клавиатуру.

Очевидно, взрывная волна смела с крыши здания все тарелки спутниковой связи, но спустя некоторое время операционная система компьютера нашла резерв, оповестив оператора веселым помаргиванием светодиодов над табличкой «подключение резервных линий».

В недрах терминала что-то защелкало, и венчавший его экран внезапно осветился.

— База, говорит космопорт «Северный», — заученной скороговоркой забубнил Виктор, бросив на Наумова торжествующий и уже вполне осмысленный взгляд.

Несколько мгновений в эфире продолжала царить разрываемая треском помех тишина, потом искажения исчезли, и одновременно с прорвавшимся издалека голосом на экране видеоканала появилось бледное, вытянутое лицо сорокалетнего служащего из администрации колонии.

— С кем я говорю? — осведомился Наумов, цепко обхватив пальцами стойку микрофона, выступающего из скошенной приборной панели.

— Wer bist du?! — Человек на том конце связи потрясенно уставился на попавший в фокус передающей видеокамеры фрагмент скафандра Наумова с нашивкой Военно-космических сил России, болтающийся на плече штурмовой автомат, а затем его блуждающий взгляд переместился на лицо полковника.

— Он спрашивает, кто вы такой, — раздался за спиной Наумова голос Семена. — По-моему, здесь должен быть встроенный автопереводчик, верно? — обратился он к Виктору.

Тот энергично кивнул, поспешив исправить свою оплошность, и в тишину операторской внезапно ворвался ровный, оцифрованный голос, записанный в память машины:

— Отвечайте, кто вы такой, или я прекращу связь!

— С вами говорит полковник ВКС России Наумов.

— Господин Наумов? — Казалось, его собеседник несколько потрясен. — Нас предупреждали о скором прилете нового главы российской военной миссии, но как вы попали на поверхность Ганимеда?

Или я говорю с бортом «Альфы»?

— Вы говорите с космопортом «Северный» российского сектора освоения, — развеял его сомнения Наумов. — Я хочу знать, что тут происходит и почему не предприняты меры для эвакуации жителей сектора? На моих глазах только что произошла катастрофа при попытке вывести из ангара орбитальный челнок «Буран». Где службы эвакуации? Почему тут остались охваченные паникой люди, которым не оказана помощь?

— Вы задаете не те вопросы, полковник, и направлены они не по адресу!.. — внезапно огрызнулся его собеседник. — План эвакуации прекратил свое действие тридцать минут назад. Все, кто успел спастись, уже находятся в убежище, и сейчас входы герметизированы! Я могу высказать вам свое сочувствие по поводу трагических обстоятельств нашего знакомства…

Лада, которая в этот момент подошла к Наумову и встала рядом с Семеном, за его плечом, видела, как краска сбежала с лица полковника, оставив лишь смертельную, пепельно-серую бледность.

— Объяснитесь! — резко потребовал он. — И назовите свое имя, черт побери!

— Моя фамилия Гюнтер, — не менее резко и раздраженно произнес администратор. — Я заместитель начальника колонии. Я не знаю, откуда вы свалились, господин Наумов, но ваши упреки в адрес администрации смехотворны и неуместны. На Ганимеде произошла катастрофа, и в этом повинны люди вашего ведомства! Адресуйте все вопросы господину Кински на борт «Гарри Трумэна». Пусть он попробует объяснить вам, что происходит на Ганимеде!..

— Он врет! — внезапно вмешался в их диалог Виктор. — Вы врете, господин Гюнтер! Я дежурил на связи, когда все началось! Первым был сигнал с процессорной станции переработки, извещающий о сбое в работе автоматических систем и отсутствии операторов на рабочем месте! Никто не дал приказа о немедленной эвакуации, как то предписано! Я сам принимал распоряжение фон Дюрге о том, что не стоит извещать население…

— Поломки на процессорных станциях происходят регулярно!.. — огрызнулся Гюнтер. — Мы выслали аварийно-ремонтную группу, но она не смогла добраться до процессорной станции, потому что на орбите внезапно появился американский боевой крейсер, который сбросил десант в район ледника! — Удивительно, но оцифрованный перевод передавал эмоции голоса, или Наумову так показалось из-за искаженного, перекошенного

лица администратора, который, казалось, не выговаривал, а сплевывал слова с побелевших от напряжения губ. — По словам очевидцев, там завязался настоящий бой, который привел к разрушению ретранслятора телеметрии! — произнес он, подавшись к объективам передающих камер. — Они уничтожили оборудование процессорной станции! А потом этот бесноватый Кински вышел на связь и объявил, что Ганимед атакован неземными формами жизни!

— Зачем «Трумэн» прилетел сюда?!. — Наумов хмурился, пытаясь переварить полученные от Гюнтера сведения, и несколько томительных секунд прошли в напряженной тишине.

— Спросите это у Кински! — опять огрызнулся Гюнтер.

— Ладно!.. — угрожающе подвел итог их беседе Наумов. — Не можете ответить, спрошу у Кински, не сомневайтесь! Но у меня есть еще две проблемы!.. — резко заявил он, мрачно вперившись в экран. — Первая — это люди, которые, как я понял, все еще остаются на территории сектора, а вторая — «Альфа», что висит на парковочной орбите в ожидании разгрузки. Что вы можете сказать по этому поводу? Мне нужно знать, на что рассчитывать и какую вы сможете оказать помощь!

— Я не могу оказать вам никакой помощи, полковник… — быстро сказал немец, который, очевидно, был внутренне готов к ответу на подобный вопрос. — Я знаю, сейчас вы взбеситесь, но вам придется понять, что это не Земля. Атмосфера Ганимеда очень молода и капризна — в случае массового отказа автоматики очистки последствия вполне сравнимы с применением химического оружия. Такие прецеденты уже были несколько лет назад. — Гюнтер говорил почти скороговоркой, будто опасался, что его перебьют. — Любая крупная поломка на станциях переработки требует срочной эвакуации населения в убежище, — пояснил он. — Собственно, его и начали строить из-за тех самых сбоев в работе процессоров, что имели место два года назад… Таков закон, потому что вредные примеси распространяются со скоростью ветра и на первых порах могут оказаться неощутимы при дыхании. Эти инструкции, к сожалению, написаны кровью и поэтому должны соблюдаться неукоснительно!..

До Наумова наконец начал доходить смысл того, что пытался донести до его сознания главный администратор колонии.

— Вы что, не собираетесь разгружать «Альфу»?! — подавшись к экрану, спросил он. — Совсем с ума сошли? Решили закупориться под землей, бросив на произвол судьбы тех, кто не успел к сроку укрыться в убежище?! Забыли, что ни у одного спящего пассажира «Альфы» нет даже шанса на обратный путь?! — Казалось, Наумов просто не хочет верить в те

слова, что срывались с его языка в виде вопросов. — Там же две тысячи человек!

— Два не равняется семи, полковник, — жутковато усмехнулся Гюнтер. — Когда я прилетел сюда, мне тоже многое казалось странным, а порой больше — бесчеловечным… пока я наконец не понял, что тут не Земля, а Дальний космос написал свои законы выживания, не важно, нравятся они кому-то или нет! — Он уже не говорил, а кричал прямо в камеру. — Обстоятельства выше меня или вас, полковник! В районе процессорной станции произошла катастрофа! — Он вытер тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. — Прием колонистов с борта «Альфы» на данный момент невозможен, и мы честно предупредили об этом сменного капитана Гормана. Возможно, вся атмосфера Ганимеда вскоре будет отравлена бесконтрольными выбросами с ледника! Здесь просто нельзя будет жить… — упавшим голосом добавил он.

Рука Наумова внезапно потянулась к скошенной консоли.

— Что вы собираетесь делать?! — заметив его жест, обеспокоился Гюнтер.

— Заткнуть тебе пасть, трусливый ублюдок! — едва сдерживая клокочущую внутри ярость, произнес полковник, отключая связь. — Живи до ста лет, крыса… — яростно выдохнул он и отвернулся, не в силах смотреть ни на погасший экран, ни на бледные лица своих спутников…

— Как ты там говорила? — вдруг спросил он, резко обернувшись к Ладе, которая застыла с окаменевшим лицом, глядя на языки пламени, что бесновались в районе крушения челнока. — Это была мечта?!. Лучшие люди Земли, собранные со всего мира?! — Наумов энергично тряхнул головой, словно пытаясь отогнать от себя наваждение. — Если они лучшие, кого родила Земля, то не стоит жить дальше… — немного тише произнес он, глядя, как по серому, сумеречному полю космического порта бредут по направлению к офисному зданию два человека в изорванной, обожженной одежде… Сжав руками виски, полковник отвернулся от выбитого проема окна. Ему требовалось хотя бы несколько секунд, чтобы успокоиться, сбить растущее внутри чувство пустоты, понять, что жизнь ни в коем случае не окончилась в тот миг, когда он с досадой отключил связь. Просто ситуация очередной раз доказала ему, что уповать и надеяться можно лишь на самого себя. И еще Наумов четко представил себе в эти мгновения, что он ничего не сможет сделать ни для собственного спасения, ни для спасения растерявшихся, охваченных паникой жителей колонии, если не найдет первопричины происходящего…

* * *

— Но они делают хоть что-нибудь для того, чтобы изменить ситуацию?! — взволнованно осведомился Патрик Горман, лицо которого заполнило вновь заработавший экран связи.

— Не знаю. Я уже не надеюсь на это, — ответил Наумов, жестом попросив Виктора прикурить ему сигарету из брошенной кем-то на скошенную панель терминала початой пачки. — Из радиопереговоров я понял, что туда посылали специально подготовленную группу для выяснения причин аварии, — продолжил он объяснять Горману сложившуюся ситуацию, — но они не вернулись. Последнее их сообщение не вселяет радужных надежд. На орбите появился «Гарри Трумэн», и в районе процессорной станции шел бой.

— С кем? — взорвался Горман, которого вконец обескуражили достаточно простые, но жестокие по земным меркам и непонятные с точки зрения здравого смысла пояснения полковника.

Лицо Наумова исказило некое подобие усмешки. Было видно, что он сильно нервничает, но пока что еще держит себя в руках.

— Насколько я понял, десантники Джона Кински столкнулись там с враждебно настроенными ксеноморфными организмами, — сообщил он, кивком поблагодарив Виктора за протянутую сигарету.

Пока Горман переваривал эту шокирующую новость, Лада, не принимавшая участия в разговоре, отвела Семена в сторону и спросила:

— Скажи, все действительно так серьезно? Словам этого Гюнтера можно верить?!

— Хороший вопрос… — Он огляделся в поисках кресла и, заметив стул в дальнем углу комнаты, сел на него. — Мама всегда говорила мне, что нужно быть расторопным… — с досадой поведал он. — Но ты же знаешь, мы редко слушаем родителей. Когда я понял, что опаздываю к закрытию шлюзов убежища, то, как и полковник, попытался связаться с кем-то из руководства, прямо на ходу, из машины. Они мне ответили примерно то же самое… Есть временной рубеж — четыре часа после аварии. За этой чертой жалость уступает место здравому смыслу. Ни про каких там ксеноморфов не было и речи, — признался он. — Их никто не видел, кроме людей этого самого Кински! А вот лед Ганимеда — это древняя малоизученная субстанция. — Он усмехнулся. — Про данную опасность я, к сожалению, знал и без них и потому не строил для себя особых иллюзий. Там может присутствовать все, что угодно, — начиная от ядовитых соединений, к которым уже все привыкли, и кончая реликтовыми

микроорганизмами, которые имеют свойство спокойно переносить миллионолетний холод. К сожалению, в момент аварии я находился далеко в пустыне и у меня под рукой не оказалось скафандра. Я дышал воздухом, состав которого уже не освидетельствовался аппаратурой, и потому в мой организм вполне могла проникнуть древняя вирусная флора. Так, по крайней мере, мне объяснили по рации…

— А как ты себя чувствуешь? — встрепенувшись, спросила Лада. Возможно, она и хотела скрыть тревогу в голосе, но ей это не удалось.

— Пока нормально, — пожал плечами Семен. — Ты, между прочим, дышишь той же дрянью, что и я.

Лада машинально потянулась к окантовке забрала своего гермошлема, потом махнула рукой в безнадежном жесте и усмехнулась.

— Черт с ним, уже надышалась… — будто извиняясь за свой порыв, произнесла она.

Разговаривая вполголоса, они не слышали, как сзади к ним подошел Виктор.

— Слушайте, ребята, — возбужденно вклинился он в разговор Семена и Лады. — Тут такое дело… В общем, я наврал, — есть в ангарах заправленные и готовые к старту челноки. Мы ведь ждали прибытия «Альфы», понимаете?!

— Ну и что? — не понял его возбужденного шепота Семен. — Куда ты разгрузишь колонистов? Их же реабилитировать надо после криогенного сна, а не просто выпихивать в атмосферу, которая, может быть, уже отравлена! Головой-то думай, — сам не видишь, что творится вокруг?

— Ты не понял!.. — Теперь Виктор уже конкретно перешел на шепот, покосившись в сторону двух служащих космопорта в обгоревших форменных комбинезонах, что минуту назад добрели до диспетчерской и теперь без сил сидели у стены, переводя дух. — Эти парни — пилоты «Буранов», я их знаю. Слышали, как командир «Альфы» говорит с вашим полковником? Он его уважает!.. Сечете?!. Думаю, что если полковник хорошо попросит, то Патрик Горман не откажется принять нас на борт!..

— Да, несколькими трупами больше или меньше, какая ему разница? — мрачно изрек Семен, который наконец понял, куда, собственно, клонит Виктор, и тут же пояснил источник своего черного юмора: — У меня уже была истерика, не сомневайтесь… — Он вполне серьезно посмотрел сначала на Виктора, а потом на Ладу. — Километрах в пяти отсюда, когда я понял, что не успею… Железными нервами похвастаться не могу… — со вздохом признался он. — Но я понял, переговорив с

руководившим эвакуацией офицером, что если не случится чуда, то их участи тоже нельзя позавидовать… Есть только два корабля, способные либо эвакуировать колонию, либо доставить новое оборудование для переработки атмосферы, — пояснил он. — Все произошло так внезапно, что шансов на благополучный исход практически нет… «Альфа» на орбите Ганимеда, «Бета» еще не преодолела и четверти пути к Земле. Любой из этих двух кораблей, вернувшись сюда через полтора земных года, найдет в лучшем случае горстку выживших, — подземное убежище еще не закончено, и вряд ли люди внутри продержатся так долго…

— Да что ты заладил про свое убежище! — внезапно взорвался Виктор. — Пусть они там сидят хоть до второго пришествия!.. — с досадой выкрикнул он, заставив Наумова на секунду прервать свой диалог с Горманом и обернуться. — Я жить хочу! Я! Понимаешь?!

— Понимаю! — Семен тоже с трудом держал себя в руках. — Жить хотят все! — отрезал он. — Но на борту «Альфы» нет места для пассажиров!

— Ну что им стоит?! Всего несколько человек! Они же не звери!

Лада, напряженно слушавшая его истерику, вдруг отвернулась. Семен, который тоже чувствовал, что совсем недалек от нервного срыва, все же попытался как-то успокоить Виктора, но тот резко вывернулся из-под его руки и почти бегом кинулся к двум пилотам «Буранов», что сидели у стены, приходя в себя после потрясшего космодром взрыва челнока.

— Ребята… Мужики… — раздался оттуда его срывающийся голос.

Семен отвернулся, глядя в уродливый проем выбитого окна.

Еще чуть-чуть, и они все один за другим начнут терять человеческий облик перед лицом неумолимо надвигающегося конца. Думать об этом было просто жутко.

— Какой-то дьявольский замкнутый круг!.. — негромко выругался Наумов, завершив сеанс связи с орбитой. Отвернувшись от терминала, он угрюмо посмотрел на Семена и Ладу. — Есть какие-то мысли? — спросил он, гася окурок.

В его голове по-прежнему роились одни вопросы, и до полной ясности еще было ой как далеко… А время уходило. Это Наумов понимал очень ясно… потому и нервничал не меньше, чем любой в этой комнате.

— Все началось на процессорной станции… — внезапно ответил на его взгляд Семен. — Проблема родилась там. Там ее и нужно решать.

— Они уже посылали туда ремонтную группу, ты же слышал… Там «Гарри Трумэн» и псих Кински, который блокировал район и твердит про каких-то ксеноморфов, что вырвались из-подо льда в районе станции

переработки. По-моему, он собирается накрыть ледник тяжелыми ракетами и тем самым спасти колонию от вторжения чужих форм жизни. Я понял именно так.

— Он правда сумасшедший? — обернувшись, серьезно спросила Лада.

— Возможно, — пожал плечами Наумов. — Горман опытный астронавт — он представляет внутренние возможности такого корабля, как «Трумэн», и считает, что Кински и его команда подверглись воздействию той же формы психического расстройства, что и экипажи обоих «Юпитеров» во время бессменного перелета. Только ни мне, ни вам не станет легче от констатации факта их безумия, верно?

— Нет, — вдруг возразила Лада. — Если Кински и его команда безумны, то это меняет дело.

— Смеешься? — мрачно поинтересовался Наумов. Ему самому было не до шуток, а абстрактные выкладки не входили в круг его обыденных привычек. Он не знал Ладу, не видел ни ее внутреннего мира, ни образа мышления и потому не мог предположить, что все это время она пыталась по-своему оценить происходящее.

Ни Наумов, ни кто-либо другой не предполагали, что она — единственная из них, кто обладал необходимым в данный момент качеством — объективностью. Для той Лады, которая являлась бродяжкой, понятие границ и государств попросту отсутствовало, а Ладе нынешней это чувство еще не успело привиться — не было времени на наработку того внутреннего ощущения ГРАНИЦ, которое незримо присутствует в каждом из нас.

В душе она всегда была и оставалась истинным космополитом, человеком Земли, а не какого-то отдельно взятого государства… К тому же после той информационной ломки, что устроил ей Колышев в подземных бункерах «Гага», ее неосознанным богом действительно стала логика.

— Никто не знает, почему «Гарри Трумэн» появился здесь именно сейчас, но это нельзя назвать случайностью. Взаимосвязь очевидна. ЕГО СЮДА ПОСЛАЛИ, а это значит, что Кински знал про грядущие события и имеет на этот счет четкий приказ… — произнесла она, пристально глядя на Наумова. — Но меня и вас, полковник, тоже ПОСЛАЛИ сюда… — напомнила она. — Это не может быть совпадением. Значит, и мы ДОЛЖНЫ знать, что происходит на этом леднике…

Глава 12

Космопорт «Северный» российского сектора освоения. То же время…

— Отчего ты так решила? — Наумов невольно оглянулся на двух пилотов из штата космопорта, которые прислушивались к их разговору, не скрывая своей заинтересованности в происходящем. Один из них встал и, прихрамывая, подошел к пульту связи, возле которого стоял полковник.

— Сергей Бочкарев, — представился он, протянув Наумову руку. — Вчера бы я не сказал этого, но сегодня мне приятно видеть здесь человека в форме… — не смущаясь, признался он.

— Спасибо… — Наумов вновь обернулся к Ладе, решив, что нет смысла таиться, устраивая какое-то секретное совещание. В конце концов следовало понять, что ситуация не располагает к разобщенности действий. — Присоединяйтесь… — предложил он второму пилоту, что заботливо баюкал на груди пораненную руку, и Виктору, который с мрачным видом курил, изредка демонстративно сплевывая на усеянный осколками стекла пол диспетчерской.

— Итак, чем мы располагаем? — спросил Наумов, обращаясь сразу ко всем. — Виктор, что тебе известно по поводу аварии на леднике? Она произошла до появления на орбите «Гарри Трумэна», верно?

— Приблизительно за три часа до его первого выхода в эфир… — без особого энтузиазма подтвердил диспетчер. — Существует центральный пост наблюдения — своего рода центр связи Ганимеда, но в тот момент он оказался недоступен для нужного спутника, и потому информация была передана через нас.

— В чем ее суть? — спросила Лада. — Что там случилось?

— Я не знаю… — развел руками Виктор. — Это был компьютерный код. На связь вышли машины, а не люди. Просто автоматический сигнал о неполадках в системе. О судьбе людей, которые обслуживали станцию, никто не знает. Они не выходили в эфир даже после того, как их начали вызывать на аварийных частотах… — Заметно нервничая, он взял валявшуюся на панели пульта пачку сигарет и дрожащими пальцами прикурил от почти докуренной сигареты новую.

— Что было потом? — продолжал допытываться Наумов. Полковнику казалось, что во всей царящей вокруг неразберихе должно быть какое-то

здравое, рациональное зерно, некая нить, ухватившись за которую можно будет распутать весь этот клубок загадок и противоречий…

— Руководитель колонии передал приказ о приостановке стандартных процедур по приему грузов и пассажиров с «Альфы», — ответил Виктор, уродуя в пальцах прикуренную сигарету. — Думаю, что он уже знал о появлении «Гарри Трумэна». Возможно, американцы ДУМАЛИ, что их не видят, но у нас очень развита инфраструктура спутников — здесь работают люди, которые изучают не только Ганимед, но и сам Юпитер, его другие луны, окружающее пространство и весь ближний к Юпитеру космос, так что появление любого космического тела будет неизбежно зафиксировано каким-либо из сотен выведенных на орбиты приборов.

— А тебе не показалось странным, что был отдан такой приказ?

— Показалось, но что я мог сделать? На то есть начальник службы космопортов. Кстати, он уехал сразу же после переговоров с руководством колонии. Мы еще гадали, что случилось, когда на связь абсолютно внезапно вышел какой-то незарегистрированный спускаемый модуль, который прямо заявил, что принадлежит ВКС США. Его пилот был не просто испуган, он был в шоке. За годы работы я научился различать интонации голоса, — угрюмо похвастал Виктор и тут же добавил: — Он кричал о нападении на Ганимед каких-то ксеноморфов и призывал всех бежать, пока еще не поздно…

Выслушав его, Семен покачал головой.

— Было бы странно предположить, что «Гарри Трумэн» случайно оказался тут… — заключил он, обращаясь скорее к Наумову, чем ко всем собравшимся. — Но даже если это так, то вторая случайность — что он внезапно обнаружил нечто, чего не видели осваивающие Ганимед люди на протяжении двух десятков лет, — становится совсем уж невероятной. — Семен поднял хмурый взгляд на полковника. — Лада права, тут существует одно объяснение — корабль был специально послан, чтобы обнаружить что-то находящееся на леднике…

— Не хочешь ли ты сказать, что американцы сознательно подвергли Ганимед риску агрессии со стороны чуждых форм жизни? — Наумов не питал особенных симпатий к своим коллегам из-за океана, но он знал — есть черта, которую не переступит ни один военный. В том случае, конечно, если ситуация предполагает выбор.

— Нет, — вместо Семена ответила Лада. — Они не предполагали этого. Иначе действовали бы по-другому. По их мнению, то, что находилось на леднике, не представляло серьезной опасности.

— Я не соглашусь с этим никогда! — отрезал Наумов. — Факты

говорят об обратном! Если верить всем сообщениям, там погиб целый взвод отлично подготовленных и вооруженных бойцов! Что бы ни скрывалось на леднике — оно опасно и враждебно!

— Нужно закрыть глаза и сосчитать до десяти, — спокойно ответила Лада. — Главный наш враг на данный момент — это мы сами. Еще никто не видел воочию никаких ксеноморфов, но смертей, трусости и эгоизма уже в избытке, — не без горечи констатировала она, красноречиво указав взглядом за выбитое взрывом окно, где догорали обломки взорвавшегося орбитального челнока. — Нас не нужно уничтожать или завоевывать, мы сами уничтожим себя, появись лишь повод…

— А тот вертолет, что ты сбила? — не унимался Наумов.

— Он только подтверждает предположение Патрика Гормана, — отрезала Лада. — Человек в здравом уме не откроет шквального огня из всего бортового оружия только потому, что увидел тень за окном жилой многоэтажки, — жестко заключила она. — Люди с борта «Трумэна» больны, но сами не понимают этого. Космос медленно разрушил их психику. Возможно, что нечто находящееся на леднике действительно не представляло собой опасности, пока они не сделали чего-то подобного открытию огня по стенам зданий! — Лада красноречиво взглянула на полковника и спросила: — Ты не думаешь, что военные вторглись в ту область, где им изначально не было места? — Она обращалась к Наумову, но каждый из присутствующих невольно примерил этот вопрос к себе. — Даже если бы экипаж «Трумэна» остался вменяем, роковые события все равно бы захлестнули Ганимед — неужели это не понятно?!

— Почему? — упрямо и недоверчиво переспросил Наумов.

— Виктор Сергеевич, она права, — внезапно подал голос Семен. — Зачем послали на Ганимед вас лично? Есть ли в этом назначении какой-нибудь смысл… — ведь час назад вы сами признались мне, что ознакомились с устройством скафандра уже на борту «Альфы». Насколько я понял, вся ваша заслуга — в огромном боевом опыте? — Семен вопросительно посмотрел на полковника. Потом перевел взгляд на Ладу и уточнил: — А в какой области ты столь незаменимый специалист, что на Земле пошли на риск твоего нелегального внедрения на борт «Альфы»? В чем суть твоей незаменимости?

Казалось, Ладу не шокировал этот вопрос. Она побледнела, но достаточно быстро овладела собой. Потом, глядя на Семена, вдруг тихо ответила, будто стыдясь произнесенного вслух слова:

— Смерть.

Наумов резко повернулся.

— Но… — начал было он, однако Семен жестом попросил его замолчать.

— Вот и отгадка, — уверенно произнес он. — Если добавить сюда внезапно возникший на орбите Ганимеда крейсер ВКС США, то вывод напрашивается сам собой — ив России, и в Америке знали, что тут что-то должно произойти. Штаты послали сюда «Гарри Трумэна», не посчитавшись ни с международными соглашениями, ни с тем, что данный корабль не приспособлен для транссистемных перелетов. Но у России, к сожалению, нет боевых космических кораблей. И вы, — он посмотрел на полковника и Ладу с каким-то новым любопытством, даже можно сказать, с опаской, — вы двое — это именно то, что наша страна смогла в авральном порядке противопоставить космическому крейсеру США…

— Да это бред! — не выдержал наконец Наумов. — Вы, молодой человек, конечно, можете строить тут гипотезы, но я…

— Вы профессиональный солдат… один из лучших, я подозреваю, — завершил его мысль Семен. — Честный и грамотный профессионал, который, получив приказ, будет его выполнять… А Лада… — он с сомнением посмотрел на нее, наверное, подбирая какое-то слово, но для Наумова вдруг все стало ясно — он видел, как она двумя выстрелами сбила вертолет, обломки которого сейчас валялись в теснине улицы расположенного неподалеку городка. В службах контрразведки, несомненно, знали, что «Трумэн» появится в колонии. Знали и хотели помешать его действиям… Или просто опередить их… В принципе это было возможно, при условии, что «Альфа» прибудет раньше и успеет разгрузиться до грядущих событий. Тогда Наумов, получив соответствующие инструкции от местного резидента, смог бы если не помешать экипажу «Трумэна» осуществить свою миссию, то значительно осложнить ее…

— Смерть плюс смерть… — тихо произнес он, словно то была формула какого-то страшного заклятия. — Что же там может быть, на этом чертовом леднике? — вдруг совершенно серьезно спросил он.

— Я не знаю… — развел руками Семен. — Могу сказать одно: это попало туда миллионы лет назад и спокойно лежало, пока сюда не пришли военные… Может быть, я и не прав… — добавил он. — Но мы бежали не от ксеноморфов. Лада верно заметила, никто не видел в глаза этих мифических пришельцев! Паника началась после того, как в эфир вышел Джон Кински и заявил, что будет защищать Ганимед всеми доступными видами вооружений своего крейсера. Вот тогда мне действительно захотелось в убежище… — тихо признался он.

Наумов ответил не сразу. Он был в нерешительности. Он, который четко осознавал всю свою жизнь, что, зачем и почему делает, — вдруг засомневался.

Что подействовало на него таким образом?

Миллионы километров пустоты, что лежали между системой лун Юпитера и Землей? Или странное, ненормальное поведение этой красивой, но не в меру жесткой молодой женщины, что так спокойно, расчетливо завалила боевой вертолет, будто родилась в бронежилете со снайперской винтовкой в руках, а потом так же спокойно объяснила ему, КТО главный враг человечества?.. Почему он не скрутил ее сразу, как только догнал, а сидел в пустом, покинутом людьми доме и беседовал с ней на «ты», будто с давней боевой подругой?

Поразмыслив, Наумов понял, что знает ответ на заданный самому себе вопрос.

Там, за остовом сгоревшего вертолета, чуть дальше по улице, возле перекрестка, где начинался отрезок скоростного шоссе, связывающий между собой русский и американский сектора освоения Ганимеда, он видел две плотно пригнанные друг к другу покатыми носами бронемашины с надписями на борту «Колониальная полиция». Люди хотели остановить нечто идущее со стороны американского сектора освоения, а не от процессорной станции, что находилась совсем в другой стороне…

Лада оказалась права, хотел он то признавать или нет. Люди бежали от крейсера, который уже запятнал себя дурной славой во время китайского кризиса. Они боялись. Не инопланетян, не монстров, не «зеленых человечков». Они боялись землян, своих собратьев, потому что четко представляли, чего можно ждать от тех, кто вообразил себя «гарантами мира во всем мире».

Человек, изо дня в день играющий в войну, не может оставаться нормальным. Он постепенно привыкает к оружию, как к вилке или ложке. Он начинает обращаться с ним неосторожно, потому как теряется острота ответственности и страшные поначалу вещи постепенно переходят в разряд обыденных…

Это Наумов, к сожалению, знал по собственному опыту… А вот откуда такой опыт у нее — судя по лицу, совсем еще молодой девушки?

«Так все-таки кто ты?» — хотелось еще раз спросить ему, но вместо этого он только пристально взглянул на Ладу, которая стояла напротив с задумчивым, почти отсутствующим видом, машинально и доверчиво опираясь на согнутую в локте руку Семена. Казалось, что ее мысли сейчас где-то далеко, не тут, а в глубинах собственной памяти, откуда как раз и

начинался этот интуитивно воспринятый Наумовым и не свойственный ее возрасту жизненный опыт…

* * *

— Значит, так… — После очередного короткого совещания с Горманом настроение полковника не улучшилось, но он постарался не показывать это окружившим его людям. — Сергей… — обратился он к одному из пилотов, — по словам командира «Альфы», у нас есть еще как минимум два часа. Он наблюдает и за «Трумэном», и за районом процессорной станции. Патрик готов гарантировать это время, потому что к леднику только что ушли какие-то машины, доставленные с борта «Трумэна» на спускаемом аппарате. Если Кински решил нанести удар, то это произойдет не раньше указанного срока. Очевидно, он хочет убедиться, что там действительно не осталось никого в живых.

— Это что-то меняет? — уже без всякой надежды осведомился пилот.

— Да, — коротко ответил Наумов. — Я склонен поверить выводу Лады. Горман солидарен с нами, но не может помочь — в его распоряжении нет ни свободных пилотов, ни адекватных транспортных средств. Зато, как я понял, они у нас есть, верно?

— Что вы собираетесь делать, полковник?! — с дрожью в голосе осведомился Виктор. — Здесь в космопорту тоже есть герметичные помещения! — добавил он, с мучительной надеждой глядя на Наумова.

Наумов кинул на него взгляд, под которым Виктор съежился и отступил в сторону.

— Мне нужно знать, — обратился он к пилотам, — пойдете ли вы на добровольный риск? Я не могу приказать… хотя хотел бы!.. — не таясь, добавил он.

— Что нужно сделать?

— Поднять «Буран» на высокую орбиту. Я обязан хотя бы попробовать добраться до Кински. Он не выходит на связь, но если постучать к нему в дверь, то надеюсь, что он не сможет отказаться от разговора. — Наумов посмотрел на Сергея и добавил: — Если вам нужно посовещаться, то давайте, только прошу — недолго.

Пилот кивнул, поджав губы, и взял за локоть своего раненого товарища, отводя того в сторону.

Наумов, не зная куда себя деть, подошел к Ладе, стоявшей около пульта и глядевшей через выбитое окно на панораму разрушенного космопорта.

— Если ты сумеешь отсрочить запуск ракет, то, возможно, я успею

добраться до ледника, — неожиданно произнесла она.

— Зачем? — Наумов с недоверием покосился на ее профиль. — Ты ведь ясно сказала, что не собираешься плясать под чью-либо дудку, — напомнил он.

— Я пойду туда, — упрямо ответила она, посмотрев на вшитый в рукав скафандра хронометр. — Отравленная атмосфера опасна для колонии так же, как и ракеты «Трумэна». Нет смысла ни препираться, ни скулить, проклиная свою судьбу. Да, я хотела плюнуть на все, но не получилось… — Она вдруг натянуто улыбнулась, в первый раз за все время их общения. — У меня свои понятия о жизни и смерти… — тихо добавила Лада, и прозвучавшее в ее голосе смущение вконец обескуражило Наумова. Он не мог взять в толк, что за чувства двигают ею…

— Хорошо… — скрепя сердце согласился он. — Я думаю, тебе бесполезно приказывать… но я прошу: если там действительно чуждая, враждебная жизнь — беги. Ты ведь не сбросишь со счетов эту возможность?

— Нет, не сброшу, — серьезно ответила она, и Наумов опять увидел, как пальцы Лады с силой впились в волокнчатый материал приклада винтовки. — Я справлюсь. Я должна дать шанс тем, кто тут жил, — внезапно произнесла она.

Наумов пристально посмотрел на нее и вдруг, подчиняясь внутреннему порыву, спросил:

— Скажи, а тебе в жизни давали много шансов?

— Какая разница! — Она вновь попыталась улыбнуться, но на этот раз все получилось несравнимо хуже — лишь вздернулся краешек верхней губ. — Ты ничего не понимаешь… — вдруг тихо произнесла Лада. — Сам не бежишь и думаешь, что я такая же, как ты? Ошибаешься…

— Тогда почему?

— Тебе так важно это знать?

— Нет… извини. Это действительно твое дело…

Лада отвернулась, поискала глазами Семена, но не нашла его в разоренном помещении диспетчерской. Ей вдруг стало обидно и горько, что он исчез в самый неподходящий момент. Даже проститься не получится.

— Вот что… — произнесла она, обернувшись к Наумову. — Я возьму машину, на которой мы приехали. Если сможешь договориться с Кински, то постарайся убедить его не разрушать процессоры. Он болен. Он и его люди совершили невозможное, выполняя приказ. Не их вина, что космос сожрал их души. Это скорее их беда. Они мужественные люди. Постарайся это

понять.

— Да, но…

— Если там действительно есть ксеноморфы, которые угрожают колонии, я попытаюсь их уничтожить… — прервала Лада его возражение. — Попробуй убедить в этом Джона Кински… Пойми, кто-то из нас двоих должен сделать это! — В голосе Лады прозвучала такая мука, что полковник едва не отшатнулся. — Я не умею убеждать… прости. Я умею только УБИВАТЬ! Значит, лететь тебе. А я пойду на ледник!..

Наумов хотел что-то ответить, но Лада резко развернулась и пошла к выходу. Она не хотела, чтобы он видел ее слезы.

Жизнь, как змея, вцепившаяся в собственный хвост, извивалась кольцом, оставляя небогатый выбор возможностей. Наумов просто не понимал это так ясно, как она. Его психику не ломали в подземных бункерах «Гага», его не учили мыслить категориями холодной логики, и, как у всякого нормального человека, его надежда умрет последней.

У Лады же в эти секунды не оказалось и этой милости, что дарит судьба обреченным.

Резко распахнув водительскую дверь внедорожника, она едва не стукнулась лбом о гермошлем сидящего за рулем человека.

Семен исподлобья взглянул на ее бледное лицо и вдруг с упреком произнес:

— Я не думал, что ты уйдешь, не попрощавшись.

* * *

Внедорожник стремительно мчался по бетонному покрытию автобана, пожирая километры. Мерный шелест покрышек отчетливо слышался в необычайной, глубокой тишине, что расплескалась по обе стороны серой дорожной полосы.

В салоне было тепло, но ни Семен, ни Лада не ощущали исходящих от отопителя токов воздуха, — забрала их шлемов были опущены, и оттого тишина вокруг казалась еще более глубокой, чем на самом деле, и какой-то личной, имеющей отношение только к ним двоим…

— Почему ты не остался? — наконец негромко спросила она, когда вслушиваться в тишину стало совершенно невыносимо.

Неизвестно, что она ждала услышать в ответ, но Семен не стал пожимать плечами.

— Не хочется последние минуты прожить трусом… — произнес он, не отрывая глаз от дороги, что летела под капот машины серой бесконечной лентой. — Не хочу ни задыхаться в убежище, ни скитаться по отсекам

«Альфы» — на это у меня нет ни смелости, ни сил… — откровенно признался он. — Долгая агония среди обезумевших людей — это слишком для меня. К тому же я, как и ты, подвержен логике.

— В чем ты видишь логику?

— В твоих словах. Что бы ни таилось на леднике, ОНО пролежало там миллионы лет. Думаешь, ОНО было оставлено, чтобы поработить или уничтожить нас? Я не верю. В этом нет смысла. И в истерию по поводу ксеноморфов тоже. Я не настолько сошел с ума от страха, чтобы безоглядно принять на веру то, что какой-то организм, оттаяв из-подо льда, вдруг оживет и кинется убивать все вокруг… Такого не бывает. Мамонты, которых доставали из-подо льда на Земле, не бросались на палеонтологов — они были мертвее мертвого…

— Это космос, — напомнила ему Лада. — Возможно, там, среди льдов обнаружился след таких технологий, что нам и не снились. Что тогда?

— Тогда я пойму, зачем «Трумэн» преодолел бездну пространства. И буду первым, кто увидел это. Понимаешь, я не хочу участвовать в том, что ты назвала самоистреблением. Это слишком мерзко, с моей точки зрения. Ощущать собственную беспомощность перед обстоятельствами — что может быть хуже, если конец все равно един?

Его высказанные вслух мысли оказались настолько созвучны собственным ощущениям Лады, что она не нашлась, как можно ему возразить…

Вдали, у горизонта появились первые облака. Они клубились совсем невысоко над землей и казались совершенно непроницаемыми для глаза. Где-то там, за бесформенной, эфемерной грядой пряталась процессорная станция.

По показаниям спидометра до нее оставалось не больше пятидесяти километров.

* * *

Тупой, обтекаемый нос «Бурана» медленно приближался к серебристой, отражающей лучистую энергию броне американского крейсера.

Приборы обоих кораблей вели взаимный диалог на отведенных для компьютерной связи частотах. Автопилоты очень хорошо понимали друг друга. Между ними не стояло ни расовых различий, ни подозрительности, ни страха, чего нельзя было сказать о людях.

— Приготовиться! — резко приказал Кински в коммуникатор.

Джон сильно сдал за последние несколько часов.

Его парни лежали там, на холодной, мертвой земле, у самой границы льда, и бьющий со стороны ледника ветер засыпал их тела песком и пылью.

Он видел их… Отправленные в район процессорной станции автоматы разведки неторопливо ползли среди трупов, показывая страшные подробности гибели взвода. Из туманной дымки испарений медленно проступали контуры окоченевших в неестественных позах тел, за которыми тлело это проклятое зарево, освещая густой туман и заставляя Кински нервно ломать побелевшие пальцы.

Они искали два последних тела — Хогинса, компьютерного техника взвода, и лейтенанта Брогана. Кински знал, — как только он увидит последний труп, то уже ничто не остановит залпа ракет по этому проклятому месту. Он уничтожит источник этой внеземной заразы раз и навсегда. Пусть потом его осудят или вознесут на вершину воинской славы.

Мягкий толчок и резкий визг шлюзовых ревунов возвестил о том, что стыковочный узел «Бурана» вошел в соприкосновение с соответствующим механизмом на обшивке «Трумэна».

Джон вдруг поймал себя на мысли, что момент можно назвать историческим — впервые русский челнок стыкуется с боевым крейсером Соединенных Штатов.

У шлюза нервно замигали лампочки, отметив работу бортовых компрессоров, что нагнетали сейчас воздух в тесную переходную камеру, но прошло еще несколько томительных минут, прежде чем внутренний люк отъехал в сторону с резким, неприятным шелестом приводящей его в движение пневматики.

Кински обернулся, тяжелым взглядом уставившись на русского полковника, который, не считаясь с переданным по рации предупреждением, все же добрался до входных шлюзов его корабля. В глубине переходной камеры больше не было видно ни одной фигуры — очевидно, управлявший «Бураном» экипаж остался на борту челнока.

Двое офицеров, выступив из-за спины Джона Кински, быстро и сноровисто обыскали скафандр Наумова. Затем, выполняя заранее отданный приказ, они заняли свои посты по обе стороны стыковочного шлюза.

Кински кивнул полковнику и жестом указал на овальный люк, который вел в соседнее с предшлюзовой площадкой помещение.

— Что вам угодно, сэр? — холодно спросил Джон, остановившись подле ряда вмонтированных в стену дисплеев и слушая, как автопереводчик эхом повторяет его слова на русском.

Люк за спиной резко встал на место.

Наумов усталым движением отстегнул тяжелый гермошлем и пригладил короткий ежик седеющих волос.

Всю дорогу сюда он мысленно пытался представить свой разговор с Джоном Кински, прокручивал в мозгу какие-то штампованные фразы о человечности, ответственности офицера, взаимном сосуществовании… но сейчас в его сознании не осталось ничего — только сводящая с ума усталость…

Исподлобья взглянув на Кински, он внезапно увидел его таким, как интуитивно описала того Лада, — такой же безумно уставший, растерянный, но не допускающий мысли о растерянности, мужественный офицер, которому отдали приказ, и вот он сошел с ума, проиграв бессмысленную схватку с окружавшей его на протяжении многих месяцев пустотой… Он потерял своих людей, не смог четко исполнить приказ, но он не понимал, что, по сути, невиновен…

— Джон, там внизу — мои люди… У них тоже есть приказ… Дай им шанс, прошу… — Эти слова вышли как-то сами собой, и Наумов не знал, почему произнес именно их. Наверное, бездонная чернота расширенных зрачков Джона Кински подсказала ему — этот человек уже перешел ту грань, за которой адекватно воспринимаются угрозы или весомые аргументы.

Впрочем, командир «Трумэна», похоже, не хотел вообще воспринимать что-либо. — Кински с удивительным проворством предупредил его следующую фразу — выхватив автоматический пистолет, он просто приставил его ствол ко лбу Наумова.

— Ни слова больше, полковник, — ледяным тоном произнес он. — Просто посмотри сюда… — Он резко толкнул Наумова к экрану, где в фокус видеокамеры вплывал очередной труп.

Нет… Это был не труп!

Глаза Кински расширились, когда он увидел, что параллельно курсу разведчика через молочный клубящийся туман, сопротивляясь порывам ветра, бредут двое людей в белоснежных скафандрах.

Зарево над ледником вдруг вспыхнуло, резко увеличив свою яркость, и оттуда сквозь прорехи в молочно-малиновом мареве начали прорезаться абсолютно чуждые человеческому восприятию силуэты…

Они шли прямо на фигуры в скафандрах, протягивая к людям то, что с трудом можно было обозначить словом «руки».

Наумов вздрогнул и вцепился побелевшими пальцами в край приборной панели пульта.

Его зрачки медленно расширялись, наливаясь той же безысходной чернотой, что и у американского офицера.

Похоже, что ракетный удар по процессорной станции действительно был неизбежен, и все это время заблуждался именно он, а не Джон Кински…

Глава 13

25 августа 2029 года. Ганимед. Район процессорной станции по переработке атмосферы…

Граница тумана обозначилась первыми рваными клочьями невесомого, эфемерного кружева, которое нес резкий, порывистый ветер. Дорога сразу же стала непредсказуемой, и Семен машинально сбросил скорость, — прошла всего минута или две с того момента, как вокруг заскользили первые облачка, а он уже едва видел обочину.

Теперь мощный внедорожник еле полз по шоссе, освещая молочно-желтую мглу светом шести фар. Туман, несмотря на значительную скорость ветра, не только не редел, а, наоборот, сгущался, принимая причудливые, осязаемые формы.

Капельки конденсата, из которых состояли новорожденные облака, оседали на лобовом стекле машины, покрывая его тонкой полупрозрачной пленкой, с которой едва справлялись включенные на полную мощность стеклоочистители.

— Похоже, что скоро встанем… — мрачно предрек Семен, у которого вдруг начала кружиться голова. Он внезапно понял, что временами начинает терять ориентацию. Не видя окрестностей дальше вытянутой руки в любую сторону от машины, он уже не мог с точностью поручиться, едет ли он по прямой или ведет машину к какой-то из обочин.

— Спокойно… — Лада протянула руку, помогая ему удерживать руль в верном, по ее представлениям, направлении.

Машина резко вильнула в сторону, — вестибулярный аппарат Семена не согласился с ее мнением, — ему казалось, что ехать следует не туда, и в результате короткой борьбы за руль внедорожник снова резко вильнул, сошел с трассы, несколько раз подпрыгнул на кочках и покатил, уже не разбирая дороги, по бесплодной, каменистой пустоши…

— О черт!.. — Семен резко ударил по тормозам, когда из молочной пелены тумана в свет фар внезапно выскочил обугленный борт какой-то перевернутой набок конструкции…

Осев на подвеску, машина остановилась, не достав передним бампером каких-то сантиметров до обугленного остова десантного посадочного модуля.

Несколько секунд Семен сидел, вцепившись в руль, а потом медленно

разжал пальцы.

— Могло бы быть хуже… — произнес он, не то пытаясь успокоить Ладу, не то оправдываясь перед самим собой.

Лада попробовала ободряюще улыбнуться, но за забралом ее гермошлема едва угадывались черты лица, так что Семен не смог заметить ее мимики…

Несколько секунд они оба напряженно молчали, пытаясь свыкнуться с плотной пеленой нездорового, желтого цвета, что окружила машину со всех сторон, облепила ее и, казалось, теперь желала просочиться внутрь, наплывая на стекла стремительными, деформирующимися прямо на глазах пластами и сгустками…

— Дальше пешком? — наконец спросил Семен, не без содрогания глядя на скупо освещенное фарами внедорожника, покореженное днище огромного спускаемого аппарата.

Лада кивнула, открывая дверь. Плывущий вокруг туман и на нее подействовал угнетающе, — она поняла, что БОИТСЯ его, но отчаянно боролась с собой, пытаясь не выдать охватившую ее робость. Потому и молчала.

Обогнув машину, Семен нашел ее руку.

— Пристегни, — попросил он, вложив в ее ладонь почти невесомый карабин своего страховочного фала.

С тихим щелчком крепление встало на место. Теперь они оказались связаны страховкой.

— Как будем двигаться? — Семен пытался оглядеться, но текущий мимо со скоростью ветра туман не давал никаких возможностей для ориентации.

— Обойдем модуль и будем идти по прямой, пока не выйдем к какому-нибудь строению станции, — предложила Лада, взяв его за руку. Семен не возражал, — наоборот, он был рад, что страховка не кажется ей надежным средством защиты от неожиданностей в этой вязкой, текучей мгле.

Ему казалось, что даже сквозь плотные оболочки скафандровых перчаток он чувствует дрожь ее пальцев.

Огибая потерпевший крушение модуль, они молчали.

Слова казались глупыми и неуместными в клубящемся мраке. Соединение рук и неровное дыхание обоих, слышимое через включенные коммуникаторы шлемов, выражало намного больше, чем могла передать речь…

Семен внезапно споткнулся обо что-то мягкое… Спину мгновенно

прошиб холодный пот.

— Стой!.. — хрипло произнес он и, отпустив ладонь Лады, склонился над занесенным пылью бесформенным бугром.

Через секунду он понял, что ЭТО БЫЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО!..

Семен судорожно сглотнул, невольно озираясь по сторонам.

Они ехали сюда, внутренне готовясь увидеть нечто подобное, но все равно — первая встреча со страшной реальностью, подробности которой до сих пор милосердно укрывал туман, в буквальном смысле потрясла его…

— Мертвый… — Он провел дрожащими пальцами по забралу чужого гермошлема, открывая взору искаженные агонией черты.

Семен никогда не видел насильственную смерть так близко. Он ощутил дрожь, дурноту, страх — весь сонм острых и неприятных чувств, казалось, ринулся на него, вырвавшись из окружающего небольшой пятачок света густого тумана, который мгновенно превратился в его сознании в страшную, враждебную субстанцию, откуда пришло нечто, совершившее данное зверство…

— Отчего он умер?.. — дрогнувшим голосом спросила Лада, опускаясь на корточки. Ее правая рука до судороги в пальцах сжимала цевье снайперской винтовки.

— Не знаю… Сейчас посмотрю…

Превозмогая естественный страх и некоторую брезгливость, Семен стал осматривать труп, стряхивая с того пыль, песок и мелкие частички липкой черной грязи, которые абсорбировали пыль, превращая ее в вязкую, трудно удаляемую массу.

Он не находил ровным счетом никаких признаков насильственной смерти, пока его рука не коснулась груди скафандра.

— Посмотри сюда!.. — не веря собственным глазам, вскрикнул он, указав на два расположенных рядом пулевых отверстия. Выстрелы пробили грудную пластину скафандра точно посередине, словно тут поработал снайпер, но Семен понимал: их расположение — это скорее всего случайность.

— Огнестрельное оружие…

Лада не нашлась, как прокомментировать это страшное и неприятное открытие. Откровенно говоря, исходя из скупых сведений о трагедии на леднике, она ожидала встретить тут что угодно, например, следы когтей на обезображенных телах, но только не аккуратные дырочки входных пулевых отверстий, обагренные по краям запекшейся кровью…

Следующий труп попался на их пути через сто-сто пятьдесят метров

от первого.

— Дьявольщина какая-то!.. — не зная, как выразить свои эмоции, выругался Семен, глядя на пулевое отверстие в забрале гермошлема, окруженное мелкой сеточкой трещин.

Третий найденный ими труп имел тот же самый вид, за исключением разве что количества огнестрельных ран — человека прошило очередью из автоматического оружия, а за несколько шагов от него виднелась свежая воронка от попадания ракеты. Дно воронки все еще слегка дымилось, а по краям оказались разбросаны фрагменты обугленной экипировки и несколько покореженных металлических листов от разорванного взрывом защитного кожуха какого-то устройства.

Будь они на Земле, Семен без колебаний бы сделал вывод, что тут шел ожесточенный бой между двумя группами хорошо вооруженных людей…

Но беда заключалась в том, что они все еще пребывали на Ганимеде, где не могло оказаться никаких вооруженных отрядов, кроме того взвода, что был десантирован в район процессорной станции с борта «Гарри Трумэна»…

Все это сильно смахивало на сумасшествие, помешательство, и Семен вдруг подумал о том, что еще не готов делать какие-то далеко идущие выводы. Встретившись взглядом с Ладой, он понял — она думает о том же, о чем и он…

Куда ни глянь, везде угадывались следы, нанесенные ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ оружием, и никаких признаков тех самых чужеродных организмов, на которых настаивал Джон Кински.

Ничего — ни самих нечеловеческих тел, ни их фрагментов, даже намека в виде следов, отпечатков, царапин от когтей, все попавшиеся им на пути трупы выглядели совершенно одинаково — они были ЗАСТРЕЛЕНЫ…

Разогнувшись, Семен опять попытался оглядеться вокруг и на этот раз действительно увидел в нескольких метрах от себя куполообразную стену какого-то приземистого здания.

— Это, наверное, диспетчерская, — интуитивно предположил он, чувствуя, что в любом случае недалек от истины — строений внутри периметра процессорной станции было не так уж и много.

Лада кивнула, с явным усилием оторвав взгляд от обезображенного автоматной очередью человеческого тела.

— Пойдем… — сказала она, крепко сжав руку Семена в своей ладони, словно ей было жизненно необходимо ощущать рядом с собой его присутствие…

Собственно, так оно и было. Не произнося никаких слов, не обмениваясь мыслями и мнениями, в эти роковые секунды их души сближались с невероятной стремительностью, будто густой, ядовито-желтый туман сначала растворил их в себе, а потом смешал воедино и разделил обратно…

…Впереди внезапно проявилось пятно белого света. Еще через пару шагов свет обрел четкие контуры, превратившись в укрепленный над входом в купол фонарь, который направленным лучом освещал вскрытую кем-то панель управления, через которую можно было отдавать команды автоматике шлюза.

Лада огляделась вокруг, но ветер, несущий мимо длинные полосы густого тумана, не позволял что-либо разглядеть вне освещенного фонарем круга. Вокруг по-прежнему царили плотные сумерки.

Пока она озиралась, пытаясь обнаружить неведомую им опасность, Семен склонился над вскрытой панелью. Отпустив руку Лады, он полез внутрь обнаженных электронных схем. Спустя секунду оттуда ударил сноп искр, резко щелкнул сработавший электромагнит, и массивный внешний люк купола начал открываться, уползая в сторону.

* * *

Внутри купола оказалось почти так же темно, как и снаружи. Где-то высоко под потолком скупо светила одинокая аварийная лампочка, да еще статичные, недобрые огни на многочисленных пультах управления и приборных досках разгоняли полумрак, наполняя помещение смутными, неясно очерченными тенями…

«Как в Новый год в темной комнате от разноцветных гирлянд на елке…» — внезапно подумал Семен. Воспоминание детства, такое же смутное, как и тени вокруг, вынырнуло из глубин подсознания помимо его воли, поразив воображение кажущейся неуместностью…

А что тут было правильным и уместным?

Внезапно в тишине купола раздался посторонний, ударивший по натянутым как струна нервам звук — то был хриплый, едва слышный стон:

— Help… me.

Семен почувствовал, как напряглась Лада, но он знал английский и потому придержал ее руку, когда она попыталась вскинуть оружие.

— Подожди…

Его самого было впору спасать от того запредельного, нечеловеческого напряжения, что сжимало разум стальным обручем страха, но он все же нашел в себе достаточно мужества, чтобы самому пойти

вперед, в расцвеченный контрольными огнями сумрак, туда, откуда до его слуха донесся этот едва слышный хрип.

Из-за центрального пульта управления действительно торчала чья-то нога в мягком скафандровом сапоге.

Семен присел и осторожно заглянул за выступающую консоль.

— Лада, иди сюда, скорее! — секунду спустя позвал он.

Людей оказалось двое. Тот, кто лежал внизу, очевидно, тащил навалившееся сверху тело на себе, покуда мог ползти. На полу под ними натекла липкая лужа уже начавшей подсыхать крови.

Стон повторился, но он уже не нес в себе никакой связной мольбы.

— Давай вытащим их… Осторожнее…

Вдвоем им удалось приподнять бессознательное тело и перенести его в установленное неподалеку операторское кресло.

Лада принялась осматривать его, но скафандр незнакомца оказался так щедро заляпан смешавшейся с пылью кровью, что она никак не могла понять — куда того ранило.

Семен, ни слова не говоря, метнулся назад.

Второй человек, что лежал на полу, похоже, пришел в себя за те секунды, что потребовались им для переноса первого тела.

Прыгающий в его ослабевших руках ствол автоматического пистолета не оставлял в этом никаких сомнений.

— Не подходи… — едва слышно прохрипел он на английском.

— Спокойно! — В этот миг Семен удивился сам себе. Он никогда не считал, что способен смотреть в черный зрачок ствола и при этом еще и соображать, быстро и ясно, будто из души испарился гнездившийся там всего минуту назад страх, а в кровь кто-то подбросил добрую порцию стимулятора… — Спокойно… — повторил он, стараясь как можно внятнее произносить английские слова. — Вы только что просили о помощи! — напомнил он.

Этот человек тоже был в скафандре. Забрало его шлема оказалось разбито, и из-под нависающего над бровями обода на Семена смотрели горящие глаза. Губы человека растрескались, словно у того был жар.

— Мне плохо… — внезапно простонал он, бессильно уронив руку с оружием. — Боже, как мне плохо!.. — Он вдруг повалился на бок и забился в конвульсиях. — Проклятый газ… Я отравился… — судорожно выдавил он в промежутке между душившими его спазмами…

Не рассуждая больше, Семен шагнул за пульт, подхватил грузное, бьющееся в конвульсиях тело и поволок его к центру отсека, под тусклый свет единственной лампы.

— Помогите… — опять теряя сознание, прохрипел человек, судорожно выгибаясь, когда очередной спазм пытался освободить его желудок от давно отсутствующего там содержимого.

— Что с ним? — резко спросила Лада, на секунду оторвавшись от своего жуткого занятия. В ее застывшей на весу руке оказался зажат окровавленный тампон, которым она обрабатывала обнаруженную наконец рану на плече пострадавшего.

— Погоди… — отмахнулся от ее вопроса Семен, озираясь по сторонам в поисках какого-то конкретного предмета. — Я знаю, что делать! — заверил он, кинувшись в дальний угол операторского отсека

Отравление непереработанными газами продолжавших таять ледников было одной из постоянных угроз, что висели над жителями колонии словно дамоклов меч… Семен действительно знал, что нужно делать. Здесь, у самых процессорных станций такая опасность была наиболее реальной, а потому каждое помещение обязательно должно было снабжаться специальными аптечками первой помощи при отравлениях.

Он не ошибся в своей уверенности. Продолговатый серебристый цилиндр с преувеличенно большим красным крестом на выпуклой поверхности оказался закреплен на стене около ручного огнетушителя. Вырвав его из захватов, Семен бегом вернулся к стонущему на полу солдату.

Бесцеремонно перевернув того на живот, он надавил коленом на спину пострадавшего, задрал его голову, другой рукой сорвав замки покалеченного гермошлема, и, отшвырнув помятый шлем в сторону, плотно прижал тупой конец цилиндрической аптечки к обнажившейся шее задыхающегося от конвульсивных спазмов бойца.

Раздалось несколько характерных щелчков, потом на аппарате первой помощи заморгали огоньки, и вновь раздались щелчки, но уже более приглушенные и мягкие, — это в оголенную шею впивались наконечники иньекторов.

Через несколько минут тело безвольно обмякло, и на всех оголенных участках кожи вдруг начали обильно проступать крупные бисеринки пота.

Семен осторожно отпустил голову, перевернул потерявшего сознание человека на спину и, убедившись, что тот дышит, обернулся к Ладе.

— Что у тебя? Давай помогу! — не узнавая собственного осипшего голоса, произнес он и тут же осекся — Лада беззвучно плакала, машинально комкая в пальцах испачканный кровью бинт.

По ее лицу катились слезы, а губы беспомощно кривились оттого, что она пыталась задавить подкатившие к горлу рыдания…

— Он умер… — наконец сумела выдавить она и резко отвернулась, не в силах больше смотреть на распростертый в кресле труп.

Семен молча подошел сзади и обнял ее за плечи. На единственном работающем экране продолжала клубиться враждебная, ядовитая мгла…

* * *

— Спроси, как его зовут?

Лада стояла в стороне от кресла, куда Семен усадил пришедшего в сознание незнакомца. С того момента, как они проникли в купол, прошло около пятнадцати минут.

Боец в разодранном скафандре, к которому присохла уличная грязь и чья-то кровь, сидел абсолютно безвольно, словно одетый в экипировку манекен, и лишь глаза и губы жили на его мертвенно-бледном лице.

Глаза настороженно следили за Семеном, который обернулся, чтобы перевести вопрос Лады, а губы спасенного мелко дрожали, выдавая дикий, пожирающий того изнутри страх…

— Как тебя зовут? — Семен не имел никакого опыта общения с ранеными, насмерть перепуганными людьми и справедливо нервничал.

— Хогинс… Марк Хогинс… — еле выдавил оползший в кресле боец — Компьютерный техник взвода… — спустя некоторый промежуток времени добавил он и скосил глаза на Ладу. Дыхание спасенного все еще не пришло в норму — он дышал часто и прерывисто, словно никак не мог насытиться чистым воздухом помещения…

— Что здесь случилось? — Семен старался говорить штампованными, заученными английскими фразами, чтобы его собеседник наверняка понял их смысл.

— Вы… русские?.. — внезапно напрягшись, спросил Марк.

— Да, — односложно ответил Семен, сопроводив ответ выразительным взглядом. — Это проблема? — все же уточнил он после некоторого колебания. Его покоробила сама постановка такого вопроса в дикой, неуместной ситуации, когда всей колонии грозила гибель, но Хогинс, похоже, не понимал этого… Его ожившие глаза лихорадочно метались между лицами своих спасителей, словно он пытался прочесть в них ответ на какой-то свой вопрос.

— Семен, скажи ему, что мы на одной стороне… Пусть успокоится…

Пока он переводил, Лада обвела взглядом помещение диспетчерского отсека, наткнулась им на укрытый брезентовым полотнищем труп лейтенанта Военно-космических сил США, и в чертах ее лица что-то дрогнуло, губы горько искривились, будто она уже пришла к какому-то

страшному для себя выводу, но хотела убедиться, что дела обстоят именно так…

Если бы Семен знал, что в эти жуткие, трагичные, напряженные минуты, когда их жизни висели на волоске от смерти, его спутница вспоминала Землю, ЕГО ДОМ, родителей и вновь переживала то свое ощущение, когда поняла, что шла, следуя слепому стечению обстоятельств, без воли, без разума, без потребности ПОНИМАТЬ, что делает…

Она знала, что никогда не расскажет ему, как едва не смела всю его семью, перечеркнув несколько жизней, одним выстрелом… Не расскажет… Но и забыть это было выше ее сил… Слишком похоже складывалась ситуация, и слишком свежо оказалось воспоминание о том, сколько можно сломать, механически выполняя чей-то приказ, а потом уже не будет ни сил, ни возможности собрать осколки разбитого вдребезги, как ни пытайся…

— Что здесь произошло? — прорвался в сознание Лады голос Семена, произносящий эту фразу на чужом языке вот уже в третий раз.

Лицо Хогинса напряглось. Очевидно, он все еще пытался провести внутреннюю информационную границу, за которой, по его мнению, начиналось разглашение военной тайны и предательство национальных интересов своей страны.

В этой борьбе проиграла страна.

Хогинс слишком хотел жить, чтобы молчать, упрямо поджав губы.

— Нас послали сюда изъять какой-то древний объект, что вытаял из-подо льда в этом районе, — срывающимся голосом признался он.

— Что за объект? — присев на корточки подле кресла, уточнил Семен.

— Не знаю… — мучительно выдавил Хогинс. — Я всего лишь рядовой, компьютерный техник… понимаете?

Семен кивнул.

— Понимаю. Но сейчас нам важно знать все, что знаешь ты.

Губы Марка дрогнули и искривились.

— Они напали на нас… — порывисто ответил он. — Это было страшно… — Его бледные черты внезапно исказила мука каких-то близких воспоминаний. — Броган… Шеборт… все… все погибли!!! — Он вдруг попытался порывисто вскочить, будто только сейчас до него окончательно дошел страшный смысл собственных слов, и несколько секунд сидел, подавшись вперед и напряженно вцепившись обеими руками в заляпанные кровью подлокотники кресла, пока накатившая вновь слабость не заставила его рухнуть обратно…

— Я не могу больше… — внезапно простонал он.

— Успокойся… — Тон Семена был тверд, но не убедителен. Он просто не знал, что делать дальше. Они пришли сюда в надежде на какую-то роковую ошибку, устранение которой еще может спасти колонию, и что?!. Что они увидели?!. Трупы людей и единственного, находящегося на грани безумия очевидца!

— Кто напал на вас? — предупредив вопрос Лады, спросил Семен.

Глаза Хогинса подернулись мутной поволокой.

— Какие-то твари… Я не могу описать их… Я не хочу вспоминать об этом! — вдруг истерично выкрикнул он. — Мы должны убираться отсюда… Пусть за нами пришлют модуль! — внезапно взмолился он, словно не понимал, что не во власти спасших его людей распоряжаться челноками с борта «Трумэна».

— Ваш командир не отвечает на вызовы, — мрачно осведомил его Семен. — Он считает, что весь десант погиб и собирается стереть с лица земли это место.

Хогинс на секунду умолк, переводя свой помутившийся взгляд с Лады на Семена и обратно.

— Спроси его, было ли у этих, как он выражается, «тварей» какое-то огнестрельное оружие? — попросила Лада.

Семен кивнул, переводя ее вопрос на английский. Глаза Марка удивленно выпучились.

— О чем вы говорите?! — взорвался он. — Какое оружие?! Вы бы видели их, они… они… ужасны!

— Он спрашивает, что за оружие ты имеешь в виду… — прокомментировал Семен, но Лада, очевидно, сама догадалась о смысле реакции Хогинса.

— Я имею в виду вот это! — с внезапной жесткостью в голосе резко ответила она, откинув полог брезентового полотнища, которым они с Семеном укрыли труп лейтенанта Брогана.

Марк искоса посмотрел на труп и хотел отвернуться, но Лада неожиданно схватила его за шейное кольцо скафандра, заставив смотреть на безуспешно обработанные ею пулевые отверстия в теле лейтенанта.

— Кто сделал вот это? Пришельцы?

Семен едва успевал переводить этот жестокий, сумасшедший диалог.

— Нет! Нет!!! — пытаясь вырваться, хрипел Хогинс. — Я не знаю! Они просто шли, тянули к нам свои руки! Это было ужасно, поверьте! Я не знаю, кто начал стрелять… Отпустите меня… Ради бога… Я не могу больше!

— Отпусти его!

Лада посмотрела на Семена, потом медленно разжала пальцы и отошла в сторону.

Все это выглядело дико… неправильно… жестоко, и в то же время Семен, на которого внезапно обрушился поток новых и страшных впечатлений, никак не мог отделаться от чувства, что и они, и те, кто погиб тут, и бессильно уронивший голову на ладони Марк Хогинс — все они идут по какому-то заранее предопределенному кругу…

— Я не смог попасть ни в одного из них… — внезапно произнес в наступившей тишине Марк. — Я хотел, но не мог…

— Почему? — резко обернувшись, спросил Семен.

— Их не убить… Они… Они как будто состоят из этого проклятого тумана!

— А вы пытались НЕ УБИВАТЬ их? — Голос Лады прозвучал совершенно глухо. — Чем они спровоцировали атаку? Они напали? Разрушили что-то на станции?

Лицо Хогинса побледнело еще больше, когда Семен дословно перевел ему вопрос.

— Я не видел… — упрямо ответил он. — Но если не они, то кто убил всех?! — внезапно вскинув голову, выкрикнул он. — КТО?!

— Страх, — ответ Лады прозвучал как некий осмысленный, страшный вердикт.

Семен почувствовал, как к нему возвращается ледяной озноб, когда он переводил Марку ее лаконичный, ответ.

— Скажи ей, если она такая крутая, пусть пойдет и посмотрит сама! — уже не владея эмоциями, выкрикнул Хогинс. — Пусть посмотрит в глаза СВОЕМУ СТРАХУ!

И тут же, не дождавшись перевода, он вдруг затравленно обмяк, умоляюще посмотрев на Семена:

— Нет… Ради бога, не уходите!.. Не бросайте меня тут!.. Я не вынесу больше!..

* * *

Сколько раз за короткую жизнь судьба загоняла ее в тупик? Лада не могла и не хотела отвечать на этот вопрос. Помнить, считать и копить собственные потери не входило в ее привычку, да и накапливалось их так много, что ни одна здоровая память не стала бы хранить в себе отстой таких воспоминаний.

Воспоминаний, из которых на протяжении многих лет складывалось ее понимание жизни…

Мрак, освещенный лишь двумя вспышками света. Источником одной был Антон… Второй — Семен и его семья.

Слишком мало, чтобы любить людей? Слишком ничтожно, чтобы добровольно подвергаться риску, страдать, а быть может, умереть?

А велика ли была она сама для Антона Петровича Колвина? Для Семена, который выбрал место рядом с ней в кабине внедорожника, поменяв его на призрачную, но — НАДЕЖДУ — спастись, покинув Ганимед на стартовавшем челноке?

Она обернулась, посмотрев на него влажными от непрошеных слез глазами.

Где проходила черта, за которой остался затравленный жизнью зверек и началась та Лада, что ТАК смотрела сейчас на человека, которого знала в общей сложности всего несколько дней, но который уже стал ей дорог, как никто из живущих?

Возможно, этот рубикон был перейден в руинах старого блокпоста в Таджикистане? Или в тот момент, когда она выскользнула из дверей дома Семена, так и не произведя рокового выстрела?

Лада не знала, и, собственно, сейчас для нее не были важны рубежи и даты, важным оставалось другое: она научилась МЫСЛИТЬ, оценивать свои и чужие поступки, а не просто плыть, предоставив себя слепому течению обстоятельств. В этом была ее сила и ее слабость, но, так или иначе, она хотела пройти свой путь до конца, и это был сознательный выбор.

Разумом она не верила в то, что случившееся тут непоправимо. Слишком сильный страх рождал в душах людей этот текучий ядовитый туман. Слишком сильно оголял суть некоторых МАШИНАЛЬНЫХ реакций человека на возникающие обстоятельства.

«ПОЗНАЙ СВОЙ СТРАХ», — кинул ей в лицо раненый американец.

«ПОЗНАЙ ГЛУБИНУ СВОЕГО СТРАХА, — И ВЫЖИВШИЙ ПУСТЬ ПОЛУЧИТ ВЕЧНОСТЬ», — так было написано на камне у входа в один из древних мавзолеев на далекой Земле… Наверное, древний каменотес, чья рука высекла эти слова, не понимал, сколь глубок заложенный в них смысл…

И тот компьютер, с чьего ДВД-привода была закачана в ее мозг эта фраза, тоже не осознавал ее смысл — он делал только то, что ему было предписано.

Лада вздрогнула, ощутив, что уже слишком долго стоит и смотрит в глаза Семена, а он, не отрываясь, — в ее глаза.

Раненый Хогинс беспокойно заворочался в кресле.

Он-то точно не понимал сути происходящего.

* * *

— Послушай, Марк… — Семен старался говорить спокойно, но получалось это из рук вон плохо — голос все равно дрожал, выдавая, сколь сильно напряжены его нервы. — «Гарри Трумэн» не отвечает на наши вызовы, но, быть может, ответит на твой. Постарайся связаться с Кински, пусть он пришлет сюда модуль.

— Куда вы собрались идти?!. — обессиленно осведомился Марк.

— К тому объекту на леднике…

— Это безумие!

— Марк, пойми… ставки слишком высоки, и тут не играет никакой роли, кто придет первым: Америка или Россия… — ответил ему Семен. — Если ты поймешь смысл слова «нечеловеческий», то ты сможешь признать и то, что все мы оказались в одной лодке, без расовых различий, государственных границ и других вековых условностей… — Семен говорил и успокаивался одновременно. — Мы видели то, чего не смог увидеть ты, мы видели, отчего погиб твой взвод… Там нет людей, убитых не из стрелкового оружия.

— Это ничего не значит… — хрипло прервал его Хогинс. — Не ходите туда… Давайте вместе уберемся отсюда, и пусть мой корабль бомбит это место. Прошу!..

Вместо ответа Семен вложил в дрожащую ладонь Марка сложенный вчетверо бумажный листок.

— Передай это полковнику Наумову, если он будет на борту «Гарри Трумэна». Если нет — то своему командиру.

— Что это?

— Гипотеза, которую мы хотим проверить… Единственное разумное объяснение творящемуся здесь бреду и тем фигурам, что видели в тумане бойцы твоего взвода…

Хогинс хотел что-то сказать, удержать двух русских безумцев, но Семен, словно предвидя это и не желая больше расходовать свою пошатнувшуюся решимость на бесполезный спор, просто хлопнул его по плечу и, не оборачиваясь, пошел к внутреннему люку купола, у которого ждала его Лада.

Только когда запор шлюза щелкнул, Марк понял, что так сильно беспокоило его в их уходе.

Снайперская винтовка Лады, что осталась стоять, прислоненная к пульту, на котором злобно горело с десяток красных сигналов,

свидетельствующих о перегрузке и отключении внешнего кольца процессоров переработки.

Теперь колонию могло спасти только чудо…

Чудо, в котором он уже не хотел принимать никакого участия.

* * *

Мрак снаружи, казалось, сгустился еще больше, — на Ганимеде наступал вечер, но зато ветер заметно стих, его порывы уже не были такими неистовыми, как час назад.

Теперь молочно-желтый туман не тек мимо, расслаиваясь на длинные полосы, — он почти застыл, клубясь, свиваясь в тяжелое кружево колонн, образуя странные, гротескные фигуры.

Ледник наконец начал выдыхаться. Серая пленка мусора, камней, пепла и прочих минеральных включений укрыла его поверхность непроницаемым для лучей искусственного солнца панцирем, сведя процесс новообразования атмосферы к редким столбам молочно-желтых гейзеров, что тут и там били из-подо льда… Изредка почва под ногами едва ощутимо колебалась — это изнутри многотонных глыб льда прорывался образовавшийся там газ.

От диспетчерского купола в сторону ледника все еще тянулось несколько прочных мономолекулярных тросов, но в отсутствие шквального ветра в них внезапно отпала необходимость, и Семен с Ладой просто пошли вдоль одного из них, придерживаясь направления на ледник, будто следуя нити Ариадны, что вела в самый центр лабиринта, а не прочь из него, как то предполагала легенда…

Первые несколько минут из савана испарившихся газов им навстречу выплывали лишь страшные подробности разыгравшейся тут меньше суток назад трагедии.

На тела людей нельзя было смотреть без содрогания и боли, но и помочь им тоже уже было невозможно…

Проходя мимо пятого или шестого бойца, которого автоматная очередь отшвырнула на спину, заставив широко раскинуть руки и выронить валявшуюся тут же «АР-20», они внезапно увидели, как впереди, на леднике желтый туман резко изменил свой цвет — там вспыхнуло малиновое зарево, мгновенно, до неузнаваемости изуродовав клубящуюся мглу, к которой уже начали привыкать и глаза, и психика…

Свет, исходящий от ледника, оказался настолько силен, что в нем терялись, блекли лучи плечевых фонарей скафандров…

Словно над Ганимедом внезапно зардел кровавый рассвет нового,

неурочного дня…

— Назад!.. — резко произнес Семен. — Давай отойдем назад!

Лада не стала спорить, хотя не поняла, зачем это нужно, — ведь они решили идти до конца, до самого источника этого призрачного, нечеловеческого света.

Отступив на несколько шагов, они увидели, как зарево вдруг вспыхнуло ярче и… погасло!

— Ты понимаешь что-нибудь?

Вместо ответа Семен отпустил ее руку и в несколько шагов поравнялся с тем местом, с которого они в первый раз увидели малиновый свет.

Зарево над ледником вспыхнуло с новой силой.

Шаг назад…

Погасло!

Семен повернулся к Ладе. Его лицо за прозрачным забралом шлема казалось бледнее обычного.

— Автомат, — вдруг хрипло произнес он. — Где-то здесь проходит граница окружности. Радиус действия его сенсоров, понимаешь?! Что бы там ни скрывалось на леднике, ОНО обладает автоматическими системами поиска и включается, только когда в радиус их действия попадает движущийся материальный объект!..

Лада кивнула, взяв его за руку. Наличие сенсоров еще не говорило в пользу того, что предмет безобиден. Туман не рассеялся, и трупы людей вокруг не исчезли. Ближайшее тело находилось от них всего в двух или трех шагах, как раз там, где должна была проходить граница этого незримого круга…

— Не торопись… — предостерегла она, сильно сжав его руку. — Давай предоставим первый ход им…

Семен не мог не согласиться с ее логикой.

Прошло несколько наполненных тишиной, зловещих минут, прежде чем внутри гермошлема Семена сдавленно пискнул зуммер.

— Идут!.. — хрипло выдохнул он.

— Это не оттуда! — вздрогнув, ответила Лада, на крошечном дисплее которой тоже появился отчетливый сигнал от движущегося к ним предмета.

Только он приближался не со стороны ледника, а от оставленного ими купола!

— Может, это Марк?

— Нет… — без колебаний ответила Лада. — Сигнал слишком слабый для человека… Что-то небольшое…

Им не пришлось теряться в догадках — в поле зрения внезапно вплыл неясный, смазанный туманом контур, больше всего похожий на медленно ползущую черепаху…

— Это какой-то робот!.. Но откуда он тут взялся?! — с удивленным облегчением спросил Семен, глядя, как механизм ворочает двумя укрепленными в специальных гнездах объективами видеокамер.

— Думаю, что он с борта «Трумэна», — ответила Лада. — Помнишь, Горман говорил Наумову, что Кински отправил сюда какие-то поисковые машины?

— Значит, сейчас они видят нас? — спросил Семен, присев на корточки перед объективами камер. — Привет! — Он приблизил свое лицо к фокусу объектива, заметив, как от этого движения сужается диафрагменный зрачок камеры. — Если вы меня слышите…

— Семен!!!

Голос Лады прозвучал так, что кровь заледенела в его жилах.

Медленно повернув голову, он увидел ЭТО…

ОНИ шли со стороны ледника.

В красном свете их контуры четко проступали сквозь клубящуюся мглу, словно этот свет был предназначен именно осветить, выделить, подчеркнуть бредущие в тумане фигуры.

Как будто тот, кто писал сценарий грядущих событий, мог предвидеть все, до мельчайших технических деталей этой сцены и приложил максимум усилий к тому, чтобы ОНИ были замечены…

Первым прямо на Семена и Ладу двигалось некое инсектоидное существо, внешне похожее на огромного паука. Его конечности, затянутые в отвратительный для человеческого взгляда, влажный от конденсата темно-коричневый хитин, размеренно двигались, перемещая небольшое, покрытое выпирающими сегментами панциря тело на высоте двух с половиной метров. Именно оттуда на людей смотрели два выпуклых, немигающих фасетчатых глаза, под которыми отвратительно двигались влажные, тошнотворные жвалы…

Семен, который все еще сидел на корточках, вдруг понял, — еще секунда, и он сойдет с ума.

Что бы там ни говорил его разум, но Марк оказался тысячу, миллион раз прав — ЭТО БЫЛО ЧУДОВИЩНО…

Его психика отказывалась воспринимать это страшное создание. А когда оно внезапно остановилось и начало поднимать переднюю пару своих членистых многосуставных конечностей в сторону двух оцепеневших людей — Семен не выдержал.

Его рука метнулась к оброненной мертвым бойцом «АР-20»…

Семен бы выстрелил — он готов был разрядить весь магазин автоматической винтовки в это отвратительное создание, которое пришло в их мир, чтобы…

Закончить роковую мысль, а вместе с ней и движение соскользнувшего на спусковую скобу оружия пальца ему не дала Лада.

— Отойди! — закричал Семен, но она не слышала или же не слушала его. Блокировав биссектрису[5], Лада сделал первый шаг навстречу монстру. В ее руках не было ничего — они оказались подняты вверх и развернуты ладонями к жутким фасетчатым глазам твари…

Сказать, что ей не было страшно?

Глупо. Она боялась так, что от нервного перевозбуждения дрожала каждая мышца ее тела…

Ужас захлестывал ее, сминая рассудок, словно многотонный каток, случайно наехавший на хрупкую пластиковую игрушку…

Тогда зачем она пошла вперед, демонстрируя свои пустые ладони, в то время, как один вид этой твари говорил, кричал о том, что между ними не может возникнуть никакой общности — только страх, отвращение и инстинктивное неприятие чуждых человеку форм?..

Лада не могла этого объяснить.

Просто она готовилась к чему-то подобному. Она ХОТЕЛА шагнуть навстречу своему ужасу, и сейчас, когда внезапно отказал оцепеневший от пристального взгляда двух фасетчатых глаз разум, тело продолжало идти…

Семен отшвырнул винтовку и бросился к ней.

— Лада! Остановись!!!

Было поздно.

Конечность твари, поднятая вверх в непонятном, но угрожающем жесте, резко опустилась и…

Она прошла сквозь заледеневшую от ужаса Ладу, не причинив ей никакого вреда, словно действительно оказалась не больше чем сгустком тумана, фантомом…

Ноги девушки подкосились, и тело в скафандре начало безвольно оседать на мертвый прах отложений, что толстым слоем покрывал язык древнего льда.

Семен подхватил ее, сел на землю, пытаясь заглянуть внутрь шлема через выпуклое стекло забрала, ударился об него своим, заметив лишь ее плотно сжатые, побелевшие губы, а инсектоидное существо, что возвышалось над ними, вдруг начало таять, терять свои очертания…

Словно оно уступало место другим, совершенно невозможным с точки зрения земной эволюции контурам, что прорезались сквозь алый туман, двигаясь по направлению к людям.

Губы Лады дрогнули, пытаясь что-то сказать, но для Семена было достаточно и этого легкого движения, чтобы он понял — она жива! Смертельно напугана, но жива!

— Молчи… Не волнуйся, все хорошо! Ладушка, милая, они действительно фантомы!.. — горячо шептал он, прижимая к себе ее безвольное тело, словно хотел спрятать ее, укрыть от надвигающихся со всех сторон фигур.

Они шли, протягивая к ним руки, и вдруг распадались, таяли, исчезали в воздухе, как только кому-то удавалось коснуться человека и взглянуть в его глаза…

Семен продолжал инстинктивно закрывать собой Ладу.

Он смотрел в их нечеловеческие черты, и страх, который он познал, уходил, растворялся в тумане вместе с исчезающими, призрачными фигурами…

Только сияние в центре ледника разгоралось все ярче, словно над Ганимедом действительно происходил фантастический восход нового солнца…

* * *

В центре ледника ветер отсутствовал полностью.

Остановившись на краю внушительного углубления, которое протаяло во льду, повторяя контур лежащей на дне конструкции, Семен и Лада смотрели вниз, наконец увидев то, что едва не уничтожило первую в истории внеземную колонию людей.

Предмет не выглядел каким-то фантастическим. Это был сияющий параллелепипед с небольшим вздутием на верхней плоскости, которое пульсировало, испуская тот самый призрачный малиновый свет.

Фантомы исчезли, будто их и не было.

— Спустимся? — спросил Семен, оглянувшись на автомат с борта «Гарри Трумэна», который тащился вслед за ними, настойчиво фиксируя происходящее.

Лада кивнула, сжав его руку.

* * *

С борта «Трумэна» действительно наблюдали за разворачивающимися внизу событиями.

Больше того, на борту военного крейсера случилось нечто невероятное — люди собрались подле большого экрана, образовав самую настоящую толпу, в которой русские смешались с американским экипажем, офицеры с рядовыми, — сейчас действительно стерлись все различия, и автопереводчик отчаянно захлебывался, переводя многоголосицу мнений.

У самого экрана стояли Наумов и Кински.

— Что они делают?! — Джон подался к экрану, когда две фигуры в скафандрах начали спуск в своеобразную воронку, окружавшую объект.

— Сейчас увидим… — ответил Наумов, который переживал не меньше своего американского коллеги. — Если этот предмет — устройство для первого контакта, то оно должно как-то отреагировать на их приближение! — предположил он.

И оно отреагировало.

Только совсем не так, как то могли предполагать люди…

Две фигуры в скафандрах спустились на самое дно воронки, потом подошли вплотную к светящемуся артефакту, верхняя грань которого оказалась выше макушек их гермошлемов, и кто-то из них двоих, — кто именно, невозможно было понять, — протянул руку к вертикальному борту предмета.

В следующий момент очертания сияющего параллелепипеда внезапно задрожали, смазались, словно по его поверхности пробежала темная рябь, затем последовала ослепительная вспышка и…

Передающие видеокамеры автомата на мгновение ослепли, а когда к ним вернулась чувствительность, то на дне воронки уже не было ничего — ни странного светящегося предмета, ни людей, только во льду остался четкий прямоугольный отпечаток глубиной в несколько метров…

— Они исчезли! — потрясенно выдохнул Джон Кински.

В забитом до отказа людьми отсеке американского крейсера повисла гробовая тишина.

Артефакт исчез, унеся в неизвестность двух людей…

Лишь потерявший цель для съемки автомат бестолково ползал по дну воронки, пока не свалился в оставшуюся во льду прямоугольную яму…

Эпилог

Земля. 27августа 2029 года…

— Коля, иди скорее, новости!

Отец Семена вошел в столовую, где работал телевизор, как раз в тот момент, когда диктор начал передавать сообщение:

— …Сегодня, двадцать седьмого августа две тысячи двадцать девятого года была восстановлена связь с колонией Ганимеда, прерванная пять дней назад по техническим причинам. Как сообщили нам в Мировом центре освоения космоса, транссистемный космический корабль «Альфа» успешно завершил полет и в данный момент начал плановую разгрузку на одной из геостационарных парковочных орбит колонии…

— Ну, слава богу… — Николай Андреевич посмотрел на жену. — Хоть умом и понимаешь, что там все в порядке, а на душе все равно неспокойно… — сокрушенно признался он. — Значит, мать, скоро жди звонка!

— Да, уж позвонил бы…

— Погоди! — Отец взял пульт, усилив звук. — Опять где-то трясет…

— …По не подтвержденным пока данным, сегодня были зафиксированы подземные толчки и обнаружен сход каменной лавины в районе одного из горных сел, расположенных на границе России и Грузии. В данный момент к месту предполагаемой катастрофы вылетели вертолеты пограничников…

* * *

В первый момент Ладе показалось, что она умерла.

Ощущение было именно таким — будто разом отказали все органы, со спазматической болью остановилось сердце, мгновенно онемели руки и ноги, исчезло зрение, осязание, только в глубинах мозга продолжала тлеть крохотная искра затухающего сознания.

Потом реальность вернулась — так же резко и болезненно, как и пропала.

Она почувствовала, что падает, но высота оказалась небольшой — удар о твердую поверхность последовал сразу же за щекотливым ощущением зависания внутренностей…

Открыв глаза, она увидела все тот же малиновый свет, только теперь

он стал мягче, глуше и освещал намного меньшую площадь.

Туман исчез вместе со льдом, словно их никогда и не было.

Лада приподнялась, опираясь на руки, и поняла, что лежит на неровном каменном полу какого-то замкнутого помещения.

— Семен! — отчаянно позвала она, больше всего страшась того, что не услышит ответа.

Рядом с ней, за спиной раздался неясный шум. Резко обернувшись, она увидела его — Семен сидел на каменном полу пещеры, в нескольких метрах от нее, и пытался обеими руками зажать треснувшее от удара о камень стекло своего гермошлема.

Лада бросилась к нему, будто ее ошпарили, сразу же позабыв про свою дурноту и все неприятные ощущения.

— Семен, не дыши! Ты меня слышишь?!

По крайней мере, в пещере, куда они попали, не было вакуума, иначе декомпрессия от разгерметизации скафандра уже бы дала себя знать. Но пригоден ли для дыхания воздух, и вообще, где расположена эта самая пещера?!

Эту проблему разрешил сам Семен.

Он крепко зажмурился и резко вдохнул.

Лада не успела ему помешать — внутри у нее все оборвалось от недоброго ожидания, но его лицо, хоть и оставалось бледным, никак не исказилось от сделанного вдоха, наоборот, вдохнув и Выдохнув еще раз, Семен открыл глаза.

— Дышу… — хрипло прошептал он, поднимая разбитое забрало. По его щеке сбегала струйка крови из небольшой резаной ранки.

«Разбитое забрало шлема да помятые кости — небольшая цена за путешествие нечеловеческим транспортом…» — приблизительно такая мысль крутилась в эти секунды в его голове.

Лада думала несколько иначе.

Она так сильно испугалась за него, что в первый момент не смогла говорить, — не было слов, и воздух, казалось, застрял в легких, не желая выходить оттуда.

Ее рука медленно потянулась к замкам гермошлема. Тихо клацнули захваты, освобождая шейное кольцо скафандра, и шлем легко отделился от остальной экипировки.

Все еще чувствуя саднящую боль в груди, Лада заставила себя сделать глубокий вдох.

Воздух пещеры был холодным и казался каким-то… затхлым?

Впрочем, в этот момент она думала совсем о другом.

Она боялась.

Боялась повернуться и увидеть, что он заинтересованно разглядывает стены или пол этого места в то время как ее сердце бешено колотилось и никак не хотело успокаиваться…

Сзади ее плеч коснулись руки.

Лада вздрогнула, ощутив, как мягко, но настойчиво он заставляет ее повернуться к себе…

— Я испугал тебя…

Она не ответила, но, когда губы Семена мягко коснулись ее напряженных губ, Ладе показалось, что ее сердце вновь остановилось, как в Момент внезапного перехода в иное пространство.

Прошло не меньше минуты, прежде чем они смогли вновь глотнуть горьковатый, холодный воздух пещеры…

Несколько секунд они продолжали смотреть друг другу в глаза, ощущая сквозь сдувшиеся оболочки скафандров, как гулко и неравномерно стучат сердца.

В проходе, откуда, собственно, и пробивался приглушенный малиновый свет, был виден фрагмент того самого параллелепипеда, что фантастическим образом доставил их прямо с ледника в эту неизвестную точку Вселенной.

Они оба слишком отчетливо чувствовали, что находятся уже отнюдь не на Ганимеде…

Не сговариваясь, а лишь обменявшись взглядами в абсолютной, давящей тишине, они пошли в сторону соединяющего две пещеры прохода.

Параллелепипед оказался действительно тем же самым — на его верхней плоскости таял, истекая горьковатым желтым дымком, кусочек льда с Ганимеда.

Вздутие на нем больше не пульсировало — оно светилось ровным, мягким, приглушенным светом…

Зал, который открылся их взору, оказался огромен.

По его периметру располагалось семь арок, чей серебристый материал обрамлял застывшие внутри сгустки черноты. Над каждой из арок было установлено по скульптуре, которая изображала одного из тех существ, чьи фигуры они видели на поверхности Ганимеда.

Больше тут не было ничего, за исключением доставившего их сюда светящегося прибора и зеркального круга, расположенного точно в центре периметра пещеры…

Тишина стояла полнейшая, воздух не колебался, камень излучал холод.

— Смотри, вон то существо, которое первым коснулось тебя… — потрясенно произнес Семен, указав на скульптуру, укрепленную над одной из арок. — Как ты думаешь, что это значит?

— Думаю, мы попали в транспортный узел какой-то сети… — тихо ответила Лада, не отрывая глаз от скульптуры головогорбого существа с двумя длинными руками, которая была установлена над соседней аркой.

Сказать, что они были потрясены до глубины души, — значит, не передать ничего…

— Это путь в их миры? — наконец хрипло спросил Семен.

— Наверное… Но скорее всего не на сами миры, а куда-то в специально отведенные для первого контакта места…

— Почему ты так решила?

— Они мудры, ты что, не понял этого? Мудры настолько, что могут предполагать, как разовьются события через миллионы лет… — Ладе казалось, что она читает свои мысли с ясной, раскрытой перед ней страницы какой-то невообразимо древней книги…

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую, — призналась она. — Мы с тобой получили билет в один конец. Это был тест на совместимость, понимаешь?

— Не совсем…

— Они когда-то посетили Землю, но то было очень давно. Тогда людей еще, наверное, не было и в помине, но наше появление предполагалось эволюцией Земли. Тогда они и оставили свое тестирующее устройство на Ганимеде, потому что предположили или просчитали, что Ганимед неизбежно будет колонизирован в том случае, если на Земле разовьется разумная жизнь… и если мы окажемся в состоянии выйти в космос, конечно… Так и получилось. Мы растопили льды Ганимеда и нашли артефакт. Обыкновенный тестер, автоматическое устройство, продемонстрировавшее нам фантомные образы тех, кто обитает в Галактике.

— Невероятно… — прошептал Семен, глядя на застывшие над арками фигуры. — А смысл?

— Смысл теста в том, что они уже, вероятно, имели горький опыт конфликтов с другими расами и не хотели новых встреч с теми, кто неразумен или по каким-то иным причинам не может или не хочет воспринимать своих соседей по другим звездным сообществам.

Очевидно, они так неизмеримо далеко от нас, что испугайся мы этих фантомов, уничтожь оттаявший из-подо льда прибор, и наша встреча с ними не произошла бы никогда…

— Билет в один конец? Сюда, на узловую станцию? Ты это имела в виду7

— Да, — кивнула Лада, зачарованно глядя на арки. — Мы приняли их, испугались, но приняли, позволили коснуться себя, не разрушили прибор, и вот итог — перед нами путь в семь иных точек пространства.

— Ты думаешь, они все еще ждут нас там?

— Не знаю. Возможно, их там уже нет. А возможно, их стало больше… Кто может ответить, не шагнув туда?

От этих сказанных вслух слов дрожь пробежала по телам обоих.

Они действительно сумели познать свой страх, взглянуть в его не имеющие дна глубины, но ВЕЧНОСТЬ, что предлагалась им взамен, все равно казалась непостижимой.

— Куда? — одними губами спросил Семен.

Лада чуть отстранилась, серьезно посмотрев на него.

— Ты хочешь сделать это сам?! — в замешательстве спросила она.

— А где другие кандидаты? — не понял ее вопроса Семен.

— Там… — Взгляд Лады указал вверх, к потолку пещеры, куда от серебристого круга уходила едва приметная прозрачная труба.

— Ты думаешь, что мы…

— Конечно, на Земле! Иначе билет в один конец теряет свой смысл. Хочешь проверить?

Не сговариваясь, они ступили на серебристый круг и внезапно почувствовали, как неведомая сила рванула их вверх по прозрачной трубе, исчезающей в потолке пещеры.

* * *

Это видел только старый пастух.

Издревле считалось, что в одной из пещер внутри горы обитают злые духи. И вот теперь он убедился в этом воочию.

Небо было ясным, без облаков, день не предвещал ничего плохого или необычного, только наступил миг, когда почва под ногами дрогнула и с ближайшего склона вниз полетели тучи камней…

Пастух присел, закрывая руками свою убеленную сединой голову, а когда грохот стих и он осмелился посмотреть на горный склон, то увидел там груды камней, оседающую пыль, огромную дыру в скале и две человеческие фигуры в непривычной белой одежде, похожей на виденные им по телевизору скафандры для полетов в космосе.

Отряхнувшись, пастух с неподдельным ужасом еще раз взглянул на фигуры, что стояли на краю провала, и вдруг, забыв про годы и ревматизм,

резво побежал к укрытому в ущелье родному селению

Через час, вызванный по рации, над горным склоном уже деловито стрекотал вертолет с эмблемой российских погранвойск на камуфлированном борту.

Август-ноябрь 1999 г.,

г. Псков

notes

Примечания

1

Принайтовленный — закрепленный на палубе (*морск. термин*).

2

ПТУР — противотанковая управляемая ракета.

3

АРГ — автоматический реактивный гранатомет.

4

ИМ — имитационное взрывное устройство, учебный взрыв-пакет.

5

Биссектриса (*воен.*) — направление стрельбы, линия, проведенная между стволом оружия и целью. [А когда я служил в армии, это почему-то называлось *директрисой* (Sergius)]